

Н. ЯКОВЛЕВ

1 августа 1914

Н. ЯКОВЛЕВ

1 августа 1914

Второе издание

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1974

Я $\frac{11202-310}{078(02)-74}$ 16—74

ВВОДНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ К УЖЕ НАПИСАННОМУ ДРУГИМИ

Тусторонний мир — российская эмиграция — многие десятилетия жил своей жизнью, вернее, существовал на задворках истории. В нашей стране сменялись поколения, творческие подвиги советского народа потрясали человечество, а в кругах белой эмиграции прозябали воспоминаниями. Мучительно и горько те, кто стоял у власти до 1917 года или пережил волнующее прикосновение к ней в считанные месяцы нелепостей, задуманных преступлений Временного правительства, размышляли все о том, почему они оказались ненужными собственному народу. В конечном счете лидеры белой эмиграции были русскими людьми. «Были», ибо теперь они ушли, но, вероятно, и на одре смерти до боли ясно им виделись в дымных сугробах белые стволы поседевших березок — мираж, определенно лишенный классового характера.

В обыденном смысле личная трагедия этих людей понятна. Но была и другая сторона — до конца дней своих подавляющее большинство руководителей белой эмиграции остались верными старым убеждениям. Больше того — вороша тускневшие с неумолимыми годами драгоценные воспоминания, они стремились представить себя благороднее и выше, чем были на крутом повороте истории в 1917 году. Силы стариков убывали. Подсознательная тоска по растраченной молодости или пущенных по ветру зрелых годах отягощалась осознанием того, что они оказались бессильны перед силами новыми и им совершенно непонятными. А ведь когда-то несостоявшиеся правители великой страны почитали себя интеллектуальной элитой, «мозгом» России. Любая попытка, намеренная или (как мы дальше увидим) просто оговорка, ставившая под сомнение «чистоту помыслов» незадачливых капитанов, свалившихся с мостика государственного ко-

рабля, естественно, принималась ими в штыки. И пуще всего эти люди боялись напоминаний даже со стороны единомышленников, что в те далекие годы они имели иные планы, кроме известной риторики насчет целомудренной демократии.

К середине пятидесятых годов время отнимало последние силы у немногих еще оставшихся в живых, но не подорвало их решимости хранить священную легенду. Ударом грома для глубоких стариков, ссохшихся политических мертвецов, явился выход в 1955 году в Нью-Йорке «Воспоминаний» П. Н. Милюкова. К этому времени автор, в прошлом историк, приват-доцент, лидер партии кадетов, первый министр иностранных дел Временного правительства, уже двенадцать лет покоился в могиле. Хотя бы по этой причине он был недоступен, его нельзя было убедить замолчать, взять назад написанное, а для непосвященных глухой намек на страницах 332—333 второго тома «Воспоминаний» много не значил.

Рассуждая о расстановке сил во Временном правительстве, П. Н. Милюков признался, что у него спала пелена с глаз только на склоне лет.

Речь шла о том, что во Временном правительстве, описанном и осмеянном как сборище бестолковых людей, оказывается, была некая крепко сколоченная группировка. Входившие в нее выполняли таинственный план, известный только им, а именно Керенскому, Некрасову, Терещенко и Коновалову.

«Все четверо, — писал Милюков, — очень различны и по характеру, и по своему прошлому, и по своей политической роли; но их объединяют не только одни радикальные политические взгляды. Помимо этого, они связаны какой-то личной близостью, не только чисто политического, но и своего рода политико-морального характера. Их объединяют как бы даже взаимные обязательства, исходящие из одного и того же источника... Дружба идет за пределы общей политики. Из сделанных здесь намеков можно заключить, какая именно связь соединяла центральную группу четырех. Если я не говорю о ней здесь яснее, то это потому, что, наблюдая факты, я не догадывался об их происхождении в то время и узнал об этом из случайного источника лишь значительно позднее периода существования Временного правительства».

Сделанные походя замечания Милюкова потрясли 88-летнюю Е. Д. Кускову. В бурные годы начала века она была видной деятельницей меньшевистской интеллигенции России и в начале двадцатых годов вместе с мужем С. Н. Прокоповичем за контрреволюционную работу была выдворена из пределов Советской страны. Она прочитала книгу Милюкова в Швейцарии, где доживала последние годы. Туда, держать совет с ней — что делать по поводу открытого Милюковым, специально приехал из-за океана, из США, 76-летний Керенский.

Что и как было сказано, едва ли станет известно, сама Кускова 20 января 1957 года писала Л. О. Дан (вдове известного меньшевика Дана) и сестре Мартова: «Я провела всю пятницу с Керенским. Нам пришлось обсудить, что делать в связи с тем, что Милюков упомянул о той организации, о которой я рассказывала тебе... Он очень одобрил уже сделанное мною: написать о ней для архива с условием не оглашать еще тридцать лет. Он поступит так же. Больше того, он даст ответ на туманное замечание Милюкова в предисловии к книге, которую сейчас пишет. Ответит от себя, не упоминая никаких имен. Все это было тщательно обдумано, и мы согласились о форме, как это нужно сделать. Но обязательно нужно остановить, если это возможно, сплетни в Нью-Йорке... еще живы люди, больше того, очень хорошие люди, и нужно позаботиться о них».

Так в середине пятидесятых годов была приоткрыта завеса над деятельностью тайной масонской организации, у руководства которой к 1917 году стояли Н. В. Некрасов, А. Ф. Керенский, М. И. Терещенко, А. И. Коновалов — ведущие деятели Временного правительства! Как бы ни было сенсационно это событие, нет необходимости ни драматизировать, ни снижать значения этого.

Русскому общественному мнению в начале XX века масоны представлялись чудаками, поглощенными архаичными и безобидными обрядами. Едва ли к ним могли серьезно относиться. Да и возрождение масонских лож после революции 1905 года выглядело как еще одно эксцентричное бегство от свирепой действительности. Обстоятельства основания лож «Северная звезда», «Возрождение» и других носили определенно

комический характер, не говоря уже о том, что охранка прекрасно знала о происходившем и даже попыталась завести полицейское масонство. Движение масонов в это время было связано с именами петербургского адвоката М. С. Маргулиеса и пресловутого князя Д. О. Бебутова.

Изрядно потасканный, преждевременно постаревший в великосветских салонах фат Бебутов с возникновением партии кадетов предложил ей свои услуги, вознамерившись пройти в Центральный Комитет К. Д. Прослышав, что кадеты носятся с проектом создания партийного клуба, он со слащавой обходительностью навязал 10 тысяч рублей. Великие либералы остолбенели — князь жертвовал на алтарь свободы немалую по тем временам сумму. Откуда деньги? Острословы раскинули умом и решили — наверное, украл у своей богатой жены, за что изгнан из дома и отныне свободен отдаться партии. На том и порешили, а деньги пустили в дело, и одиннадцать лет лидеры кадетов вели душевные разговоры в клубе, основанном и на бебутовские деньги.

За князем значилась масса лихих поступков в эти годы. То, что он самовлюблен и глуп, было видно невооруженным глазом. Но не вызывала сомнений и его неслыханная политическая дерзость. Бебутов со смаком ругал царя, издал за границей и привез в Россию альбом злых карикатур на Николая II, украсил ими свою квартиру, продолжал жертвовать на «общее дело» и прочее. Дураку счастье — разводили руками кадетские мудрецы. Они все же не взяли Бебутова в ЦК партии, успокоив его местом депутата в Думе от кадетов. После февральской революции все стало на свои места — выяснилось, что князь был агентом охранки, щедро ссужавшей его деньгами, на которые, помимо прочего, был основан кадетский клуб. Бебутов не выдержал разоблачения, старика хватил удар, и он умер.

Поразительная история кавказского князя имеет прямое отношение к нашему рассказу. В разгар своей деятельности Бебутов соблазнял кадетов и перспективами, которые откроет перед ними масонство. Он не преуспел, ибо П. Н. Милюков отличался складом ума холодным и рассудительным. На все предложения — и не только Бебутова — завести еще масонскую ложу

он, посверкивая пенсне, отвечал просто и внушительно: «Пожалуйста, без мистики, господа!» Узнав о заключении приват-доцента, именовавшего себя профессором, великие умы в охранке, все же уважавшие ученость, решили, что масонство — пустой номер, и потеряли к нему всякий интерес, как и сам Милюков, который не терпел таинственного в рациональный век, каким обещало быть XX столетие.

Промахнулись как сыск, казалось бы, по долгу службы обязанный знать человеческую натуру, так и знаток отечественной истории. В сентябре 1915 года после провала переговоров «Прогрессивного блока», возникшего в Думе, с правительством (о чем дальше) те, кто считал себя руководителем русской буржуазии, решили создать тайную организацию. Война подстегивала, времени на обсуждение не оставалось, и они преисполнились решимости пренебречь всеми партийными различиями и добиться только одного — своей организацией охватить высшую структуру Российской империи, особенно двор, бюрократию, технократию и армию. Для скорости взяли уже готовые схемы предприятий такого рода и сочли, что удобно строить заговор по типу масонских лож.

Его организаторы взялись за выполнение сразу многих задач. Для начала — нейтрализация или устранение монархии, переход всей полноты власти в руки буржуазии в рамках диктатуры. Последняя была нужна не ради самолюбования — страна жила на вулкане революции. Буржуазные деятели, именовавшие себя масонами, хотели встретить ее во всеоружии, располагая прочной организацией. Не допустить революции, а если она вспыхнет, потопить ее в крови — такова была главная цель объединения политиков, формально принадлежавших к разным буржуазным партиям.

В начале сентября 1915 года возник сверхзаконспирированный «Комитет народного спасения», издавший 8 сентября «Диспозицию № 1». В таинственном документе, найденном после Великого Октября в бумагах А. И. Гучкова, формулировались цели новой организации. В нем утверждалось, что на руках у России две войны — против упорного и искусного врага вовне и против не менее упорного и искусного врага внутри. Достижение полной победы над внешним врагом немыслимо без предварительной победы над

врагом внутренним. Под последним имелась в виду правившая династия. Для победы на внутреннем фронте необходимо оставить всякую мысль о «блоках и объединениях с элементами зыбкими и сомнительными», немедленно назначить штаб верховного командования, основную ячейку которого составят князь Г. Е. Львов, А. И. Гучков и А. Ф. Керенский.

Отцы — основатели организации настаивали, что борьба «должна вестись по установленным практикой правилам военной дисциплины и организации». С самого начала подчеркивался избранный, а не массовый характер организации — «Сия работа не касается обыкновенных граждан, а исключительно лиц, участвовавших в государственной машине и общественной деятельности». Пригодным методом признавался прежде всего «отказ войск» иметь какое-нибудь «общение» с лицами, подвергнутыми остракизму штабом верховного командования, удаленными от государственных и общественных функций (хотя, естественно, они продолжали занимать соответствующие посты в иерархической пирамиде империи!).

Заговорщики считали, однако, совершенно обязательным, чтобы не допускалось стачек, могущих «нанести ущерб государству», то есть стремились предотвратить любое массовое движение против царизма. Иными словами, речь шла о подготовке верхушечного дворцового переворота, но отнюдь не революции.

Эти люди, конечно, не были столь наивны, чтобы вместе с масонским жаргоном, на котором написана «Диспозиция № 1», брать все у идейных предшественников. Пресловутые фартуки каменщиков, символика и обрядность исключались, в организацию допускались женщины, оставалось главное — глубокая тайна и клятва хранить ее. Организация состояла из лож по пять человек, подчиненных в конечном счете «штабу верховного командования».

Кускова в письмах, написанных в 1955—1957 годах, утверждала (Л. Дан, 12 февраля 1957 года): «Нам было необходимо завоевать на свою сторону военных... Здесь мы добились значительных успехов». В письме Вольскому 15 ноября 1955 года: «У нас везде были «свои» люди. Такие организации, как «Свободное экономическое общество», «Технологическое общество»,

были пронизаны ими сверху донизу... До сих пор тайна этой организации не раскрыта, а она была громадной. Ко времени февральской революции вся Россия была покрыта сетью лож. Многие члены организации находятся здесь, в эмиграции, но они все молчат. И они будут молчать, ибо в России еще не умерли люди, состоявшие в масонских ложах». Сама Кускова умерла в 1958 году. Этим откровениям глубокой старухи историки обязаны считанным фразам о русских масонах, появившимся по недосмотру в мемуарах Милюкова. Пока нить оборвалась, едва ли зазвучат новые голоса...

В двадцатые годы белогвардейский историк и публицист С. П. Мельгунов сделал отчаянную попытку раскрыть тайну. После опубликования в Советском Союзе в XXVI томе «Красного архива» поразительной «Диспозиции № 1» он утроил усилия, домогаясь сведений у лидеров российской эмиграции. Гучков и Керенский начисто отрицали существование масонской организации. Тогда сама Кускова устояла перед «истерикой и шантажом», как она называла методы сбора информации Мельгуновым и, как мы видели, разомкнула уста только во второй половине пятидесятых годов, после опубликования книги Милюкова...

Прервем пока интригующее путешествие в призрачный мир политических силуэтов минувшего. Для наших целей достаточно указать, что руководители российской буржуазии отнюдь не были безобидными людьми, полагавшимися лишь на легальную партийную деятельность. Напротив, они были очень рукастыми, не только ворочавшими капиталами, но и изобретательными интриганами. В самом деле, разве был иной путь затянуть генерала или офицера императорской армии в тенета заговора, как предложение оказать услугу «братству», а не принимать участие в «грязной политике». Психологически расчет был точен.

В делах такого рода судить нужно по фактам. Масонская организация дала посвященным то, что не могла предложить ни одна из существовавших тогда буржуазных партий — причастность к «великому делу». Вместо ложной риторики, пустой партийной трескотни — работа бок о бок с серьезными людьми. Работа «чистая», ибо не требовалось идти в массы, общаться с народом, которого российские буржуа в

обличье масонов чурались и боялись не меньше, чем ненавистные им соперники у власти — царская камарилья.

Методы работы масонов — постепенное замещение царской бюрократии своими людьми на ключевых постах сначала в военной экономике через «добровольные организации», Союз земств и городов (Земгор), — сулили планомерный переход власти в руки буржуазии. Без ненавистной революции, больше того, предотвращая ее. Иными словами, практика «превентивной революции» — гордость современного империализма была опробована в России давным-давно.

Верность масонской ложе в глазах посвященных была неизмеримо выше партийной дисциплины любой партии. И когда пришло время создавать Временное правительство, его формирование нельзя объяснить иначе как возможным предначертанием этой организации.

Тогда предстает в должном свете неожиданная согласованность действий ряда высших представителей буржуазии, принадлежавших к различным партиям и между которыми уже хотя бы по этой причине были рогатые отношения. А они выступили единодушно.

В. И. Ленин, оценивая февральскую революцию, подчеркнул: «Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, «разыграна» точно после десятка главных и второстепенных «репетиций»; «актеры» знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия» [1].

* * *

И еще один вопрос, имеющий касательство уже к исторической науке. Почему роль масонов в действиях российской буржуазии оставалась вне поля зрения? Что, разве не было никаких материалов? Это, конечно, неверно. Отдельные указания были, однако им не при-

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 12.

давалось значения и по основательной причине — соответствующие факты, во всяком случае в 1917 году, попадали в руки тех, кто был прямо заинтересован в их сокрытии.

Сразу после февральской революции в Петрограде была учреждена Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства «для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц». Ее материалы — «Падение царского режима», изданы в семи томах в Ленинграде в 1924—1927 годах. Стенограммы допросов рисуют картину страшной растерянности, упадка духа, низости тех, кто совсем недавно правил Россией. Потрясенные революцией, терзавшиеся по поводу своего будущего, опрашиваемые на допросах выбалтывали то, что в иных условиях никогда бы не стало достоянием гласности.

Особенно словоохотливыми оказались бывшие чины охранки и жандармерии. Недавние столпы «правосудия», обрекавшие революционеров на долгие годы тюрьмы и каторги, хладнокровно отправлявшие их на виселицу, сломались, пробыв несколько недель в камерах Петропавловской крепости, где содержались далеко не на тюремном режиме. Блудливо ловя взгляды членов комиссии, они стремились угадать ее желания и выкладывали все. Вытряхнутые из голубых мундиров, они оказались жалкими людишками даже перед болтунами, допрашивавшими их.

19 марта 1917 года перед комиссией предстал генерал-лейтенант Е. К. Климович, начавший свою службу в охранных отделениях, и в 1916 году кратковременный директор департамента полиции. В ходе допроса всплыли имена агентов полиции Ратаева и Лебедева, о которых спросили Климовича. Стенограмма гласит:

«Климович. Ратаев известен, а Лебедев нет.

Родичев. Значит, Ратаев был подчинен департаменту полиции?

Климович. Ратаев когда-то был во главе бюро заграничных агентов.

Родичев. В 1916 году?

Климович. В 1916 году. Ратаева, кажется, взяли до моего еще вступления. Ему платили сравнительно

небольшие деньги, и он должен был по масонству написать какое-то целое сочинение, но он прислал такую чепуху, что я даже не читал...

Родичев. По какому масонству? Я хотел вас спросить, вы говорите, что вам это совершенно неизвестно...

Председатель. По чьей же инициативе департамент полиции заинтересовался масонством?

Климович. Не могу сказать: это было еще до меня. Я помню, что при мне посылалось, кажется, 150, может быть, 200 добавочных рублей по старому распоряжению. Он представил какую-то тетрадь, которую заведующий отделом принес и говорит: «Ваше превосходительство, не стоит читать, не ломайте голову: совершенно ничего интересного нет, чепуха». Я сказал «чепуха» и не стал читать. Может быть, там и было что-нибудь, но мне неизвестно.

Родичев. Милюков называл эти два имени в своей речи, а потом я видел письмо военного министра Шуваева к Родзянко, в котором военный министр называл эти два имени как агентов.

Климович. Может быть, они по военной разведке работали, может быть, по шпионажу. Я с этим вопросом незнаком, эта область меня не касалась. Очень может быть...»

На этом расспросы о масонстве прекратились, без всякой связи перескочили к другим делам. Что бы ни утверждал Климович, Ратаев не был мелкой сошкой в лабиринте охранки. Во время допроса бывшего премьера Б. В. Штюрмера он в иной связи припомнил Ратаева, отозвавшись о нем как об «очень образованном и интересном человеке». Впрочем, Штюрмер, вероятно, умышленно преувеличивая на допросе свою природную тупость и возрастной маразм, перепутал фамилию, сказав «Ратьков». Авантюрист-журналист П. Л. Бурцев помянул Ратаева также по другому поводу. Оказывается, специалист по масонам был великолепно в курсе и сверхтайного дела охранки — дела провокатора Азефа.

Во время допроса С. П. Белецкого прояснилось коечто, о чем не сказал Климович. Белецкий имел за плечами долголетнюю службу в охранке, два года в канун войны был директором департамента полиции, а в войну некоторое время сидел товарищем министра

внутренних дел. Даже среди рыцарей царского сыска Белецкий был одиозной фигурой. Прославив себя провокациями, он по уши погряз в самых грязных делах. Спасая свою шкуру, Белецкий рубил подряд и обо всем. На допросе 15 мая 1917 года, описывая структуру зарубежной агентуры охранки, он промолвил: «Затем по вопросу о масонах...» Немедленно вопрос председателя: «Какое же отношение имеет департамент полиции к масонам?»

Белецкий. Если разрешите, я вам сейчас расскажу. Дело в том, что это было в политическом отделе. Я не был знаком с вопросом о масонах, был знаком только с литературой, как все мы знакомы, до назначения своего директором департамента полиции. Впервые я познакомился тогда, когда великому князю было угодно спросить меня по этому вопросу. Я потребовал справку — это было на первых порах моего директорства, потребовал все материалы и натолкнулся на три большие записки. Они представляли собой историю масонства в общих чертах, написанную довольно живо, потому что писал ее Алексеев, окончивший с медалью лицей, при бывшем директоре департамента, кажется, при Курлове (исполнял эти обязанности в 1907—1911 гг. — *Н. Я.*)... Курлов был под влиянием революционно-правой прессы, которая почему-то считала, что все события в России в последнее время являются следствием деятельности масонских организаций, особенно французских и германских лож. Курлов секретно от департамента полиции сосредоточил у себя все материалы. Департамент полиции имел только одного офицера, который вел это дело и который получал случайного характера справки из заграницы.

Председатель. Значит, до специального интереса, который под влиянием органов печати проявил Курлов, департамент постоянно интересовался масонством, так что даже имелся особый офицер?

Белецкий. Да, был специальный офицер, я забыл фамилию, потом он ушел из департамента. В материалах... мне пришлось натолкнуться на схему одной из масонских организаций, никем не подписанную, без препроводительной бумаги; из этой схемы ясно можно было понять, что будто бы сдвиг всего настроения в пользу общественности при председателе совета министров Витте был обязан тому, что Витте

являлся председателем одной из лож, заседавших в Петрограде... Из разговора департаментских, из того, что я слышал от П. Г. Курлова, автора записки, я узнал, что эти записки должны были быть доложены государю императору. Во время киевской поездки был убит не государь, а Столыпин, интрига против которого уже вполне созрела; Курлов хотел указать (и я повторяю, по слухам среди чиновников департамента), что и Столыпин принадлежал к одной из масонских организаций.

Председатель. Это вам передавали чины департамента полиции?

Белецкий. ...Рассмотрев внимательно все, что мне дал департамент полиции, я пришел к заключению, что ни о каких масонских ложах, которые могли играть политическую роль в Петрограде, не могло быть и речи. Когда агентура была уже направлена к великому князю, оказалось, что это не что иное, как оккультные кружки...

Председатель. Так что за масонов сходили оккультные кружки?

Белецкий. По крайней мере, у меня было такое впечатление. Меня этот вопрос интересовал, потому что великий князь дал мне сведения, что в среде офицерского состава гвардейских частей петроградского гарнизона имеются масонские ложи».

Белецкий рассказал, что для проверки он затребовал сведения от заграничной агентуры, в том числе от Ратаева. Для их сбора потребовалось даже «затратить крупные суммы», но ничего не прояснилось.

Комиссия все слушала, но председатель прервал словоохотливого Белецкого: «Я хотел бы установить связь с главной темой, которая нас интересует. К чему вы ведете ваш ответ?» Белецкий, надо думать, был напряжен, как струна, и моментально отреагировал: «Я хочу быть только правдивым; я хотел сказать вам все, что знаю по вопросу о заграничной агентуре, где работал Ратаев».

Комиссию это, однако, не заинтересовало, и, не переводя дыхания, как при допросе Климовича, обратились к другим делам. Белецкий был вознагражден за свою «правдивость»: по распоряжению министра юстиции А. Ф. Керенского был брошен в карцер. Один из немногих, если не единственный из допрошенных,

с которым столь сурово обошлись. Вероятно, он сделал нужные выводы — в письменных показаниях Белецкого о масонах ни слова. Между тем из десятков лиц, прошедших перед комиссией, только он дал показания, занявшие несколько сот страниц! Остальные даже отдаленно не приблизились к рекордсмену.

Наибольшую последовательность в попытках осветить роль масонов в предыстории февральской революции сделал Мельгунов, обобщивший свои многолетние разыскания в книге «На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года» (Париж, 1931 год). Даже тогда, примерно за полстолетия до наших дней, он жаловался: «Время убийственно скоро идет. Уже некоторых нет, и, может быть, они унесли в могилу то, что могли рассказать при жизни». Мельгунов опросил множество эмигрантов. Результаты оказались не бог весть внушительными.

Введение «От автора» к книге проникнуто определенным пессимизмом. «Исследователю до поры до времени приходится блуждать среди трех сосен. Основную причину такого умолчания совершенно верно определил один из деятелей февральской революции в частном письме ко мне. Позволю себе его процитировать: «Когда разразилась «стихийная», все эти заговоры, естественно, замолкли, заглохли в своих зачаточных фазисах, образовав какие-то туманные пятна. В этом тумане вы и пытаетесь разобраться. А затем историка подстерегает еще другая трудность — источники. Надо считаться с пережитком политической обстановки и общественной психологии. То, что было тяжким государственным преступлением до февраля, что приходилось тщательно скрывать, стало в один прекрасный день патриотическим подвигом, или, вернее, правом на такой подвиг, правом, которым люди стали кичиться. Много за эти дни выросло таких героев-революционеров, правда, как бы в потенции. На прикосновенности к «революционному действу» люди пытались в новой обстановке составить себе репутацию, завоевать славу, сделать карьеру. А затем наступил новый период (период наших дней), когда предаются анафеме все и всё, что прикоснулось революции. И тогда люди от них шарахнулись, заметая следы. И вот в этой суматохе, скажите

сами, когда люди были склонны говорить правду? А к этой сознательной неправде сколько подбавилось неосознанной за эти эпохи сумятицы, угара, взбаламученных чувств... И во всем этом должен разобраться бедный историк, ибо иначе у него получится не история, а роман».

Трудность установления фактической канвы лежит не только в указанных психологических основаниях. Вмешивается и другая таинственная сила, скрытая от взоров профанов, — тайна русских масонов. Мы увидим несомненную связь между заговорщицкой деятельностью и русским масонством эпохи мировой войны. Но здесь передо мной табу уже по масонской линии. Современнику очень щекотливо раскрывать чужие тайны. Постараюсь быть осторожным в этом отношении».

В целом Мельгунов остался верным своему обещанию — он не вышел за рамки достоверно известных ему фактов, точнее, тех, которые считал возможным огласить.

Западная историография уделила этой проблеме определенное внимание, с тем, однако, чтобы в конечном итоге с годами свести значение масонов до минимума. Этому не приходится удивляться. Указание на существование тайных организаций, безусловно враждебных народу, в которых участвовали ведущие контрреволюционеры, едва ли соответствует видам антикоммунистической пропаганды, пытающейся изображать тех, кто шел против большевиков, апостольской общиной прекраснодушных либералов.

Методы, при помощи которых современные буржуазные идеологи прикрывают эту страницу в истории России, иллюстрирует книга профессора У. Лакера «Судьба Революции. Интерпретации советской истории», опубликованная в связи с 50-летием Великой Октябрьской социалистической революции. Лакер, один из виднейших западных «советологов», подводя итоги изучения истории СССР в капиталистическом мире, заметил:

«Роль масонов в 1917 году также вызывала значительный интерес и иногда вызывала порядочное оживление, хотя больше в популярных работах, а не ученых трудах. Во Временном правительстве, и особенно в либеральной партии (вероятно, по терминологии

Лакера — кадеты. — *Н. Я.)*, прослеживается сильное влияние масонов. Видным масоном был Терещенко, сменивший Милюкова на посту министра иностранных дел в мае 1917 года, а также его коллега Некрасов. Оба занимали ярко выраженную пацифистскую позицию. Этих масонов обвиняли, в основном правые, в том, что в 1917 году они с самого начала оказывали пагубное влияние». Поговорив о «пагубном влиянии», Лакер перешел к оценке литературы по этому вопросу. На его взгляд, дело обстояло так: «В начале двадцатых годов вышло немало книг о масонах и русской революции. Убеждение в том, что масоны... сыграли видную, если не ведущую, роль, в русской революции, стало неотъемлемой частью правой эмигрантской литературы двадцатых годов. Эта версия постепенно поблекла, однако интерес к масонам вновь оживился в пятидесятых годах и на этот раз не со стороны крайних правых (Д. Аронсон, Г. Катков). Предположение о том, что масоны коллективно сыграли важную роль в революции, не разделяется большинством специалистов по советским делам. Если Терещенко и Некрасов были масонами, то ими были и другие, стоявшие за продолжение войны и аннексии. Поскольку не было доказано, что существовала политическая солидарность и предпринимались согласованные действия, принадлежность к масонам отдельных лиц не имеет большого значения».

Но и Лакер решительно ничего не доказал. Не отношение к войне и миру в 1917 году отличало масонов от других в правящем классе, водораздел проходил не там, масонов объединяло стремление взять власть в руки буржуазии, частью которой они и являлись. Все остальное было сферой тактики, как не имела для них большого значения формальная принадлежность к той или иной партии. Далеко не перспективно, как делает Лакер, пытаться обмерить масонскую организацию аршином, пригодным только для политических партий. Масонство давало участникам этих партий некую общую платформу, хотя, конечно, не снимало партийных различий. Помимо прочего, в пространном суждении Лакера явственно просматривается то, о чем говорилось выше, — горячее желание не омрачать либеральный лик российского буржуаполитика, решительно сметенного социалистической

революцией. Не лишать его ореола невинного мученика.

Курьезное положение сложилось и в другом отношении. Современные «советологи» объявляют уже сам интерес к этой закулисной стороне истории России в годы первой мировой войны чуть ли не аттестатом принадлежности такого исследователя к крайней «реакции». Позволительно, правда, спросить тогда, где же стоите вы, господа «советологи»? Пока было известно, что профессионалы этого дела гордятся, что они — сверкающее острие антикоммунизма. Во всяком случае, помянутый Лакером Катков испытал на себе все превратности, связанные с вторжением в запретную зону.

Эмигрант, злобный антисоветчик, он в 1967 году выпустил в Англии книгу «Россия, год 1917. Февральская революция», страницы которой буквально дымятся ненавистью к Советскому Союзу. Он коснулся и масонов, но писать о них оказалось необычайно сложно. И вот почему, объяснил Катков: «Роль, сыгранная политическим фримасонством в подготовке февральской революции, до самого последнего времени сохранялась в величайшем секрете всеми заинтересованными лицами. Историки, в свою очередь, в основном отмахивались от этой проблемы, полагая, что установить что-либо в точности — трудно, да и существует масса фальшивок. Все это эффективно предотвратило возможность обычной исследовательской работы в важной сфере тайной политической деятельности».

Конечно, было бы слишком, видеть решительно во всем руку масонов в действиях российской буржуазии в годы первой мировой войны и особенно на подступах к февральской революции. Буржуазная и эмигрантская историография усиленно стремится либо вообще замолчать, либо скомпрометировать эту тему. По всей вероятности, наилучший, да и единственно возможный исход — судить по фактам. История России в первой мировой войне убеждает, что российские толстосумы отнюдь не были так неорганизованны, как представляется на первый взгляд, и в борьбе за власть применяли такие методы, которые не снились представителям царской бюрократии.

* * *

В советской историографии рассмотрены и решены коренные вопросы кануна 1917 года. Опираясь на труды В. И. Ленина, советские историки всесторонне раскрыли роль героического рабочего класса, партии большевиков в подготовке социалистической революции. Имея в виду громадные достижения советской историографии, автор преследовал очень скромную цель — попытаться дополнить известное не только специалистам, но и широким кругам читателей рассказом о некоторых аспектах истории нашей страны тех лет, не получивших пока должного освещения, а главное, подробной интерпретации.

Автор возвращается к событиям теперь уже шестидесятилетней давности — истории России в годы первой мировой войны, которая была, по оценке В. И. Ленина, «всесильным режиссером», «могучим ускорителем» процессов исторического развития. В это время рельефно выступает стремление российской буржуазии овладеть властью. Показу методов и средств, применяемых ею в этих целях, и посвящена главным образом книга.

РОССИЯ ПОДНЯЛАСЬ НА ВОЙНУ

1 августа 1914 года Германия объявила войну России. В считанные дни все крупнейшие государства Европы выстроились друг против друга в невиданном до тех пор вооруженном конфликте — срединные империи против держав Антанты. Грянула мировая война. Первая.

Хотя виновниками чудовищного катаклизма были империалисты всего мира, инициативу развязывания войны взяла на себя Германия, а обстоятельства ее объявления не могли не вызвать глубочайшего возмущения в России. После убийства 28 июня 1914 года в Сараеве австрийского наследника престола Франца-Фердинанда мир тридцать дней с затаенным дыханием наблюдал, как громадная империя Австро-Венгрия эскалировала свои домогательства к небольшому славянскому государству Сербии. Не вызывало ни малейшего сомнения, что в Вене постановили расправиться с Сербией, а подстрекательство Берлина в этом деле было очевидно.

Когда ровно через месяц после сараевского убийства Австро-Венгрия напала на Сербию, это произвело потрясающее впечатление в России. Что бы ни понимали и ни толковали политические реалисты — основная причина тогдашней международной напряженности — безумное империалистическое соперничество Германии и Англии, фактом оставалось: Австро-Венгрия вознамерилась погубить славянское государство на Балканах. Это еще более ухудшало «баланс сил» в этом регионе, и так складывавшийся в последние годы не в пользу России, а главное, наносило тяжкий удар по ее престижу — традиционного протектора славян.

Хладнокровный анализ профессиональных историков с тех пор вне всяких сомнений показал, что нападение Австро-Венгрии на Сербию было лишь поводом для всемирного пожара, на карте стояли реальные империалистические интересы, а не защита прав маленького народа. Впрочем, это видели и современ-

ники, которым было доступно хотя бы по положению знание голых фактов, без сентиментальных прикрас.

П. Н. Милюков, отличавшийся, как мы видели, спокойным взглядом на историю, обозревая в мемуарах самый канун войны, заметил: «Казалось, Россия уходила с Балкан — и уходила сознательно, сознавая свое бессилие поддержать своих старых клиентов своим оружием или своей моральной силой. Но прошла только половина четырнадцатого года, и с тех же Балкан раздался сигнал, побудивший правителей России вспомнить про ее старую, уже отыгранную роль — и вернуться к ней, несмотря на очевидный риск, вместо могущественной защиты интересов балканских единоверцев, оказаться во вторых рядах защитников интересов европейской политики, ей чуждых. Одной логикой нельзя объяснить этого кричащего противоречия между заданием и исполнением. Тут вмешалась психология».

Психология эта выплеснула на улицы толпы, организовавшиеся в манифестации с заверениями в преданности трону. Петербург стал Петроградом, Дворцовую площадь переполняли демонстранты, в том числе студенты. Германское посольство разгромлено, разбиты здания немецких фирм. На улицах кричат «ура» и ревут «Марсельезу». Знающие люди, однако, различают в этом подъеме квасного патриотизма опасные для режима тенденции. Агент московской охранки доносит о массовых демонстрациях: «Сознание, что, борясь с немцем, они борются с правительством...», укоренилось в народных кругах. На заседании совета министров министр внутренних дел Щербатов 6 августа отмечал это обстоятельство.

Большевистская партия раскрыла перед массами истинное значение разразившейся войны, указав на ее империалистический характер. 1 ноября 1914 года увидел свет ленинский манифест о войне, работа «Война и российская социал-демократия». В нем указывалось: «Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг»[1]. Отсюда вытекало положение о «поражении своего правительства», которое относилось не только к России. В. И. Ленин резко

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 22.

выступил против тех, кто призывал к безразличному отношению к судьбе отечества.

Во время войны Ленин пишет статью «О национальной гордости великороссов», в которой указывает: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы *ее* трудящиеся массы (т. е. $^9/_{10}$ *ее* населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великорусов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс» [1].

Ленин неоднократно подчеркивал, что в этой войне кайзеровская Германия преследует империалистические цели. Говоря о «пораженчестве», он отнюдь не имел в виду, что это должно быть монополией России, а указывал на необходимость одновременного свержения правительств, бросивших мир в кровавый катаклизм, превращения империалистической войны в гражданскую во всех воюющих странах. «Германия, — писал Ленин в работе «Социализм и война», — сама воюет не за освобождение, а за угнетение наций. Не дело социалистов помогать более молодому и сильному разбойнику (Германии) грабить более старых и обожравшихся разбойников. Социалисты должны воспользоваться борьбой между разбойниками, чтобы свергнуть всех их» [2].

После победы Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин, отвечая тем, кто заявлял, что будто бы большевики подрывали военную мощь России, указывал, что в разложении армии повинны буржуазия и соглашатели. Именно они взвалили на Россию уже после февральской революции непомерные тяготы. «Если бы тогда, — говорил В. И. Ленин 12 марта 1918 года, — власть перешла к Советам,

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 107.
[2] Там же, стр. 315.

если бы соглашатели, вместо того, чтобы помогать Керенскому гнать армию в огонь, если бы они тогда пришли с предложением демократического мира, тогда армия не была бы так разрушена. Они должны были сказать ей: стой спокойно. Пусть в одной руке у нее будет разорванный тайный договор с империалистами и предложение всем народам демократического мира, и пусть в другой руке будет ружье и пушка, и пусть будет полная сохранность фронта... Подобный жест... мог поставить врага в такое положение, что он видел бы, с одной стороны, предлагаемый ему демократический мир и разоблаченные договоры, а с другой стороны — ружье»[1].

Это положение, подробно разъясненное В. И. Лениным в тяжелые для Советской России дни Брестского мира, определяло подход большевистской партии к лозунгу «пораженчества» на всем протяжении войны. Уже в первые дни войны большевистская партия в своей агитационной и пропагандистской работе решительно отмела голословные утверждения о том, будто она равнодушна к историческим судьбам России. Московская окружная организация большевистской партии в одной из первых прокламаций после 1 августа 1914 года заявила: «Не верьте, товарищи, тем, которые говорят, что своими протестами против войны и своей борьбой против правительства мы ослабляем наши силы в борьбе с германским правительством. Революционный народ, сознающий, что он борется за свое экономическое и политическое освобождение, за землю и волю, во много раз сильнее бесправного народа, которым руководят титулованные слуги имущих классов. Этому пример революционная Франция, которая сто лет назад одна справилась со всей реакционной Европой. Никакой враг нам не страшен, когда мы сами хозяева борьбы».

Царский генерал-лейтенант Н. Н. Головин, профессор, после революции — эмигрант, издал в изгнании ряд книг, в которых попытался воссоздать картину той войны. Давая характеристику русского патриотизма в горячке начала войны, он написал:

«Эта борьба началась из необходимости защищать право на существование единокровного и единоверно-

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 84—85.

го сербского народа. Это чувство отнюдь не представляло собой того «панславизма», о котором любил упоминать кайзер Вильгельм, толкая австрийцев на окончательное поглощение сербов. Это было сочувствие к обиженному младшему брату. Веками воспитывалось это чувство в русском народе, который за освобождение славян вел длинный ряд войн с турками. Рассказы рядовых участников в различных походах этой вековой борьбы передавались из поколения в поколение и служили одной из любимых тем для собеседования деревенских политиков. Они приучили к чувству своего рода национального рыцарства. Это чувство защитника обиженных славянских народов нашло свое выражение в слове «братушка», которым наши солдаты окрестили во время освободительных войн болгар и сербов и которое так и перешло в народ. Теперь вместо турок немцы грозили уничтожением сербов — и те же немцы напали на нас. Связь обоих этих актов была совершенно ясна здравому смыслу нашего народа».

Восстанавливать прошлое с достаточной степенью точности безумно трудно, но полезными вехами на этом пути могут быть рассказы современников, которые в меру своих сил и умения передали биение пульса той эпохи, дали срез настроений обычного человека, не претендовавшего на большее, чем занести свои впечатления на бумагу. К нашему времени страницы изданных тогда книг пожухли, но психология, по крайней мере авторов, видна, хотя они, понятно, не могли поставить пережитое в связь с дальнейшими событиями, потрясшими Россию.

...Манифест об объявлении войны застиг 27-ю дивизию, вскоре прославившуюся в Восточной Пруссии, в лагерях Виленской губернии. Мобилизация прошла быстро и спокойно. Полки пополнились по штатам военного времени. Сверх штата прибыло много тех, кто составлял золотой фонд армии, — запасных унтер-офицеров, часто с Георгиевскими крестами и медалями за японскую войну. За отсутствием вакансий старших унтер-офицеров назначали вместо взвода на отделение, а иные младшие унтер-офицеры встали в строй рядовыми. Фатальная ошибка, порожденная желанием выступить немедленно во всеоружии! Они и разделили судьбу рядовых — легли в первых боях.

У противника была иная практика — значительная часть кадрового унтер-офицерского состава осталась в тылу для подготовки развертывавшейся армии.

В руках офицеров, когда-то описанных Куприным в «Поединке», оказалась грозная сила армии, собиравшейся в бой. Опостылевшая мирная жизнь забыта, впереди война, цель жизни офицера. Переживания командного состава не были сложными. Командир роты 106-го Уфимского полка 27-й дивизии капитан А. А. Успенский (естественно, монархист) размышлял: «Главное, не опозориться, не осрамиться со своей ротой, а умереть — все равно — суждено только один раз, и ведь так красиво умереть за Родину на поле брани! «Нет больше сея любви, как душу свою положить за други своя», — ведь именно эта евангельская фраза самого Иисуса Христа была написана на стене в моей 16-й роте, вокруг киота с ротным образом!»

От мыслей религиозно-мистических к делам земным — полк завершал подготовку к выступлению. И вот настал день, когда на площади в Вильно выстроился «покоем» для напутственного «на брань» молебна 106-й Уфимский полк. 3500 штыков, при пулеметной команде (8 пулеметов), роте службы связи. Команда «Смирно! Под знамя слушай на краул!». Блеск шашек и штыков, свышевековое знамя (пожалованное в 1811 году) качнулось и застыло перед знаменной ротой. Солдаты в полном походном снаряжении замерли.

На аналой кладут большой позолоченный образ святого великомученика Димитрия Солунского, покровителя полка и образ Уфимской божьей матери. Размеренные слова команды: «На молитву — шапки долой, певчие перед полк». Писал Успенский: «Прекрасное слово о мужестве и небоязни смерти произнес наш полковой священник, всеми уважаемый пастырь. Затем — горячее слово командира полка, напомнившего о присяге, о любви к царю и Родине, «ура». Оркестр играет «Боже, царя храни!». У многих на глазах слезы в эту торжественную минуту».

Далее полк двинулся на вокзал. По тротуарам несметные толпы провожающих обрамляют сизую щетину штыков. На перроне торопливое прощание, блед-

ные заплаканные жены благословляют офицеров, вешают на шеи ладанки с зашитыми святынями.

И гром оркестров, замечательная русская военная музыка, не имеющая равной в мире, за счет которой еще Наполеон относил многое в победах российского оружия. Но кто возьмется указать, почему с началом той войны все чаще звучал хватающий за душу марш «Прощание славянки»? Написанный незадолго до того и промелькнувший как-то незамеченным, марш этот с августа 1914 года стал необычайно популярным, под неописуемо скорбные звуки его отходили к границе бесконечные эшелоны с бесчисленных вокзалов. На запад, на ратный труд, подвиги и смерть катились кадровые полки великой русской армии. Полные мрачной решимости, вобравшие в себя цвет обученных военному делу людей.

Формула «За веру, царя и отечество» была достаточной в первые годы войны для основной части офицерского корпуса и считавшихся серой, безликой массой миллионов нижних чинов. Но все же и тогда пытались понять, какие мысли таятся под черепными коробками, прикрытыми тонким сукном солдатских бескозырок, на которые вскоре ливнем хлынет вражеская шрапнель. Что за люди шли в густых колоннах на погрузку в красные ящики товарных вагонов со стандартным обозначением содержимого «Сорок человек или восемь лошадей»?

Некий журналист уже в 1915 году поторопился с большой книгой «...С железом в руках, с крестом в сердце». Бодрое название, радость военных цензоров, плохо гармонировали с душераздирающим содержанием: «Русский солдат, уходя на войну, прощается. И он, и все окружающие определенно уверены в том, что раз война — значит, смерть. Для того и война, чтобы людей убивали. Я был свидетелем проводов запасного. Когда все уже было кончено, когда осталось только занести ногу на колесо и прыгнуть в телегу, крестьянин обошел сзади ее, стал среди улицы и истово, обдуманно отвесил четыре поясных поклона на четыре стороны. Потом встряхнул волосами, оглядел светлое, яркое, летнее небо и сказал:

— Прощай, белый свет!

И, махнув рукой, полез в телегу.

Такой солдат идет на войну с тем, чтобы умереть...

Для того и война, чтоб людей убивали — видит начальство, что лучше по одному — пущай по одному. Требуется, чтобы взводом, или ротой, или полком — можно и так; в конце концов, результат один и тот же: смерть, к которой он приготовился еще в то время, как говорил:

— Прощай, белый свет!

И если рана, жизнь — это просто счастливая, но почти совершенно непредвиденная случайность».

Трагический, удручающе-фаталистический взгляд. Но он получил величайшее распространение далеко за пределами России. Собственно, на нем зиждилась вера в безотказный «русский каток» — безликие миллионы в серых шинелях, которые затопят Германию и дадут победу просвещенным европейцам лагеря Антанты. Царские военачальники не испытывали и тени сомнения в том, что в их руках пластический человеческий материал, обладавший сказочными свойствами выправлять их просчеты и промахи, даже самые грубые. Простая мысль о том, что бесчисленные ряды армии состояли из несравненных русских людей, каждый из которых нес в себе мир неповторимых чувств, желаний и надежд, не могла осенить окостеневшие в чиновничьей рутине умы.

Потребовался год 1917-й, чтобы описанная точка зрения была признана несостоятельной. Тот же Милюков в глубокой старости — в годы второй мировой войны, обратившись к истории первой, высмеял миф о «вековой тишине», как представлялось в 1914 году, царившей в России. «Конечно, русский солдат, — писал он, — со времен Суворова показал свою стойкость, свое мужество и самоотверженность на фронте. Но он же, дезертировав с фронта в деревню, проявил с не меньшей энергией свою «исконную преданность» земле, расчистив эту свою землю от русских лэндлордов... Когда-то русский сатирик Салтыков отчеканил казенную формулу отношения крестьянина к тяготевшим над ним налогам: «йон достанет». «Йон» не «достал», так же как «йон» и не мог на фронте пополнить своим телом пустоту сухомлиновских арсеналов. «Вековая тишина» таила в себе нерастраченные силы и ждала, по предсказанию Жозефа де Местра, своего „Пугачева из русского университета“».

Это показал опыт двух русских революций 1917 года.

Но в 1914 году господствовавшие классы России тешили себя иллюзиями о единстве народа и царя. То, что во время мобилизации вспыхивали беспорядки, были убитые и раненые, сбрасывалось со счетов. Сопротивление мобилизации считалось «бунтом». Правителей в Петрограде впечатлял неоспоримый факт — 96 процентов подлежавших призыву явились к воинским начальникам. Это было просто поразительно — при скверно поставленном воинском учете предполагалось, что разница между довоенными расчетами и фактической явкой может достигнуть 10 процентов.

Армия состояла в подавляющей части своей из русских, ибо от воинской службы были освобождены, по терминологии тогдашних законов, инородческое население Астраханской губернии, Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской областей Сибири, самоеды Архангельской губернии, население Финляндии. По особому облегченному положению привлекались к воинской службе некоторые из горных племен Северного Кавказа.

* * *

Прогрессировавшая гангрена самодержавия, углублявшая с каждым годом пропасть между режимом и народом, породила привычку критиковать российские порядки. У партии революции — большевиков критика эта была частью действий, имевших в виду свергнуть ненавистный строй. Она всегда носила конструктивный характер, ибо была нацелена на то, чтобы развязать силы России и, обновив страну, поставить ее во главе социально-экономического прогресса в мире. Борясь против самодержавия, российские коммунисты думали прежде всего о будущем великого народа.

Брюзжание в кругах буржуазии было бесцельно с точки зрения будущего. Так возникала извращенная картина, особенно всего, что было связано с военной мощью. В то же время опасавшиеся революции российские буржуа с тоской взирали за кордон, находя тамошние страны, не имевшие непосредственно такой перспективы, невыразимо прекрасными. Отсюда раз-

говоры о, скажем, высоком развитии военно-теоретической мысли на Западе — Шлиффене, Мольтке, Фоше и стенания по поводу бедности талантами русской земли, где-де не произрастают военные теоретики. То, что толстолобый Мольтке, твердо следуя под штандартом педанта Шлиффена, подготовил поражение Германии, а великолепный Фош обескровил до синевы Францию, во внимание не принималось.

Между тем к началу первой мировой войны русская военная мысль во многих отношениях превосходила известное на Западе. Давнюю пытливость российских теоретиков резко обострили неудачи войны с Японией, и Россия оказалась единственной крупной державой, сумевшей учесть уроки современной войны, конечно, не в той степени, в какой следовало. Впрочем, задним числом всякий умом крепок. Не очень сложно анализировать после событий, куда труднее делать выводы, когда будущее — величина неопределенная, разглядеть контуры грядущих тенденций.

Блестящий вклад в военную науку внесла «Стратегия» профессора, генерала Н. П. Михневича, вышедшая последним изданием в 1911 году. Развивая известные положения военного теоретика Клаузевица применительно к тогдашней обстановке, в отличие от господствовавшего на Западе мнения, что грядущая война будет скоротечной, Михневич указывал, что она неизбежно приобретет затяжной характер. «Главный вопрос войны, — писал он, — не в интенсивности напряжения сил государства, а в продолжительности этого напряжения, а это будет находиться в полной зависимости от экономического строя государства».

Генерал Михневич полагал, что потенциальные противники России «не способны без серьезного внутреннего потрясения выдержать продолжительную войну», следовательно, пойдут на самые решительные действия сразу после открытия военных действий, вызвав «полное напряжение своих средств в самом начале войны». Отсюда рекомендованный им образ действия — вести затяжную войну на изнурение: «время является лучшим союзником наших вооруженных сил».

Русскую школу в области военной мысли в канун войны украшала плеяда блестящих теоретиков: гене-

ралы А. Г. Елчанинов, В. А. Черемисов, полковник А. А. Незнамов. Они вместе с Михневичем глубоко разработали и решили вопросы роли экономики и морального фактора в войне. Все они призывали осмыслить суворовское наследие применительно к современным методам вооруженной борьбы, помнить о русских традициях. «У нас богатая доктрина ведения современного боя на заветах нашей святой старины, — писал А. Г. Елчанинов. — ...(Суворовская «наука побеждать») вечно будет новой и свежей, ибо в ней глубоко и умело схвачена самая суть лучших основ военного дела, и приложение «науки побеждать» к нынешнему огню и технике явится, по моему глубокому убеждению, во-первых, вполне исполнимым, а, во-вторых, гораздо более ценным, чем старания побольше и поменее понятнее списать готовое у иностранцев... Что может быть возвышеннее побеждать по-суворовски — на уничтожение?»

Определенное и разработанное в теоретических трудах, однако, не оказывало должного влияния на строительство вооруженных сил. В этом были виноваты не ученые, ни мыслей, ни настойчивости им не занимать, а существовавший строй. Как заметил Н. Н. Головин: «Научная организация требует не только выдающихся представителей науки — она требует также достаточно высокого уровня социальной среды. Без этого мысли выдающихся ученых уподобляются колесам, не сцепленным с остальным сложным механизмом. Они могут вертеться, но вся работа для данного механизма происходит впустую... Этим и объясняется, что русская военная наука, насчитывавшая в своих рядах многих выдающихся ученых, тоже часто уподоблялась ведущему колесу без сцепления». Неоспоримо передовые по тому времени концепции неузнаваемо искажались, пока они доходили до претворения в жизнь.

Механическое перенесение русского классического военного наследия на российские порядки начала XX века без учета реальной обстановки в России тоже не сулило успеха, что видно на примере военного деятеля генерала М. И. Драгомирова. Драгомиров верил, что, как бы ни была совершенна военная техника, решающее слово остается за человеком, призывал к «развитию высокой моральной и физической силы бойца».

Перед мысленным взором Драгомирова всегда стоял суворовский «чудо-богатырь», однако он не видел, что гнилой режим не мог выработать такого бойца, ибо армия отражает силу и слабости общества, которое она защищает.

Авторитетное и пламенное слово Драгомирова, проникнув в самую толщу императорской армии, породило в ней направление «штыколюбов», понимавших весьма упрощенно суворовский принцип «пуля дура, штык молодец». Хотя сам Драгомиров (умер в 1905 году) не был последовательным сторонником этой крайней точки зрения, ряд его высказываний, порою противоречивых, способствовал возникновению определенного пренебрежения к технике. Высмеивал же он пулеметы: «Если бы одного и того же человека нужно было убивать по нескольку раз, то это было бы чудесное оружие. На беду для поклонников быстрого выпускания пуль, человека довольно подстрелить один раз, и расстреливать его затем, вдогонку, пока он будет падать, надобности, сколько мне известно, нет». С легкой руки Драгомирова сторонников насыщения войск техникой, в первую очередь артиллерией, окрестили «огнепоклонниками».

Идейная борьба между двумя направлениями военной мысли к началу первой мировой войны закончилась компромиссом (что не лучший исход в делах военных), хотя конечная победа «огнепоклонников» не вызывала сомнения. Дело было за временем, которого не оказалось. Многолетние споры завершились принятием «Большой программы» по усилению армии. Хотя уже несколько лет работали в определенном ею направлении, программа получила силу закона лишь 7 июля 1914 года, то есть за три недели до объявления войны. Завершение ее планировалось в 1917 году. Армия по штатам мирного времени увеличивалась на 39 процентов по сравнению с 1913 годом (на 480 тысяч человек). Особое внимание уделялось усилению артиллерии, в первую очередь тяжелой. На выполнение программы требовалась единовременная затрата полумиллиарда рублей. В Берлине знали о размахе предстоявших военных усилий России и поторопились с войной именно в 1914 году, частично стремясь упредить ее военную подготовку.

К 1914 году кадровая русская армия была обучена

в ряде отношений лучше, чем войска противников — Германии и Австро-Венгрии. Русский устав полевой службы 1912 года, по которому готовился личный состав, был самым совершенным в мире. Хотя его составители не избежали крайностей драгомировской фразеологии, устав предоставлял начальникам и рядовым большую самостоятельность, пресекал шаблон, требовал сообразовываться с обстановкой. Конечно, он отражал наступательную доктрину и, к сожалению, недооценивал возможности артиллерийского огня. Но этим грешили в армиях всех держав Антанты.

На Россию определенное сковывающее влияние оказал опыт войны с Японией, когда только 14 процентов потерь падали на долю артиллерийского огня. Первая мировая война выявила иную тенденцию — до 75 процентов потерь войска сражавшихся коалиций понесли от артиллерии, ставшей царицей сражений. Этого в канун войны не предвидел никто, и если Германия оказалась в обеспечении артиллерией, в первую очередь тяжелой, впереди всех других держав, то это объяснялось отнюдь не тем, что кайзеровские стратеги обладали сатанинской прозорливостью. Они просто сочли, что для успеха планировавшейся молниеносной войны будет необходимо в кратчайший срок разбить крепости противников, чтобы вывести войска на оперативный простор. Для этого нужно изобилие орудий крупных калибров, которыми и вооружилась Германия.

Крепости на Западном фронте действительно пали под ударами тяжелых снарядов, но того, что пулемет заставит войска зарыться в землю и начнется многолетняя позиционная война, германские генералы не могли представить себе и в кошмарном сне. Позиционная война означала полный провал немецкой стратегии и в то же время вывела на первое место в вооруженной борьбе тяжелую артиллерию. В этом отношении Германия имела порядочный приоритет перед державами Антанты, который, когда выявилась непредвиденная роль тяжелых орудий, мог поддерживаться развитой немецкой промышленностью.

В канун войны Россия располагала превосходной полевой артиллерией, предназначенной для маневренной войны, ибо о возможности позиционной вообще не задумывались. Гипноз доктрины «единства калибра

и единства снаряда» привел к тому, что 76-миллиметровая полевая пушка образца 1902 года была признана универсальным средством для решения боевых задач. Орудие, разработанное на Путиловском заводе, было одним из лучших в мире по всем показателям. То же можно сказать о русской легкой полевой 122-миллиметровой гаубице, а 107-миллиметровая русская полевая тяжелая пушка была общепризнана как лучшая этого типа.

Необходимость усиления имевшейся тяжелой артиллерии и принятие на вооружение орудий более крупных калибров в России была известна. Начался отпуск средств на тяжелую артиллерию осадного типа, которая была бы готова к 1921 году. Что касается плана укрепления крепостей, включая артиллерийскую часть, то выполнение его было намечено завершить к 1930 году! Война пришла в 1914 году.

К началу ее Россия была полностью обеспечена орудиями по существовавшему мобилизационному расписанию — 959 батарей при 7088 орудиях. Это была громадная сила — союзная Франция имела только 4300 орудий. Но противники превосходили русских и французов как по общему числу орудий (Германия — 9388, Австро-Венгрия — 4088), так, что еще важнее, и по тяжелой артиллерии. Германия располагала 3260 тяжелыми орудиями, Австро-Венгрия — примерно 1000. На вооружении русской армии было 240 тяжелых орудий, во Франции тяжелая артиллерия находилась в зачаточном состоянии.

Германская дивизия, уступавшая русской по численности (12 батальонов против 16) далеко превосходила ее по артиллерии (80 орудий, из них 8 тяжелых против 54). Австрийская дивизия имела равное с русской количество стволов, но среди них было 4 тяжелых орудия. В результате огневая мощь германской дивизии в полтора раза превосходила русскую. Когда в ходе боевых действий германское командование стягивало мощную группировку тяжелой артиллерии на тот или иной участок фронта, положение русских войск становилось в высшей степени трудным.

Если Германии не удалось реализовать свое количественное и качественное превосходство в артиллерии и добиться решительных побед на Восточном фронте, то это объяснялось тем, что по выучке русские

артиллеристы значительно превосходили как противников, так и союзников. Без всякого преувеличения можно сказать, что по стрелково-технической подготовке русская артиллерия занимала, бесспорно, первое место в мире. Русские батареи на всем протяжении войны стреляли лучше, чем германские, не говоря уже об австрийских.

Основная и решающая ударная сила армии — артиллерия была прекрасно подготовлена к первому, маневренному периоду войны. По расчетам генерального штаба вся война не должна была продлиться более шести месяцев. На этот срок и были заготовлены боеприпасы — в среднем по 1000 снарядов на орудие. Считалось, что за это время батареи не расстреляют и половины имевшегося запаса. Примерно так же смотрели на продолжительность войны французы, собравшие по 1300 снарядов на орудие. Немцы недалеко ушли вперед — 1500 снарядов.

В этом крепко ошиблись все без исключения, но участники войны имели различные возможности для исправления одной и той же ошибки. Когда выявился катастрофически непредвиденный расход снарядов, количество и темпы подачи их зависели от организованности и мощности промышленности. А это определял весь строй государства.

* * *

Русская армия вышла на войну с хорошими полками, посредственными дивизиями и плохими армиями, иначе говоря, за считанными исключениями вооруженная мощь оказалась в руках слабо подготовленного и малоспособного высшего командования. Как бы ни была совершенна военная наука и сколько бы потов ни сгоняли строевые офицеры, обучая вверенные им войска, с этим ничего нельзя было поделать. В сумерках самодержавия высшие должности замещались путем отрицательного отбора. Не способности и таланты, а близость к придворным кругам, интриги, пресмыкательство прокладывали путь наверх. «Правда, надо знать весь тот холопский уклад взаимоотношений, издавна установленный в Военном ведомстве, чтобы не очень упрекать в отсутствии гражданского мужества сынов того времени», — меланхолически заметил

А. А. Маниковский. Ему, талантливейшему генералу-артиллеристу, ведавшему почти всю войну боевым снабжением русской армии, хорошо были известны порядки в верхах старого режима.

Только в больном социальном организме мог появиться на посту военного министра в 1908 году генерал В. А. Сухомлинов. Больше дипломат, чем военный, Сухомлинов сумел обворожить вкрадчивыми манерами, умением развлекать царя. Он говорил то, что хотели слышать, не занимался делами, не желал вникать в них, ибо они мешали тому главному, что появилось в жизни 60-летнего генерала, — любви к женщине более чем вдвое моложе его. Не руководство военным министерством, а благополучие Екатерины Викторовны стало делом его жизни.

Когда Сухомлинов приехал в Петербург из Киева занять пост военного министра, он привез с собой громкий скандал. Молодой муж Катеньки, богатый помещик, обиженный тем, что Сухомлинов попытался запереть его в сумасшедший дом, не давал развода. Она же, женщина с воображением, попав наконец в столицу, подала мысль всемогущему министру — обвинить ее тогдашнего мужа в прелюбодеянии с когда-то жившей в доме гувернанткой-француженкой. Суд постановил — развести, молодость мужа и обстоятельства дела — гувернантка давно уехала на родину — придали правдоподобность всей истории.

Министр вступил в счастливую семейную жизнь, а из Франции пришли документы: обиженная гувернантка прислала медицинское свидетельство, что она девица. Посол Франции явился с пламенным протестом в МИД России. В Думе вознегодовали, газеты в меру цензурных стеснений посмеивались, а в министерстве юстиции пришлось завести дело, грозившее обернуться крупнейшими неприятностями. Скандал все же не разразился — все документы исчезли прямо из сейфа министерства. Сухомлинов, хотя порядочно испачканный, отныне употреблял все усилия, чтобы тешить молодую жену. Она ответила искренней привязанностью Азору (так звали любимого пса супруги, и так же именовал себя влюбленный министр).

Над влюбленным Азором потешались, но он знал свое дело — всеми правдами и неправдами изыскивал средства, чтобы окружать роскошью женщину, начав-

шую карьеру машинисткой у скромного киевского нотариуса. Они любили друг друга, и Катенька осталась верна Азору до конца, но, добыв свое личное счастье, военный министр принес величайшие несчастья стране.

Сухомлинов, гордившийся Георгиевским крестом за войну с Турцией 1877—1878 годов, почитал себя великим знатоком военного дела и на этом основании запутал все. За шесть лет сухомлиновского правления до начала войны сменились четыре начальника генерального штаба! Угодить лукавому царедворцу, каким был Сухомлинов, было невозможно. Он жил только прошлым, и любые нововведения он отводил, обычно ссылаясь на уроки русско-турецкой войны. Кому обжаловать решения военного министра?

Председателем совета министров был И. Л. Горемыкин, государственный муж с большим прошлым. Когда Горемыкина незадолго до войны назначили главой правительства, он очень удивлялся, заявляя близким: «Совершенно недоумеваю, зачем я понадобился; ведь я напоминаю старую енотовую шубу, давно уложенную в сундук и засыпанную нафталином. Впрочем, эту шубу так же неожиданно уложат в сундук, как вынули из него». Милюков заметил: «Удивить чемнибудь Горемыкина и пробудить его к активности было, как мне самому пришлось убедиться потом, совершенно невозможно. Он на все махал рукой, говорил, что все это «чепуха», и лежал тяжелым камнем на дороге».

По весне 1914 года Сухомлинов и К° занялись бравадой, выбросив лозунг: «Мы готовы к войне». Нашли разбитного журналиста, сочинившего статейку «Россия хочет мира, но готова к войне», показали ее царю и ввиду отказа основательных газет тиснули в бульварных «Биржевых ведомостях» 12 марта. Безудержное хвастовство «источника», в котором немедленно распознали Сухомлинова, повергло в ужас людей, знавших факты. Группа деятелей, работавшая в военных комиссиях Думы, предложила царским министрам объясниться на закрытом заседании. Вышел порядочный конфуз.

Инициатор встречи с министрами член Думы А. И. Шингарев вспоминал: «Там был военный министр, был Сазонов, министр финансов и кто-то еще.

Я вновь к ним пристал с вопросом: «Если вы готовите такую военную программу, сделали ли вы что-нибудь для того, чтобы всю жизнь государства приспособить к надвигавшейся войне, потому что для меня несомненно, что война готова разразиться. В Германии военная программа на 1914—1915 годы заканчивается, а вы вашу программу начинаете в это время, и она должна у вас закончиться в 1918 году. Что же, они дураки, что будут ждать? Очевидно, они должны начать войну раньше, прежде чем вы свою программу не начали». При этом Сухомлинов на вопросы, которые к нему обращались, давал самые, я бы сказал, жалкие ответы. Он попросту обнаружил полное незнание своей программы. В ответ на мою речь он ответил, что ничего не понимает в этой пляске миллиардов, о которой говорил Шингарев. Жилинский ему подсказывал в цифрах. Он не был в курсе того громадного дела, которое проводил в Думе. Барк тогда отвечал, что, как будут устроены финансы, это будет сообщено. Оказалась и тут неподготовленность. Насчет торговых договоров тоже. Насчет союзного договора дело было несколько лучше. От Сазонова мы услышали маломальски осмысленный ответ. В тот момент, когда шла подготовка военной программы, когда я и все другие были убеждены, что нам не миновать войны, в это время ничего не было готово в смысле координирования действий государственной властью. Подготовки эти шли с необычайным, я бы сказал, легкомыслием».

В правительстве министр иностранных дел С. Д. Сазонов в самом деле был среди немногих, способных осмысливать обстановку. Глядя на происходившее в верхах петербургской бюрократии, он пришел в глубокое отчаяние, что и зафиксировал в своих «Воспоминаниях». После очередной встречи со звездами первой величины на небосклоне военного ведомства «я помню, под каким безотрадным впечатлением нашей полной военной неподготовленности я вышел из этого совещания. Я вынес из него убеждение, что если мы и были способны предвидеть события, то предотвратить их не были в состоянии. Между определением цели и ее достижением у нас лежала целая бездна. Это было величайшим несчастьем России».

Дело было не только в тех, кто формально стоял у руля власти. Не менее, если не более, пагубную

роль сыграл союзник и соперник царской бюрократии — алчный крупный капитал. Прослышав о предстоящих военных заказах, монополисты пришли в ажиотаж. Уже в преддверии войны развернулась невиданная вакханалия наживы.

Царские сановники с великим изумлением и нескрываемой завистью следили за грабителями в сладостном ожидании, что и им перепадет. Один из величайших безобразников николаевского времени, беспардонный шут А. Н. Хвостов (министр внутренних дел в 1915 году), рассказал, например, о мошенничестве, связанном с программой военного судостроения.

Ревизия сенатора Нейдгарта перед войной, говорил Хвостов, указала «на существование синдиката судостроительных операций, который образовал «Общество русских судостроительных заводов», вместе с разными немецкими фирмами... Смысл этого синдиката был тот, чтобы отдельные фирмы не могли брать дешевле тех цен, которые назначит это «Русское судостроительное общество». Причем в синдикате было сказано откровенно, что прибыль должна быть чуть ли не 100% — ровно рубль на рубль! Нейдгарт находил, что, раз существует синдикат, который себе гарантирует 100%, это является помехой для воссоздания флота, потому что, если Государственная дума ассигнует 500 миллионов или один миллиард, то можно было сто кораблей построить, а при таких условиях, что нужно нажить рубль на рубль, можно построить только 50, т. е. вдвое меньше... Нейдгарт находил необходимым чуть ли не предать военному суду деятелей этого синдиката».

На такой героизм режим был просто не способен, хотя было известно, что, помимо наживы, на судостроительную программу оказывали влияние международные банки, через которые Германия и Австро-Венгрия тормозили ее осуществление. Дело не шло, хотя специалистам было хорошо известно, к какому сроку нужны суда. История очень памятная для ее участников. В предвидении неизбежного расстрела адмирал А. В. Колчак на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии в Иркутске в январе 1920 года все же счел необходимым вернуться к тем дням: «Я хочу только подчеркнуть, что вся эта война была совершенно предвидена, была совершенно предусмотрена. Она не была

неожиданной, и даже при определении начала ее ошибались только на полгода».

Специалисты Морского генерального штаба, среди которых заведующим балтийским театром был капитан 2-го ранга Колчак, постановили закончить программу к 1915 году. Но «постройка судов шла без всякого плана, — говорил Колчак, — в зависимости от тех кредитов, которые отпускались на этот предмет, причем доходили до таких абсурдов, что строили не тот корабль, который был нужен, а тот, который отвечал размерам отпущенных на это средств. Благодаря этому получались какие-то фантастические корабли, которые возникали неизвестно зачем».

Даже в 1920 году узколобый монархист А. В. Колчак не понял глубинных причин происходившего в канун войны. Дело было не в «абсурдах», а в том, что прогнил весь строй империи. Неразбериха, преступные упущения были лишь внешними симптомами кризиса, в который ввергла великую страну династия Романовых. При сохранении строя нельзя было помыслить не только о ликвидации, но даже залечивании язв, поразивших государственный организм.

А. А. Маниковский, выпустивший в том же 1920 году в Москве первую часть своего капитального труда «Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг.», со всей силой подчеркнул, что нельзя рассматривать вопросы технические — вооружение армии и флота в отрыве от строя, существовавшего в России. Он открыл свою книгу словами: «Россия проиграла эту войну из-за недостатка боевого снабжения» — вот мнение, сложившееся в широких слоях общества на основании голосов, шедших из наших военных кругов, из самой армии.

Что боевого снабжения действительно не хватало нашей армии — это факт неоспоримый; но в то же время было бы грубой ошибкой ограничиться только засвидетельствованием этого факта и всю вину за понесенные неудачи свалить на одно только «снабжение»; это было бы, что называется, «из-за деревьев не видеть леса», так как истинные причины наших поражений кроются глубоко, в общих условиях всей нашей жизни за последний перед войной период. И сам недостаток боевого снабжения нашей армии является лишь частичным проявлением этих условий, как неизбежное их

следствие. И, только принадлежа к числу внешних признаков, всегда наиболее бьющих в глаза, он без особых рассуждений был принят за главную причину нашего поражения».

Полноценная подготовка к войне была невозможна, ибо сиюминутные интересы хищного российского капитала находились в кричащем противоречии с задачами подготовки вооруженных сил к предстоящим испытаниям. В погоне за прибылью буржуазия собственными руками исподволь разрушала военную мощь империи.

Казенная военная промышленность была всегда бельмом в глазу для российского крупного капитала. В предвоенные годы, ссылаясь на возможности частной промышленности в производстве вооружений (что оказалось блефом), монополисты пошли походом на считанные государственные заводы, обслуживавшие военное ведомство. В них они видели конкурентов и постарались заранее захватить потенциальный рынок вооружений для себя, нисколько не задумываясь, сумеют ли они обеспечить его. Но где там думать о трудностях военного производства, когда в воспаленном воображении заводчиков плясали цифры «Большой программы».

Уже в заявлении Совета съездов металлозаводчиков северного и прибалтийского районов на имя совета министров в мае 1908 года выставлялось требование: «Расширение оборудования казенных заводов должно быть запрещено Советом Министров. Если ныне заказы военного и морских ведомств дают частным заводам только спорадическую работу, несмотря на огромные затраты сих заводов на специальное оборудование, пригодное лишь для целей государственной обороны, то справедливо ли со стороны государства ухудшать условия работы на сих оборудованиях отвлечением заказов на новые никому не нужные расширения аналогичных оборудований заводов казенных. Да и допустима ли подобная непроизводительная трата денег».

Между тем, когда буржуазия заранее пыталась отхватить львиную долю пирога военных заказов, подготовка России к войне в военно-экономическом отношении шла ни шатко ни валко, частично по вине той же частной промышленности. По существовавшему порядку ассигнования носили строго целевое назначение — оплата производилась по сдаче того или иного заказа, а с выполнением их заводы запаздывали. В результате

в 1908 году 77 процентов ассигнованных кредитов остались неиспользованными в кассе, в 1909 году — 60, в 1910 году — 43, в 1911 году — 33 процента. Только с 1912 года дело пошло веселей и, помимо прочего, потому, что Главное артиллерийское управление отчаялось в возможностях частных промышленников, да и сами размеры военного производства были более чем умеренными.

Так, из-за просчетов размаха будущей войны было резко сокращено производство винтовок. В России было три государственных оружейных завода, поставлявших тогда прославленную винтовку Мосина — Тульский, Ижевский и Сестрорецкий с общей годовой производительностью в 525 тысяч винтовок. С 1907 года с казавшимся удовлетворением потребностей наряды на производство винтовок этим заводам катастрофически понизились, в 1911, 1912 и 1913 годах они работали соответственно на 7,9 и 12 процентов своей мощности. В первые семь месяцев 1914 года самый мощный Тульский завод с годовой мощностью в 250 тысяч винтовок дал 16 винтовок!

Но и в этих условиях заводчики не ослабили своих усилий, домогаясь внести лепту в ружейное производство, где не было частных заводов. Натиск, сопровождавшийся буржуазной демагогией в адрес неповоротливого военного ведомства и воплями о патриотизме, оказался столь сильным, что генералы, ведавшие обеспечением, дрогнули. Главное артиллерийское управление в 1912 году решило провести опыт, выдав заказ на производство одной из простейших частей винтовки — нового прицела, необходимого в связи с переходом к остроконечной пуле. Три завода — Петроградский механический и литейный, Барановский и Айваз взялись за изготовление прицела. «Первые два, — писал А. А. Маниковский, — просрочив несколько контрактных сроков, наладить дела все же не могли и отказались от заказа. И только завод Айваза хотя и выполнил этот заказ, но с большим запозданием. Вот результат этого опыта... Всего вышеизложенного, надеюсь, достаточно, чтобы понять, что выполнение всех этих предложений было совершенно не по силам для их авторов, которые имели целью лишь одну наживу без малейшей гарантии как успеха дела, так и интересов казны».

Цепкие лапы промышленников тянулись буквально

ко всему, что обещало прибыль, пусть эвентуальную, а тем временем срывалось самое необходимое. Попытка увеличить выделку латуни и мельхиора на казенном заводе встретила решительное противодействие металлообрабатывающей промышленности, представители которой добились через министерство торговли запрещения этого. В предвидении войны артиллерийское ведомство накопило на складах 215 тысяч пудов медного лома. Заинтересованные капиталисты добились в 1911 году решения государственного контроля о его распродаже. К началу войны более половины этого запаса было продано по 11 рублей за пуд, а с 1916 года, когда медь была исчерпана, пришлось платить по 25 рублей за пуд меди, ввозимой из-за границы. Обратились к русским промышленникам. Они потребовали громадных авансов для расширения отечественного производства меди.

Военно-экономическая подготовка страны к войне оказалась в тисках царской бюрократии, крупного капитала. Потребности, выясненные специалистами, так и не удовлетворялись. В 1906 году особая комиссия исчислила потребность казенной промышленности в дефицитном импортном сырье на два года войны в 28 миллионов рублей. Было предложено немедленно закупить на эту сумму селитру, серу, алюминий, свинец, цинк, олово, никель, магний. Контролирующие министерства сочли: «Государственное казначейство не может согласиться на образование не приносящего дохода мертвого капитала, который может потребоваться лишь в случае гадательной войны». Военные снижали заявки, пока они не были утверждены в размере лишь 3 миллионов рублей.

Коль скоро российские заводчики кричали о том, что готовы положить живот за отчизну и предавали анафеме импорт, обратились к ним. Поразительная бережливость министерства финансов подозрительно точно отражала их точку зрения. Ничего не вышло — для получения, например, свинца из Уссурийского края и серы из Туркестана оказалось необходимым открыть абсурдные кредиты. Перед головокружительными цифрами военные в замешательстве отступили.

Маниковский подытожил: «Тут ярко сказалось могущественное влияние на наш правительственный аппарат частной промышленности и банков, державших ее в кабале. Поход представителей сих учреждений про-

тив казенных заводов, стоявших всегда, что называется, «поперек горла» частным заводчикам, начался уже давно... не прекращался все время и, конечно, принес немалый вред делу обороны государства».

Хищники капитала сорвали мобилизацию неисчерпаемых действительных и потенциальных ресурсов страны.

* * *

Кто противники России, было хорошо известно — Германия, Австро-Венгрия и досадное добавление — Турция. Наметились и союзники — Франция и Англия. Памятуя о Седане и горя желанием взять верх над Германией, Франция еще 17 августа 1892 года подписала с Россией военную конвенцию. Тогда Париж был просителем, конвенция в очень общей форме определила, что в случае войны союзники обязаны «предпринять решительные действия возможно скорее». Конкретные действия оставались на усмотрение договаривавшихся сторон. В 1907 году с завершением создания Антанты Англия встала среди открытых противников Германии.

Военная конвенция послужила основой для периодических совещаний начальников штабов России и Франции. Потерпев поражение в войне с Японией, царское правительство стало уступчивее в этих переговорах — нужда во Франции как в союзнике возросла. К 1913 году Россия взяла на себя обременительное обязательство: в обмен на французское обещание выставить на 10-й день войны 1,5 миллиона человек, то есть на 200 тысяч человек больше, чем определялось конвенцией, русский генеральный штаб обязался ввести против Германии обусловленные 800 тысяч человек на 15-й день. Установив точный срок, нельзя было поступить более опрометчиво. Против врага можно было использовать только треть русской армии, ибо полное развертывание ее брало два месяца. Меньшие по размерам Германия и Франция, к тому же обладавшие более развитой системой путей сообщения, завершали мобилизацию значительно раньше.

Обязательство свинцовым грузом легло на русский план «А» (план войны в случае, если Германия направит главные силы против Франции, как и произошло в 1914 году). Силы русской армии были распылены —

52 процента ее направлялись (что было верно, но недостаточно) против Австро-Венгрии, 33 процента против Германии, а 15 процентов оставались на балтийском побережье и у румынской границы. В нелепой дислокации ясно прослеживалось стремление прикрыть все направления, растянув войска равночисленным кордоном на 2600-километровой границе. Конфигурация тогдашней западной границы России была такова, что она четырехугольником высотой в 400 километров и основанием в 360 километров выступала на запад.

Почти тридцать лет начертания границы определяли подготовку этого передового театра, рассматривавшегося как огневой клин, дававший возможность наступать в глубь Германии и Австро-Венгрии. Театр обеспечивал три сильные крепости — Новогеоргиевск при слиянии Вислы и Буго-Нарева, в центре — Варшава и на юге — Ивангород, у впадения Вепржа в Вислу. В 1910 году Сухомлинов ввел в действие свой вариант стратегического развертывания — оно относилось на линию Вильно, Белосток, Брест, Ровно, Каменец-Подольск. Передовой театр оставлен, и там разоружались крепости, за исключением Новогеоргиевска, который, как одинокий «Порт-Артур», отстоял теперь на 200 километров западнее основных районов сосредоточения. Военный министр распорядился строить и укреплять крепости в районах Ковно, Гродно, Осовец, Брест.

Новый план в корне подрывал всю наступательную доктрину, превращал франко-русскую конвенцию в клочок бумаги. В штабах округов открыто говорили о том, что военный министр нанес удар в спину «сердечному согласию» с Францией. Последовала бумажная волокита, и перед самой войной линия развертывания была снова выдвинута на запад, но эксцентричные стратегические упражнения Сухомлинова дорого обошлись России. К войне новые крепости не поспели, а пришедшие в запустение привислинская и наревская оборонительные линии не были восстановлены. Западная граница была практически оголена, на обширной территории остались лишь три укрепленных района — Новогеоргиевск, Брест-Литовск и Осовец.

Впрочем, это не очень тревожило незадачливых стратегов: нанеся поражение плану Сухомлинова в 1910 году, они были преисполнены решимости только наступать. С Францией была договоренность в отношении

боевых действий против Германии: «Наступление будет наиболее выгодным с юга, т. е. от Нарева на Алленштейн, в случае сосредоточения германцев в Восточной Пруссии, или прямо на Берлин, если бы германцы сосредоточили свои главные силы Восточного фронта в районе Торн, Познань». В любом случае русская армия должна была заставить Германию направить на восток как можно больше сил.

Домогательства французов привели к тому, что в канун войны русский генеральный штаб был занят исключительно Германией, на Австро-Венгрию внимания почти не обращалось, хотя против нее и выставлялись куда более крупные силы. Представлялось, что Юго-Западный фронт без больших хлопот покончит с хвастливой лоскутной империей. Порукой тому, помимо прочего, — детальное знание плана развертывания австро-венгерской армии против России.

...В 1905 году в развеселую Вену прибыл новый русский военный атташе, или, как тогда говорили, военный агент, полковник М. К. Марченко, блестяще образованный офицер-разведчик. Он сумел завязать тесные отношения с одним из руководителей разведывательного бюро австрийского генерального штаба, полковником Редлем. В 1907 году Марченко докладывал в Петербург о Редле, красе австрийской контрразведки: «Человек лукавый, замкнутый, сосредоточенный, работоспособный. Склад ума мелочный. Вся наружность слащавая. Речь сладкая, мягкая, угодливая. Движения рассчитанные, медленные. Более хитер и фальшив, нежели умен и талантлив. Циник. Женолюбив, любит повеселиться». Марченко с большим пониманием отнесся к страстям Редля, ссужая ему не бог весть какие суммы на развлечения, а австрийский полковник, испытывая понятную благодарность, стал снабжать русского военного агента нужной информацией.

Где и что просочилось к австрийским контрразведчикам — сказать трудно, но они положительно возненавидели Марченко, не без оснований полагая, что русский офицер очень хорошо справляется со своими нелегкими обязанностями. Все полицейские ухищрения с целью выдворить Марченко из Вены разбились о его профессиональную осторожность. Для изгнания русского разведчика пришлось пойти на крайнюю меру: капризный старец император Франц-Иосиф на придвор-

ном балу, шамкая и запинаясь, оскорбил Марченко. В 1910 году Марченко был отозван.

Тем временем Редль стал начальником штаба корпуса в Праге. В мае 1913 года небрежность Редля навела на его след австрийскую контрразведку. Арестовывать и судить Редля было бы слишком — разразился бы неслыханный скандал. Контрразведчики принудили Редля застрелиться в венском отеле. В некрологе в венских газетах 26 мая 1913 года говорилось: «Высокоодаренный офицер, которому, несомненно, предстояла блестящая карьера, в припадке нервного расстройства — в последнее время он страдал тяжелой формой бессонницы — покончил с собой в Вене, где он находился по служебным делам». Похоронное настроение царило и в австрийском генеральном штабе, хотя по другим причинам.

Из Берлина начальник немецкого генерального штаба Мольтке-младший скорбно писал австрийскому коллеге Конраду фон Гетцендорфу: «Мои думы часто направлялись к вам, и я остро почувствовал всю тяжесть того несчастного случая, который произошел у вас». В свою очередь, Конрад уныло признал на штабном совещании: «Военному могуществу Австрии на фронтах русском и итальянском и даже румынском рядом государственных измен, закончившихся разоблачением Редля, нанесен тяжелый удар, уничтоживший созидательную работу многих лет». Он даже считал, что в ближайшие пять лет после открытия измены Редля война против России невозможна. Признания признаниями, но Конрад все же решил проучить ловких покупателей австрийского плана стратегического развертывания. План был изменен — полоса развертывания была отнесена на запад от границы на 100—200 километров, была произведена перегруппировка на левом фланге.

Хотя, как мы увидим скоро, расчет Конрада далеко не оправдался — русские действительно со всего размаха ударили по пустому месту, но австрийцы не сумели этим воспользоваться. В предвоенный период русский генеральный штаб легкомысленно полагал, что сможет предвидеть события. На чем основывалась поразительная слепота, определить невозможно. Изменяя каждый год собственный план, как могли русские генштабисты верить в незыблемость австрийского плана стратегического развертывания! Последствием была не-

брежная подготовка к войне с Австрией. На оперативно-стратегической игре, проведенной Сухомлиновым в апреле 1914 года в Киеве, проигрывались только операции в Восточной Пруссии, Юго-Западного фронта как бы не существовало.

«Как будто по этому фронту для руководства игрой все уже было понятным и ясным, — писал советский исследователь профессор В. А. Меликов. — Мы полагаем, что в этом деле немаловажную роль играл факт покупки у полковника Редля плана стратегического развертывания австро-венгерской армии, твердая вера в его незыблемость и действительность. Это обстоятельство настраивало Сухомлинова, Янушкевича и Данилова на мысль, что, зная и имея план стратегического развертывания Австро-Венгрии, будет нетрудно с ней разделаться; к тому же русский генеральный штаб вообще не слишком уж высоко расценивал австро-венгерскую армию как серьезного противника. Но, как известно, план стратегического развертывания австро-венгерской армии был коренным образом переделан Конрадом, который через свою агентуру узнал, что копия этого плана хранится в стальном сейфе в Петербурге. И в конце августа 1914 года Данилов в этом убедился, горько сетуя, что он напрасно слишком уж крепко верил в то, чему долго верить, как учит опыт истории, не полагается».

В свою очередь, умники в Берлине, убежденные в превосходстве тевтонского ума над славянским, решили спутать карты русского генерального штаба, подкинув фальшивый план германского стратегического развертывания — «Записку о распределении германских вооруженных сил в случае войны № 269 1908 г.». Для вящей убедительности фальшивку скрепили своими подписями Вильгельм II и Мольтке. Ее продали русской разведке, но надежды не оправдались — после некоторых колебаний в русском генеральном штабе распознали суть дела и истраченные деньги списали по статье убытков. Хитрость тевтонцев была видна как на ладони — они пытались внушить, что на востоке вместо одной армии будет три, а наступление на западе пойдет не через Бельгию, а прямо через французскую границу. На планы русского генерального штаба усилия Вильгельма II и К°, ввязавшихся в тайную войну, не оказали решительно никакого влияния.

* * *

С началом войны главнокомандующим русской армией был назначен великий князь Николай Николаевич, мужчина роста исполинского, внушительной внешности, большой внутренней пустоты и прозванный в армии «лукавым». Он устроил ставку верховного главнокомандования в Барановичах. Сухомлинов, безуспешно домогавшийся этого поста, естественно, затаил великую злобу. Были образованы два фронта — Северо-Западный против Германии и Юго-Западный против Австро-Венгрии. Вся территория России разделялась на две части — театр военных действий и внутренние области государства, или глубокий тыл.

Верховный главнокомандующий получил неограниченные права на вверенном ему театре военных действий. Ему, подчиненному «исключительно и непосредственно царю», ни одно правительственное учреждение не имело права давать никаких указаний. В свою очередь, Сухомлинов был совершенно свободен от указаний Николая Николаевича, так как войска в тылу подчинялись по-прежнему военному министру. Верховный главнокомандующий не мог приказывать и Главному артиллерийскому управлению, следовательно, все боевое снабжение армии было вне его компетенции, не говоря уже об интендантском довольствии. Бескомпромиссное разделение на фронт и тыл вопреки логике вооруженной борьбы и здравому смыслу обернулось для России самыми тяжкими последствиями.

Мобилизация давала России 114 дивизий, 94 из которых направлялись против Германии и Австро-Венгрии. Им противостояли 20 немецких и 46 австрийских дивизий. Однако по совокупной огневой мощи вражеские дивизии очень немногим уступали русским. В первые два месяца войны до окончания сосредоточения русской армии противник обладал преимуществом. И при таком соотношении в силах Россия, связанная военной конвенцией, открывала наступление.

Еще не было закончено подтягивание войск к границам (армия увеличивалась с 1,5 миллиона до 5,5 миллиона человек), как из Парижа посыпались настойчивые требования ни больше ни меньше как идти на Берлин. Уже 1 августа, в день объявления Германией войны России, русский военный агент телеграфирует из

Парижа: военный министр Франции «совершенно серьезно полагает возможным для нас вторжение в Германию и движение на Берлин со стороны Варшавы». Русское командование сопротивлялось этим требованиям неделю, сосредоточивая войска в соответствии с предвоенными планами.

В Петрограде французский посол Палеолог обивает пороги, требуя скорейшего перехода в наступление. На приеме у царя 5 августа он говорит: «Я умоляю Ваше Величество приказать Вашим войскам немедленное наступление. Иначе французская армия рискует быть раздавленной». Посол, припадавший к стопам монарха, добился своего. 8 августа Северо-Западный фронт получает приказ: «Ввиду направления главных сил Германии и необходимости поддержать нашу союзницу Верховный главнокомандующий повелел: Гвардейский и 1-й армейский корпуса в составе, указанном в боевом расписании, изъять из состава 1-й армии и направить в Варшаву».

На левом берегу Вислы у Варшавы начинается формирование 9-й армии для наступления на Берлин. В результате к двум расходившимся операционным направлениям — на Восточную Пруссию и в Галицию прибавилось третье. Ради него растаскивались войска, намеченные для действий на первых двух. «При существовавшем в действительности соотношении сил, — замечает Головин, — подобная просьба была в полном смысле слова равносильна требованию от России самоубийства». А французские газеты, предвосхищая события, уже изображали на первых страницах широкую, в палец толщиной, стрелу, упиравшуюся с востока в Берлин.

Еще на Западном фронте не был приведен в действие могучий механизм вторжения, еще никто не слышал о марше полчищ Клука, а в столице России домогательства, мольбы и внушения Палеолога сделали свое дело.

10 августа ставка приказывает командующему Северо-Западным фронтом Жилинскому: «Принимая во внимание, что война Германией была объявлена сначала нам и что Франция как союзница наша, считая долгом немедленно же поддержать нас и выступить против Германии, естественно, необходимо и нам в силу тех же союзнических обязательств поддержать французов

ввиду готовящегося против них удара германцев... Верховный главнокомандующий полагает, что армиям Северо-Западного фронта необходимо теперь же подготовиться к тому, чтобы в ближайшее время, осенив себя крестным знамением, перейти в спокойное и планомерное наступление». В ближайшие дни от последних слов ничего не осталось — русские войска, так и не закончившие сосредоточения, подталкивались к стремительному наступлению.

План операции состоял в том, что 1-я русская армия (Ренненкампфа), наступая с востока, а 2-я армия (Самсонова) с юга разбивают противостоящую 8-ю немецкую армию (Притвица) и перехватывают ее пути отступления к Висле. Хотя русские армии имели некоторое превосходство в людях над немцами (в 8-й армии было около 200 тысяч человек), противник был много сильнее в огневой мощи, действовал, опираясь на укрепленный район, каким была вся Восточная Пруссия, и располагал великолепной сетью путей сообщения, дававших возможность быстро маневрировать. К моменту вступления русских в Восточную Пруссию 8-я армия была полностью сосредоточена и готова к борьбе.

17 августа 1-я русская армия двинулась через германскую границу. Немецкий 1-й корпус (Франсуа), не имевший точных данных о русских, самоуверенно ввязался в бой, но был с чувствительными потерями отброшен. Суетливый генерал Франсуа, вероятно опасаясь неприятностей за самочинные действия, послал Притвицу лживое донесение, соблазняя его устроить русской армии шлиффеновские клещи. Видный советский военачальник профессор И. И. Вацетис в специальном исследовании боев в Восточной Пруссии в 1914 году, опубликованном в 1929 году, заметил: «Командование 8-й герм. армии шло на поводу у ген. Франсуа, который плохо разбирался в стратегической обстановке на прусском театре. Ген. Притвиц, поверив фантастическим оперативным затеям Франсуа, бросил войска в пропасть неизвестности. Главная роль принадлежала ген. Франсуа, а XVII корпус Макензена должен был своими действиями способствовать достижению ген. Франсуа какого-то военного успеха, вероятно, отыграться после постигших его неудач в споре с командармом. Прямым последствием такого легкомысленного отношения к подготовке операции получился тот сум-

бур, свидетелями которого мы были 20 августа. Операция кончилась, как следовало ожидать, общей паникой. Что касается русских, то они не только не были разбиты, но даже не были стронуты с места».

Как все это произошло? Ведь под Гумбинненом русские корпуса, имевшие 64 тысячи человек, столкнулись с немецкими силами в 75 тысяч человек, имевшими и тяжелую артиллерию. Подогретые шнапсом и патриотическими воплями, немцы в сомкнутом строю под барабанный бой грудью двинулись в атаку — защищать имущество прусских юнкеров. Топали как на параде, выставив штыки-ножи.

Третий русский корпус, на который легла тяжесть сражения, продемонстрировал великолепную дисциплину огня. Стоило немцам подойти, как на пехоту обрушилась русская артиллерия, а по силе шрапнельного огня восьмиорудийная батарея могла в несколько минут уничтожить неосторожно открывшийся целый батальон в сомкнутом строю. Под Гумбинненом Франсуа и Макензен гнали в атаку в плотных построениях полк за полком. Цели не приходилось искать.

1-й дивизион русской 27-й артиллерийской бригады в этот день с 9 до 16 часов выпустил 10 тысяч снарядов, или почти по 400 снарядов на орудие!

Залегшие поредевшие немецкие цепи взывали о поддержке своей артиллерии. Плохо обученные стрельбе с закрытых позиций, кайзеровские батареи галопом выскакивали на открытые места. Стремительно разворачивали орудия, но успевали сделать только несколько выстрелов, их немедленно подавляли. На участке русской 27-й дивизии германский дивизион появился в каком-нибудь километре от наших цепей. Сосредоточенным ружейным, пулеметным и орудийным огнем немцы были моментально уничтожены, все 12 орудий стали трофеями.

Разгром своей артиллерии (в то время как русская, в основном стрелявшая с закрытых позиций, оставалась неуязвимой), когда на глазах гибли дивизионы и батареи, до основания потряс немецкую пехоту, начавшую отход. Макензен, выехавший со штабом для водворения порядка, не смог остановить бегство. За день разгромленный корпус, потерявший свыше 200 офицеров и 8 тысяч солдат, откатился на 20 километров. От-

ступил и корпус Франсуа. Общие потери немцев превысили 10 тысяч человек.

Победа была полной — перед 1-й русской армией открывалась дорога в Восточную Пруссию. У Ренненкампфа были наготове шесть кавалерийских дивизий генерала Хана Нахичеванского, не принимавших участия в сражении, боевой третий корпус был полон воодушевления. Оставалось немногое — дать приказ на преследование. Его не последовало.

Ренненкампф и Жилинский рассудили, что 8-я немецкая армия уходит к Висле, и решили, что с ней справится подступавший с юга Самсонов. 1-я армия пошла осаждать Кенигсберг, куда, по ее данным, отошли оба разбитых при Гумбиннене немецких корпуса.

В штабе Притвица действительно царило величайшее смятение — он уже отдал приказ об отступлении за Вислу. Паника захлестнула Берлин и Кобленц, где находилось верховное главнокомандование Германии. Прусская аристократия осаждает императора, слезно моля спасти родовые имения от казаков. Во весь исполинский рост встал призрак русского вторжения в Германию. Начальник германского генерального штаба Мольтке предается мучительным раздумьям: что проку в блестящих победах на западе — пусть пройдена Бельгия и уже маячит Париж, когда русские армии идут на Берлин. Итог раздумий — перебросить в Восточную Пруссию 6 корпусов и кавалерийскую дивизию. Дополнительные размышления, и на восток отправляются пока два корпуса — гвардейский резервный, XI армейский и 8-я саксонская кавдивизия. Вместо Притвица командующим в Восточной Пруссии назначается престарелый Гинденбург, начальником штаба при нем Людендорф.

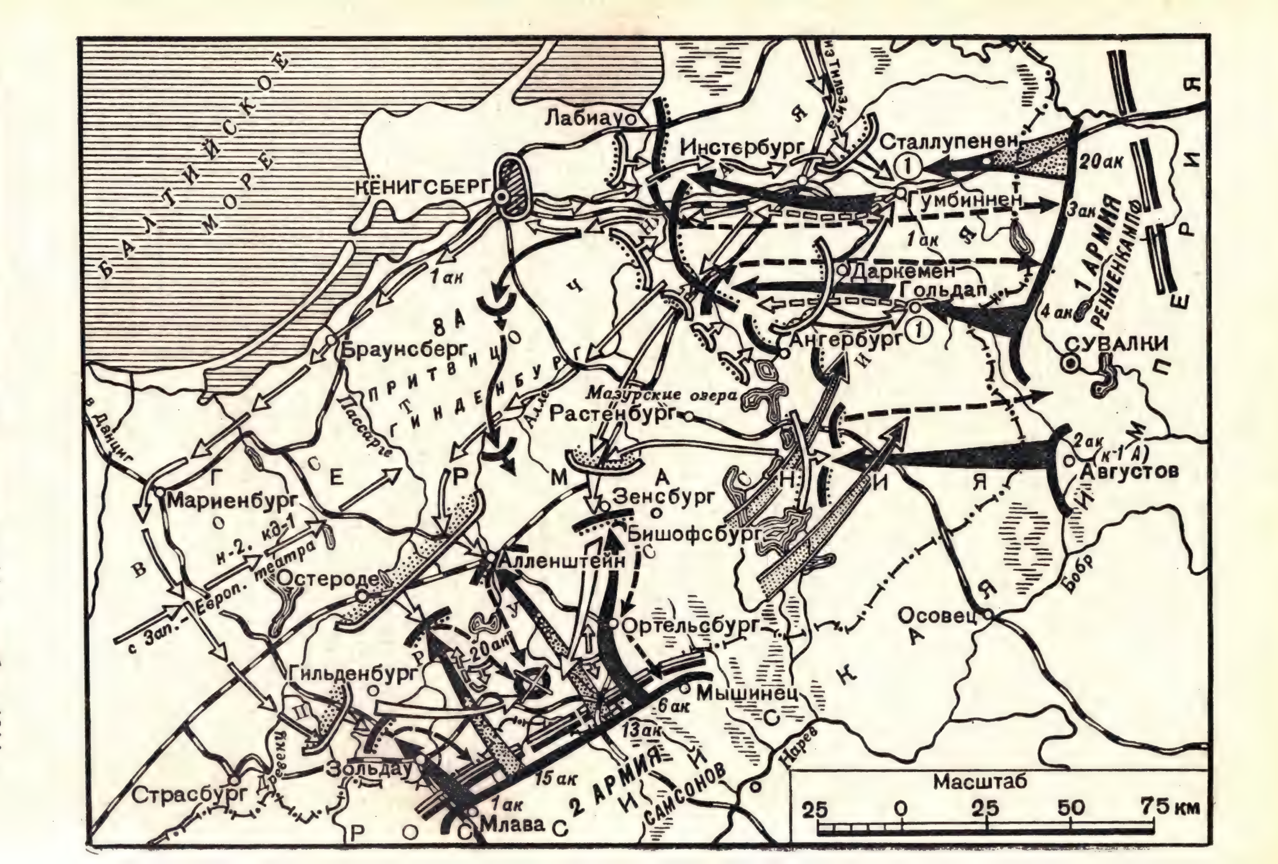
Ослабление немецкого правого крыла Клука, наступавшего на Париж, отправкой войск против России, имело фатальные последствия для Германии. В разгар гражданской войны в Советской России в 1918 году в Москве увидел свет 1-й выпуск «Краткого стратегического очерка войны 1914—1918 гг.». В нем была подчеркнута стратегическая важность победы под Гумбинненом: «Ее влияние тотчас же сказалось на французском театре, еще не успели разбитые 7(20) августа германские корпуса отойти от фронта I армии, как 8(21) было решено ослабить наступавшую через Бельгию германскую армию... Эти корпуса, как мы уже говорили,

были взяты от I армии Клука и 2-й Белова, на которые позже в сражении на Марне 27 августа (6 сентября) обрушился главный французский удар. Это обстоятельство усиливает значение нашей победы 7(20) августа».

Гумбиннен, день русской славы на исходе третьей недели войны, вызвал такой психологический шок в Германии, который привел в действие цепь событий, сорвавших немецкие планы молниеносной войны, а следовательно, явился первым шагом на пути к конечному поражению Германии.

Русская армия блестяще выполнила свой долг в коалиционной войне, но союзник не унимался. 21 августа, на следующий день после Гумбиннена, Палеолог записывает: «На Бельгийском фронте наши операции принимают дурной оборот. Я получил указание воздействовать на Императорское Правительство, дабы ускорить насколько возможно начало наступления русских армий». 26 августа Палеологу приходит из Парижа телеграмма: «Из самого надежного источника получены сведения, что два вражеских корпуса, находившиеся против русских армий, переводятся сейчас на французскую границу. На восточной границе Германии их заменили части ландвера. План войны Большого германского генерального штаба совершенно ясен, и нужно настаивать на необходимости самого решительного наступления русских армий на Берлин. Срочно предупредите российское правительство и настаивайте».

Но в эти дни происходит обратное — два корпуса спешат с французского фронта на восток! Нажим союзника на русское высшее командование приобрел неприличный характер. Николай Николаевич с ложным рыцарством торопит Жилинского, а тот погоняет А. В. Самсонова, армия которого несет крест наступления на северо-запад через Восточную Пруссию. Ободренный Гумбинненом, Самсонов гонит солдат по пескам, бездорожью, чтобы успеть преградить путь отхода, как представлялось, разбитой 8-й армии. Недавний кавалерийский генерал Самсонов, переведенный в пехоту для «омоложения» командного состава, меряет все мерками кавалерии и безжалостно понукает сырые корпуса, которые физически не в состоянии покрывать потребные в день версты. Тылы отстают, боевые порядки расстраиваются, кадровые офицеры с отвращением го-

Восточно-прусская операция, 17 августа — 14 сентября 1914 г.

Условные обозначения

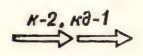

Наступление русских войск.

Гумбиннен-Гольдапское сражение.

Перегруппировка германских войск.

Положение русских войск на 26.8.

Разгром двух корпусов 2-й русской армии 29—30.8.

Прибытие с западноевропейского театра двух германских корпусов 4.9.

Перегруппировка германских войск в начале сентября.

Отход 1-й русской армии из Восточной Пруссии.

Линия фронта к концу операции.

ворят: происходит не марш «строевых частей, а шествие богомольцев».

Но командование непримиримо: оглядываясь на французов, оно верит, что солдат, неделями не видящих горячей пищи, а то и хлеба, воодушевит воззвание Николая Николаевича «К полякам»: «Идет вам навстречу великая Россия. Она верит, что не заржавел меч, разивший врага при Грюнвальде». Центральные корпуса 2-й армии Самсонова действительно вышли в исторический район Грюнвальда, носивший в 1914 году немецкое название Танненберг, где в 1410 году славяне разбили тевтонов. Здесь в конце августа 2-я армия А. В. Самсонова дала решительный бой и потерпела поражение.

В упоминавшемся «Кратком стратегическом очерке войны 1914—1918 гг.» военные специалисты юной Красной Армии писали в 1918 году под свежим впечатлением от поражения А. В. Самсонова. «Исследующий эту катастрофу нашей 2-й армии, — предупреждали они, — должен стараться не подпасть под очень распространенный взгляд немецких военных писателей, стремящихся создать из этого события картину по рецепту герман-

ского генерала Шлиффена. Обыкновенно рисуется, что поражение Самсонова — не что иное, как воспроизведение на практике маневра, намеченного Шлиффеном в его теоретических «Каннах»... Немецкая военная литература... неправильно старается придать самсоновскому поражению вид шлиффеновских рецептурных «Канн». В общее мнение Европы делается попытка вбить идею о всегда победоносном способе действия Гинденбурга, как некогда в нас вбили идею о победоносном «косвенном» боевом порядке Фридриха Великого... Ниже мы увидим, что между аннибаловскими Каннами и гинденбурговским Танненбергом нет никакого ни по форме, ни по идее сходства».

Людендорф, обнаруживший, что 1-я русская армия практически не продвигается, решил разбить 2-ю армию Самсонова, без оглядки шедшую на северо-запад. К 26 августа немцы собрали против нее все войска восточнее Вислы, примерно 12 дивизий против 9 усталых русских. Противнику удалось создать двойное превосходство над армией Самсонова, перед ее фронтом появились I и XVII немецкие корпуса. «Помня урок Гумбинненского боя, — замечает И. И. Вацетис, — Франсуа и Макензен под Зольдау и Бишофсбургом действуют крайне осторожно: Франсуа не ставит своему корпусу рискованных задач, а Макензен не послал в бой пехоты без артиллерийской поддержки». Гинденбург и Людендорф вознамерились раздавить Самсонова простым численным превосходством.

26—31 августа произошло сражение. Не зная, что против него собралась почти вся 8-я армия, Самсонов настоял на дальнейшем продвижении центральных — XV и XIII русских корпусов. Последовали немецкие атаки, русские контратаки. Несмотря на превосходство в силах, Канны не удавались. Русской контратакой было разгромлено правое крыло корпуса Франсуа. «27 августа, — пишет И. И. Вацетис, — принесло командованию 8-й германской армии одно из самых горьких разочарований, а именно — провал плана окружения 2-й армии генерала Самсонова. Группа ген. Франсуа определенно выдохлась и должна была ограничиться занятием Уздау и небольшим продвижением к югу. Восточная же группа (ген. Макензен, Бюлов и Брехт) балансировала в районе боевых действий 26 августа, не проявляя должной энергии ни против

правого фланга, ни против тыла ген. Самсонова. Группа ген. Шольца потерпела вторично неудачу. После неудавшегося фантастического плана окружения всей армии ген. Самсонова ген. Гинденбург решает ограничиться более скромной задачей, именно: окружить XV и XIII русские корпуса в направлении Алленштейн — Остероде».

Не удалось полностью выполнить и этот план, немецкие войска терпели многочисленные поражения. Утром 28 августа при попытке охватить фланг XV корпуса была наголову разбита 41-я пехотная дивизия. Дивизия сама попала в окружение и, констатируется в официальном немецком источнике, «войскам пришлось прорываться обратно через двух с половиной километровый широкий прорыв... было потеряно 13 орудий и 2400 человек... В последних боях 41-я дивизия потеряла треть своего состава, после этого последнего несчастного наступления остатки имели небольшое боевое значение». И. И. Вацетис комментирует: «Фактом разгрома 41-й германской дивизии у Ваплиц была ликвидирована единственная попытка командования 8-й немецкой армии окружить центральные корпуса ген. Самсонова».

Так что же произошло в эти дни, были ли окружены крупные группировки армии Самсонова или нет? Советские военные историки дают категорический ответ — окружения не было, а шло очень беспорядочное сражение. Ввиду превосходства сил противника Самсонов утром 29 августа отдал приказ об отходе. Войска перемешались, и не все получили его, но сражение продолжалось с неослабевающей силой. Командир XIII корпуса генерал Клюев писал: «Прикрывавший тыл 143-й пехотный Дорогобужский полк во главе с доблестным командиром полка, полковником Кабановым, имел славный бой с немецкой бригадой в 10-ти верстах к югу от Алленштейна. Целый день сдерживал он атаки немцев, три раза отбрасывая их штыками. Командир полка был убит, и остатки полка присоединились к корпусу лишь к ночи. На месте боя было похоронено 600 немцев, как значится на надгробном памятнике».

Немцы дрались отнюдь не согласованно, генералы часто теряли управление войсками. К вечеру 28 августа, свидетельствует официальный немецкий источник, на ряде участков немецкие войска начали отступать. «Бес-

покойство, охватившее штаб 8-й армии, заставило ген. Гинденбурга отправиться на место паники и личным присутствием способствовать восстановлению порядка, но паника в районе Танненберга приняла уже стихийный характер. Навстречу автомобилю ген. Гинденбурга неслись галопом транспорты, тяжелая артиллерия с криком «Русские наступают». Дороги были сильно запружены. Автомобиль командарма рисковал быть увлеченным потоком бегущих. Гинденбург при виде общей паники должен был свернуть на Остероде».

В действительности шло общее отступление 2-й армии, части которой огрызались огнем и часто переходили в контратаки. Потери с обеих сторон были велики, немцы шли по пятам за русскими. Схватки отличались крайней остротой. Участник боя Каширского полка, оставленного в арьергарде, рассказывает: «Около 5—6 утра из леса вышла большая немецкая колонна. Колонна шла без охранения. Это была 37-я пех. дивизия. Когда голова колонны подошла шагов на 600—800, по ней был открыт ураганный картечный, пулеметный и ружейный огонь, доведенный до стрельбы почти в упор. Немцы не выдержали и обратились в бегство, оставив на поле груды убитых и раненых. Через час то же повторилось с колонной, вышедшей из леса северо-западнее (дивизия ген. Гольца). После этого наступление затихло до 11 часов. За это время немцами был подготовлен артиллерийский огонь по Каширскому полку со всех сторон из легких и тяжелых пушек. Огонь был чрезвычайно сильный, стреляло не менее 100—150 орудий. Издали казалось, что каширцы вместе с землей приподняты в воздух. Спастись удалось немногим...»

Умирали с оружием в руках арьергарды, с отчаянной решимостью бросались на врага, перехватившего в том или ином месте путь отхода, авангарды. Капитан штаба XIII корпуса записывал: в ночь на 30 августа на опушке поляны отходившие части «встретил луч прожектора, а затем несколько очередей на картечь. Колонна остановилась, произошло замешательство, но вскоре части оправились. По частному почину бывших здесь офицеров выкатили 2 орудия на шоссе, 2 других поставили на соседнюю просеку, рассыпали по обеим сторонам шоссе пехоту, затем подняли, и когда вновь заблистал прожектор, встретили его ураганным огнем, а затем

дружно перешли в атаку. Немцы поспешно бежали, оставив раненых и убитых. Пулеметы и орудия успели увезти. Путь был свободен».

К исходу 30 августа снова наткнулись на противника. «Немцы заняли артиллерией и пулеметами все просеки у поляны и нетерпеливо ждали подхода своей жертвы. Когда стало известно, что дальнейший путь прегражден, в колонне у всех от мала до велика явилось желание пробиться во что бы то ни стало. Быстро поданы на просеки орудия и пулеметы, был открыт беглый огонь и части во главе с командиром Невского полка полк. Первушиным бросились в атаку. Прорыв был настолько силен и неожидан для неприятеля, что немецкая бригада здесь не выдержала и, бросив орудия и пулеметы, бежала. Около 20-ти орудий, некоторые с полной запряжкой и большое количество пулеметов достались в руки атакующих».

Немецкое описание этого боя добавляет: «В 1-й бригаде завязалась краткая, но тяжелая схватка с русскими. В обширном лесу в сплошной пыли немецкие войска расстреливали друг друга. Ген. Тротта (командир бригады) и два батальонных командира были убиты. Потери были очень большие».

Героизм отдельных частей не мог обеспечить планомерного отхода. Штаб армии и даже штабы корпусов потеряли управление войсками. Потрясенный тем, что победоносный марш в два-три дня превратился в поражение, генерал А. В. Самсонов застрелился. В плен попали командиры XV и XIII корпусов и еще несколько генералов. Из 80 тысяч человек, входивших в эти корпуса и 2-ю пехотную дивизию, которым пришлось пробиваться с боем, вышло 20 тысяч человек, было убито 6 тысяч человек, 20 тысяч раненых остались на поле боя. В плен попало около 30 тысяч человек.

Потери немцев, за исключением, конечно, пленных, были не ниже, чем во 2-й армии. Гинденбург докладывал в германскую главную квартиру: противник сражается «с невероятным упорством». Людендорф признавал, что опасения за «дурной исход операции» не покидали его до самого конца. Если бы Самсонов не утратил управления войсками 28 и 29 августа, то центральные корпуса его армии, несомненно, сумели бы в порядке отойти.

Советский военный историк профессор А. М. Зай-

ончковский справедливо указывал: «Германское командование не имело никаких оснований венчать себя лаврами Ганнибала и провозглашать Танненберг «новыми Каннами», но дело не в форме, по которой были разбиты 5 русских дивизий, а в том, что сами по себе «Канны» явились последним, случайным и при этом не главным этапом армейской операции 8-й германской армии. Русские войска в основном потерпели поражение не от германских войск, сколько от своих бездарных высших военачальников».

Как могло быть иначе, когда 1-я армия Ренненкампфа простояла без движения, в то время как решалась судьба самсоновской. Масса конницы Хана Нахичеванского жалась к пехоте, а не пошла в рейд, чего смертельно боялись в немецких штабах. Только бездействие 1-й армии дало возможность Гинденбургу и Людендорфу собрать превосходящие силы против 2-й русской армии. К этому нужно добавить небрежность русских штабов в пользовании радиосвязью, важнейшие сообщения шли либо открытым текстом, либо незамысловатым кодом. Людендорф без труда заглядывал в карты противника.

Что касается самой 2-й армии, то прав Клюев: «Причины катастрофы: неготовность армии к наступлению, неустройство тыла и коммуникации, несистематичность и чрезмерная форсированность марша, неосведомленность о противнике, растянутость фронта, переполнение частей, брошенных в первую очередь против германцев, запасными, переутомление от беспрерывного марша с боями, от бессонных ночей и недостатка продовольствия. Эти причины вызваны главным образом желанием спешно помочь союзникам в их тяжелом и безысходном положении, и спешка проходит красной нитью сквозь всю операцию, которую, повторяю, можно уподобить скорее кавалерийскому рейду, чем наступлению армии».

Армия А. В. Самсонова была безоговорочно принесена в жертву, чтобы помочь выправить положение на Западном фронте. Это было достигнуто, хотя корпуса, снятые из ударной немецкой группировки, шедшей на Париж, не поспели к Танненбергу. Но их не было и в сражении на Марне.

Французского маршала Ф. Фоша никак нельзя отнести к числу людей, любивших нашу страну. Размыш-

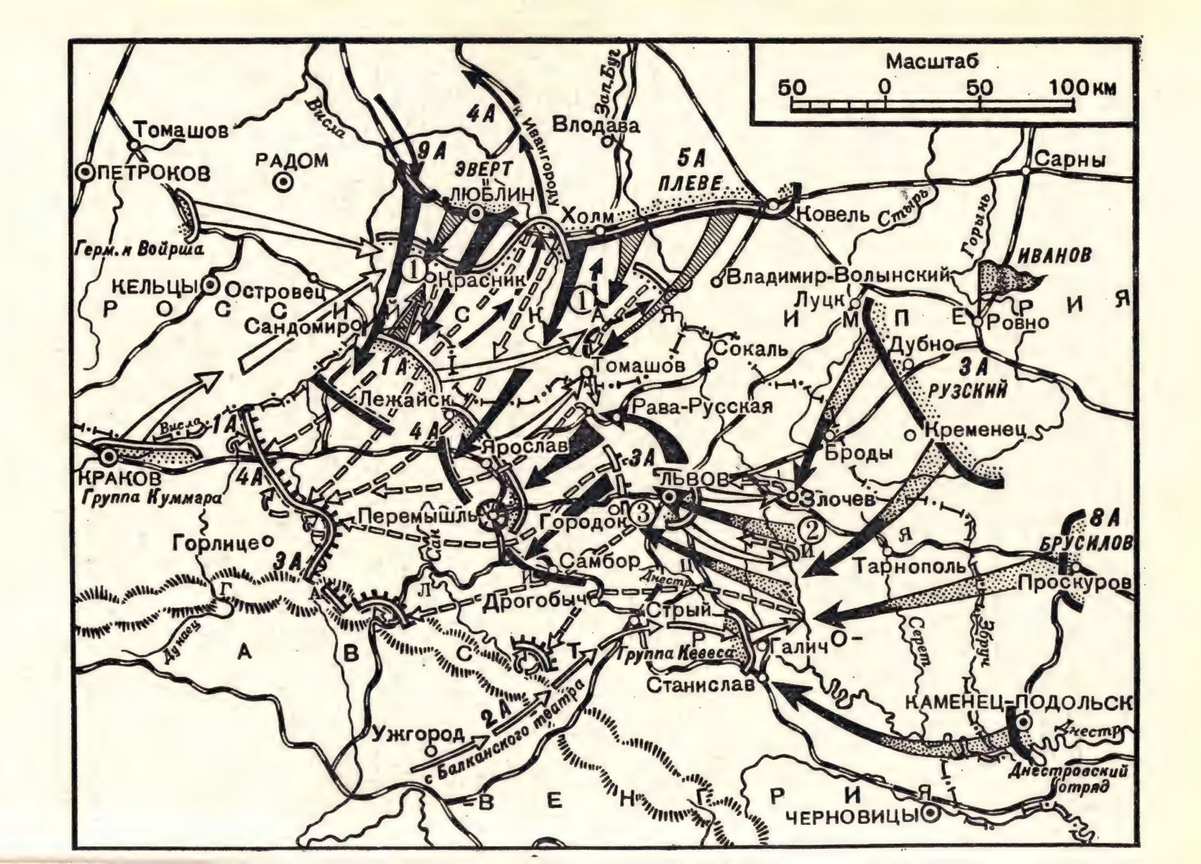
ляя в старости о событиях первой мировой войны, он воздал должное России: «Большие войны, особенно те, которые затрагивают несколько союзных государств, и большие сражения, разыгрывающиеся во время таких войн, нельзя рассматривать только с точки зрения каждой из участвующих в них групп сил... Мы не можем забывать о наших союзниках на Восточном фронте, о русской армии, которая своим активным вмешательством отвлекла на себя значительную часть сил противника и тем позволила нам одержать победу на Марне». Ему, командующему 9-й французской армией, решившей исход битвы на Марне, это было ясно как день.

* * *

Марна воспета на Западе. К этой саге ничего не добавить, — нельзя и буквы вставить между плотно пригнанными словами, национального эпоса Франции, воспевающего битву.

Составители того самого «Краткого стратегического очерка войны 1914—1918 гг.» видели это уже в 1918 году. Поэтому, приступая к описанию операций Юго-Западного фронта — Галицийской битвы, они сдержанно заметили: «10(23) августа южнее Красника произошло столкновение нашей наступавшей 4 армии с также перешедшей в наступление австрийской армией. Этот бой, постепенно развиваясь, положил начало 21-дневному сражению на 500-верстном фронте от Вислы до Днестра, где участвовали 728 русских батальонов против 648 австрийских, австро-германских, или 582 000 русских штыков против 518 000 штыков австро-германских. Эта Галицийская битва совпала по времени с Марнской битвой 24—29 августа (6—11 сентября), в которой на 300-верстном фронте боролись 636 французских батальонов или 508 000 штыков против 480 немецких батальонов или 390 000 штыков». Писавшие эти строки по понятным соображениям не могли точно подсчитать, сколько войск было по ту сторону русского фронта. Историки установили — более 700 тысяч австрийцев и немцев.

Итак, в Галицийской битве с обеих сторон одновременно сражалось 1,5 миллиона человек, в то время как в Восточной Пруссии это число никогда не превышало 300 тысяч человек.

Галицийская битва, 18 августа — 21 сентября 1914 г.

Условные обозначения

Наступление австро-венгерских и русских войск и встречные столкновения (бои).

Люблин-Холмское сражение.

②

Галич-Львовское сражение.

Положение австро-венгерских войск к 4.9.

Наступление русских войск и занятие Галиции.

Городокское сражение.

Положение русских и австро-венгерских войск (прекращение преследования австро-венгерских войск) к концу операции.

Четыре армии Юго-Западного фронта сосредоточивались, имея в виду нанести концентрический удар в Галиции с севера и востока. На правом фланге с линии Люблин — Холм на фронт Тарнов — Перемышль выступали 4-я и 5-я армии, а из района Ровно, Проскуров в направлении Львов, Станислав действовали 3-я и 8-я армии. Полагая, что противник придерживается плана, проданного Редлем, русское командование надеялось захватить основную группировку австро-германских войск в приграничной полосе, окружить и разгромить ее, не дав отойти к Карпатам. К сожалению, отнесение Конрадом линии развертывания внутрь не дало возможности ударить по флангам, и русские армии натолкнулись частично во встречном сражении на огневой фронт.

Пока сосредоточивались ударные русские группировки, вся граница полыхала — с обеих сторон выбрасывались разведывательные отряды, иногда до бригады. В некоторые приграничные русские города вступили немцы или австрийцы. Поведение их было неописуемо — массовый грабеж, расстрелы заложников, насилия над женщинами. В Ченстохове было расстреляно 18 человек, богатейший Ясногорский монастырь был разграблен и осквернен.

Местом жуткой, кровавой бойни стал Калиш. В официальном сообщении главного управления генерального штаба России сухо перечислялись только считанные злодеяния, совершенные по приказу немецкого командования: «Когда президент города Буковинский, собрав с населения по приказу генерала Прейскера 50 тысяч рублей, вручил их немцам, то был тотчас же сбит с ног, подвергнут побоям ногами и истерзанию, после чего лишился чувств. Когда же один из сторожей магистрата подложил ему под голову свое пальто, то был расстрелян тут же у стены. Губернский казначей Соколов был подвергнут расстрелу после того, как на вопрос — где деньги — ответил, что уничтожил их по приказанию министра финансов, в удостоверение чего показал телеграмму». Местных жителей расстреливали на каждом шагу — «трупы лежат неубранными на улицах и в канавах... За нарушение каждого постановления генерала Прейскера приказано расстреливать десятого».

Люди 1914 года были потрясены — вести о чудовищных зверствах потоком шли из Бельгии, Франции, России, отовсюду, куда ступал кованый сапог немецкого солдата. Мир еще не знал фашизма, Освенцима, Дахау, геноцида гитлеровцев, но уже тогда, в августе 1914 года, хорошо знали, что враг систематически нарушает законы и обычаи войны. Пытки и убийство пленных в руках немцев и австрийцев были не исключением, а правилом. В первые недели войны немцы стали применять разрывные пули дум-дум, запрещенные Гаагской конвенцией. Мирные города беспощадно обстреливались из тяжелых орудий. Тот же Калиш перед уходом немцев был разгромлен артиллерийским огнем, сотни жителей погибли...

Русские командующие, зная о происходящем, сжав зубы, занимались подготовкой общего наступления, отклоняя предложения выгнать врага из того или иного города. Когда верховный главнокомандующий попросил командующего 8-й армией А. А. Брусилова выбить австрийцев из захваченного Каменец-Подольска, то получил отказ. «Разбрасывать свои силы перед самым началом боевых действий я не считаю возможным, — телеграфировал Брусилов, — когда я перейду в наступление и вступлю на австрийскую территорию, то эта колонна, боясь быть отрезанной, сама побежит назад без всякого понукания».

Так и случилось. Стоило Юго-Западному фронту прийти в движение, писал Брусилов, австрийцы «спешно покинули Каменец-Подольск и полностью вернули контрибуцию, которую собрали с жителей города. Это было совершенно естественно, потому что они хорошо знали, что если они возьмут контрибуцию с жителей Каменец-Подольска, то я, в свою очередь, заняв Тарнополь, Трембовлю и Чортков, не пощажу этих городов и обложу их такой же, если не большей, контрибуцией». Впрочем, это были в основном угрозы, не в обычае русской армии предавать разграблению занятые города. Брусилов после занятия Львова заверил явившуюся к нему депутацию от городского управления: «Никакой контрибуции на город накладывать не буду».

Хотя облик врага вырисовывался достаточно четко, русские войска придерживались рыцарского кодекса ведения войны. В традициях соблюдения его и был воспитан офицерский корпус. Отступление от кодекса, помимо прочего, считалось вредным и для успеха на поле боя. Нарушители немедленно призывались к порядку. Сплав этих соображений проявлялся даже по пустяковым поводам. Инспектор артиллерии Юго-Западного фронта во время Галицийской битвы делает замечание: «Командиру 3-го дивизиона 4-й арт. тяжелой бригады. Командир корпуса категорически запретил обстреливание города Ярослава. Вашу стрельбу по башне костела, где предполагался (?) неприятельский наблюдательный пункт, считаю бесцельным вандализмом и показывающую непонимание тактики, так как в Ярославе много крыш, могущих быть наблюдательными пунктами. Тратить на это дело 6-дм бомбы нельзя. Мне стыдно за эту стрельбу и за Вас». По понятиям русской армии замечание генерала офицеру — серьезное взыскание.

Галицийская битва продолжалась месяц с небольшим (18 августа — 21 сентября 1914 года). Ставка требовала от Юго-Западного фронта вести не только «стремительное», но даже «непреклонное ураганное наступление». Терминология, непривычная для штабных документов! «Такая спешка, — отмечал А. А. Брусилов, — была вызвана необходимостью помочь англофранцузам, которым приходилось плохо, чтобы нашими наступательными действиями оттянуть хотя бы часть

вражеских сил с их Западного фронта на Восточный, против нас».

С потрясающей быстротой сражения в Галиции сменяли друг друга — у Красника и Томашова (Люблин-Холмская операция), на реках Золотой Липе и Гнилой Липе (Галич-Львовская операция), бои у Городка. Русские войска с тяжелыми боями шли вперед, отбивая постоянные попытки австрийцев и немцев перейти в наступление. Поражение Самсонова побудило русские штабы быть осмотрительнее, и продвижение носило очень упорядоченный характер, даже с чрезмерной заботой о флангах. Но стратегически наступление было дерзким — командование фронтом презрительно игнорировало вполне реальную угрозу удара 8-й немецкой армии из Восточной Пруссии в свой тыл. Русские генералы признали тактическое умение немцев, но не верили в их стратегическое искусство. В этом они оказались правы.

Конрад 1 сентября умоляет Гинденбурга направить оба корпуса, прибывшие из Франции, в район сильнейшей австрийской крепости Перемышль. Несмотря на панику в Вене, тот отказался. Австрийское командование, не видя выхода, засыпало Мольтке просьбами бросить высвободившуюся 8-ю немецкую армию в тыл русского Юго-Западного фронта в направлении на Седлец. В телеграмме верховного главнокомандующего Австро-Венгрии эрцгерцога Фридриха Вильгельму II 3 сентября просматривалась глубокая обида на Германию: «Исполняя верно наши союзные условия, мы пожертвовали Восточной Галицией во имя успеха наших операций между Бугом и Вислой с целью притянуть на себя главные силы России. Нас беспокоит, что немцы отмахиваются от общего наступления на Седлец. Для поставленной цели низвержения России наступление немецких сил на Седлец имеет решающее значение и является неотложным». Безрезультатно!

Перехваленные Гинденбург и Людендорф просто не были способны на смелый удар прямо в тыл Юго-Западного фронта. В те недели, когда Австро-Венгрия терпела унизительные и тяжкие поражения, они, бросив союзницу на произвол судьбы, выталкивали русскую 1-ю армию из Восточной Пруссии. В крайне бесцветной операции «победители при Танненберге» вполне продемонстрировали свое скудоумие. Вверен-

ные им войска, много сильнее 1-й армии, совершили массу бесполезных переходов, «охватывая» пустые места, — русские генералы после неудачи Самсонова стали много осторожнее. К середине сентября немцы, очистив Восточную Пруссию, уткнулись в прочный русский фронт на Немане. В совокупности поражение Самсонова и потери войск Ренненкампфа ослабили русскую армию примерно на 8 процентов.

Тем временем Юго-Западный фронт поставил австрийскую армию перед лицом катастрофы. Немцам нужно было принимать срочные меры для ее спасения. О согласованных действиях не могло быть и речи, в затяжной склоке «терялось дорогое время в тяжелой для австро-германского командования обстановке. Оказывается, когда дело касалось персонального престижа, такие требования были не только в русской, но и хваленой германской армии», — писал Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников, молодым офицером сражавшийся в Галицийской битве. Последовали неизбежные, безрезультатные импровизации, но положение осложнялось с каждым днем — русские шли к Верхней Силезии, району куда более важному для Германии, чем Восточная Пруссия. Пришлось срочно тянуть германские резервы на австрийский фронт.

За тридцать три дня Галицийской битвы русские войска продвинулись на 200 километров, в сражении на Марне немцев удалось отогнать на 50 километров. Бои на Юго-Западном фронте изобиловали примерами выдающейся доблести русских воинов. 8 сентября 1914 года у города Жолква штабс-капитан П. Н. Нестеров в воздушном бою таранил вражеский самолет. Выдающийся русский военный летчик погиб, а город Жолква ныне носит название Нестеров.

Из Галицийской битвы Австро-Венгрия вышла с подорванными силами. Отныне вплоть до самого конца войны ее армия на Восточном фронте могла держаться только при прямой немецкой поддержке. От вторжения русских войск Германию спасло не сопротивление австро-немецких войск, а нараставшая нехватка снарядов на Юго-Западном фронте. С первых же дней боевых действий выяснилось, что артиллерия начинала бой, вела его и решала исход. Противник называл русскую артиллерию «волшебной». Своя пехота боготворила ее, именуя «спасительницей». В отчете в

русский генеральный штаб в период Галицийской битвы подчеркивали: «Блестящие, выше всяких похвал, действия артиллерии в техническом (стрелковом) отношении заслужили полное одобрение и восхищение, наша артиллерия стрелять умела, она не забыла уроков полигонных, и каждый раз, когда надо, она давала то, что может дать современная артиллерия в умелых руках».

Ужасающий урок был преподан австро-германской пехоте. В первое время войны она наступала густыми цепями с интервалами между пехотинцами в метр, двигавшимися на 100—200 метров друг за другом. Советский специалист Е. З. Барсуков отмечает: «Шрапнель 76-мм пушек русской артиллерии находила себе обильную жатву в скоплении 3000—4000 человек открыто наступавшего неприятельского пехотного полка на площади до 2 км по фронту и не более 1000 шагов в глубину. Не исключением бывало, что наступавшая таким образом австро-германская пехота, попадая под убийственный огонь шрапнели 76-мм полевых пушек, уничтожалась почти до последнего человека».

Австро-германская артиллерия в ходе Галицийской битвы была жестоко наказана за промахи предвоенной подготовки — стрельбу только с открытых или полузакрытых позиций. Классический пример дала русская гаубичная батарея мортирного дивизиона в бою под Тарнавкой 26 августа, сумевшая прекратить огонь шести немецких батарей, выпустив всего 200 гранат. На вражеской позиции было захвачено 34 орудия, вокруг них лежали перебитые расчеты и лошади.

Пехота Юго-Западного фронта наступала под непрекращавшийся грохот своей артиллерии. Стрелковые начальники требовали вести огонь не только по видимым целям, но и для поддержания морального духа, звукового и зрительного эффекта. При таком темпе стрельбы «случайно падавшая на тело орудия шапка орудийной прислуги загоралась как в печке». И было отчего. Отмечались частые случаи, когда орудийные стволы от продолжительной и скорой стрельбы разогревались «до красного накаливания». Отсюда чудовищный расход снарядов — батареи Юго-Западного фронта (имевшего свыше двух тысяч орудий) расстреляли за три недели по тысяче снарядов на орудие. Это был запас, заготовленный на всю войну. Командование

засыпало тыл паническими требованиями подвезти снаряды.

На ближайших тыловых складах их не оказалось, и 21 сентября фронт приостановил операции, прося ставку «местные парки довести до 100 патронов на орудие», ибо с 15 сентября их было «всего лишь 25». Сведения о снарядном голоде молниеносно разнеслись по фронту, просочились в тыл и произвели гнетущее впечатление. Пришедшие по пятам за поражением армии Самсонова, они ставили под сомнение способность страны вести войну. Доморощенные стратеги сокрушенно качали головами. С этого момента начинается кампания буржуазии против «бездарных царских генералов».

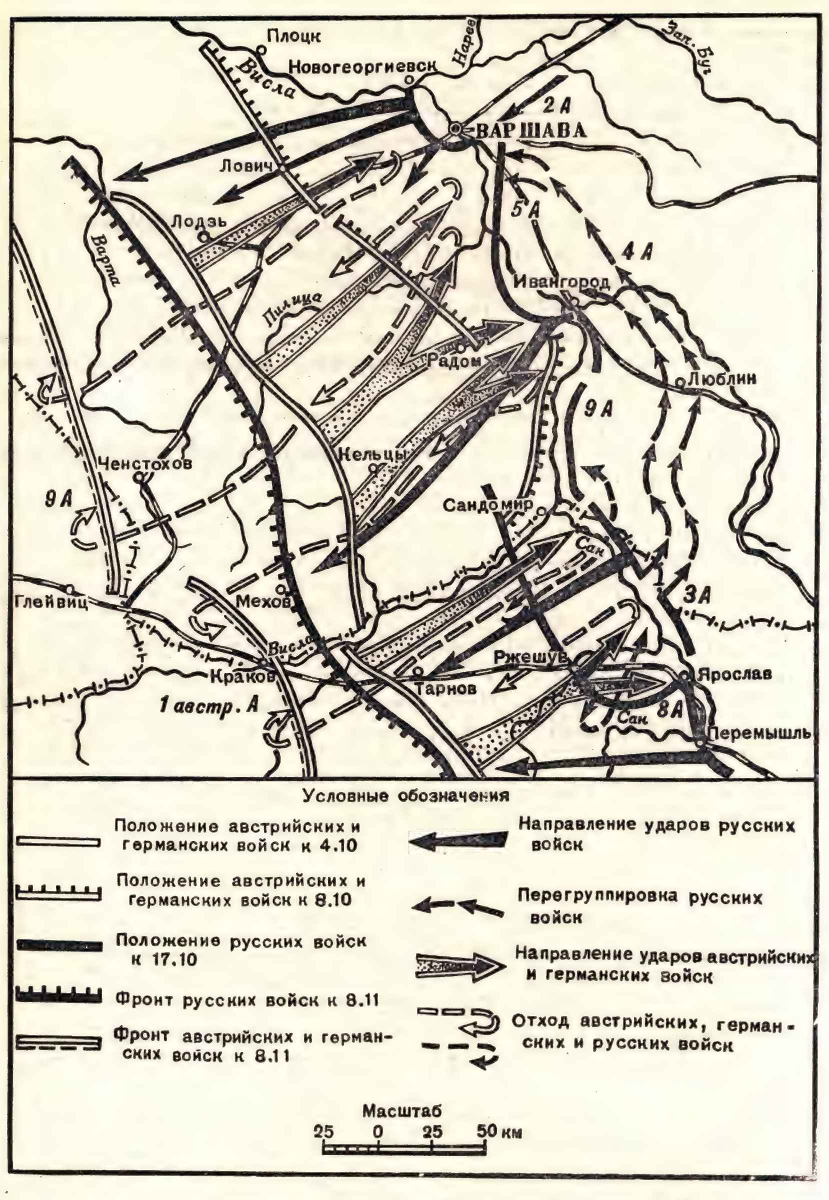
Осенью 1914 года она не могла еще набрать большой силы — Юго-Западный фронт одержал блистательные победы. Австро-венгерская армия потеряла 45 процентов своего состава — 400 тысяч человек, из них 100 тысяч пленными. Было брошено свыше 400 орудий! Австрийские дивизии, потерявшие в среднем по 7,5 тысячи человек, были обескровлены. Перемышль попал в осаду, открывалась дорога на Венгерскую равнину.

Юго-Западный фронт добился внушительных успехов относительно умеренной ценой, потеряв 230 тысяч человек, или по 4,5 тысячи в среднем на дивизию.

В сентябре 1914 года русские войска, оставив за собой всю Галицию, готовились нанести решающий удар по австрийцам, ушедшим за Карпаты и откатившимся к Кракову.

* * *

Германское командование наконец сообразило, что утрата времени смерти подобна — после оперативной паузы Юго-Западный фронт снова неизбежно пойдет вперед. Последствия было нетрудно предвидеть — в Вене уже пошли разговоры о том, что нужно пойти на мир с Россией. Поступили еще более тревожные известия — русские собирают мощный кулак в районе Варшавы — Ивангорода определенно для наступления прямо на запад, то есть на Берлин. Хотя между генералом Ивановым, командующим Юго-Западным фронтом, и генералом Рузским, назначенным на Северо-Западный фронт вместо смещенного Жилинского, суще-

Варшавско-Ивангородская операция, 28 сентября — 8 ноября 1914 г.

ствовали противоречия относительно того, куда именно бросить главные силы, русское командование стремилось перенести войну на территорию Германии.

Гинденбург, назначенный командующим на Восточном фронте, решил упредить русское наступление, прикрыв границу Германии. Почти вся немецкая 8-я армия перебрасывается сюда из Восточной Пруссии, к ней добавляются войска, снятые с Западного фронта. Немцы вводят в заблуждение Конрада, заверяя, что явились помочь Австро-Венгрии, а на деле втягивают австрийцев в свою операцию — защищать Германию. Что бы ни додумали позднее немецкие историки, точных планов у Гинденбурга не было. «В каком масштабе разовьется германское наступление, — писал Людендорф, — главным образом зависело от того, осведомлены или нет русские о новой перегруппировке германских сил».

28 сентября германо-австрийские армии перешли в наступление. В начале его они имели неоспоримое превосходство в силах, бои охватили всю западную часть Польши. К десятым числам октября немцы вышли к Варшаве, а австрийцы к Ивангороду. Попытка взять их штурмом не удалась. «В дни боев под Варшавой и Ивангородом приходилось целые ночи не смыкать глаз, а уцелевшие солдаты вспоминают о них с ужасом», — писал Людендорф. К этому времени закаленные дивизии Юго-Западного фронта, совершив беспримерный марш в сотни километров, обрушились на германо-австрийскую группировку. Враг в панике бежал. Людендорф записывал: «27 октября был отдан приказ об отступлении, которое, можно сказать, висело уже в воздухе. Положение было исключительно критическое... Теперь, казалось, должно произойти то, чему помешало наше развертывание в Верхней Силезии и последовавшее за ним наступление: вторжение превосходных сил русских в Познань, Силезию и Моравию».

Чтобы задержать преследовавших, немцы прибегли к широкому разрушению железных дорог. В осеннюю распутицу это снизило темпы преследования, и разбитым германским войскам удалось убраться на свою территорию, очистив все районы, занятые во время злополучного похода к Висле. В Варшаво-Ивангородской операции с обеих сторон сражалось шесть армий, почти миллион человек. Потери были велики, особенно

жестокому избиению подверглась 1-я австрийская армия, потерявшая 75 тысяч из 150 тысяч человек.

Русское командование, окрыленное новой после Галицийской битвы победой, рвалось осуществить вторжение в Германию. Несмотря на усталость, обнаружившуюся нехватку боеприпасов (впрочем, это было и по ту сторону фронта), боевой дух русских войск был исключительно высок. Ореол «победителей при Танненберге» померк, спины немцев, бежавших из-под Варшавы, запомнились. Горя желанием отомстить за павших солдат армии Самсонова, русские войска глубокой осенью снова вступили в Восточную Пруссию, загнав врага за укрепления у Мазурских озер, а 2-я и 5-я русские армии получили приказ идти на Познань.

Положение для немцев сложилось критическое, и неизвестно, как бы повернулись дальнейшие события, если бы не старая ошибка русских штабов — систематическая передача приказов по радио простым кодом. Уже 1 ноября Гинденбург узнал, что русские пехотные дивизии (после 120-верстного преследования от Варшавы) остановлены для того, чтобы привести себя в порядок перед вторжением в Германию. Начальник германского генерального штаба Фалькенгайн (назначенный вместо Мольтке) писал, что перехват радиограмм «давал нам возможность с начала войны на Востоке до половины 1915 года точно следить за движением неприятеля с недели на неделю и даже зачастую со дня на день и принимать соответствующие противомеры».

На этот раз немцы вознамерились, учитывая конфигурацию фронта — русский клин, устремленный к Германии, — ударом во фланг из Западной Пруссии (района Торна) отрезать русские 2-ю и 5-ю армии. Войска, недавно бежавшие от Варшавы, были скрытно переброшены северо-восточнее и 11 ноября внезапно двинулись на русских. Генерал Макензен, руководивший операцией, самоуверенно приступил к ее первой части — «сбить в кучу» русскую армию. Не удалось! Хотя неожиданный удар от Торна создал громадные затруднения, русские войска, выдвигавшиеся на запад, были вытянуты в линию и не имели фронтовых и армейских резервов, они без большого труда оправились. Лодзинская операция, в которой с обеих сторон сражалось 600 тысяч человек, быстро разгорелась. Клин, острием которого были пять дивизий генерала Шеффе-

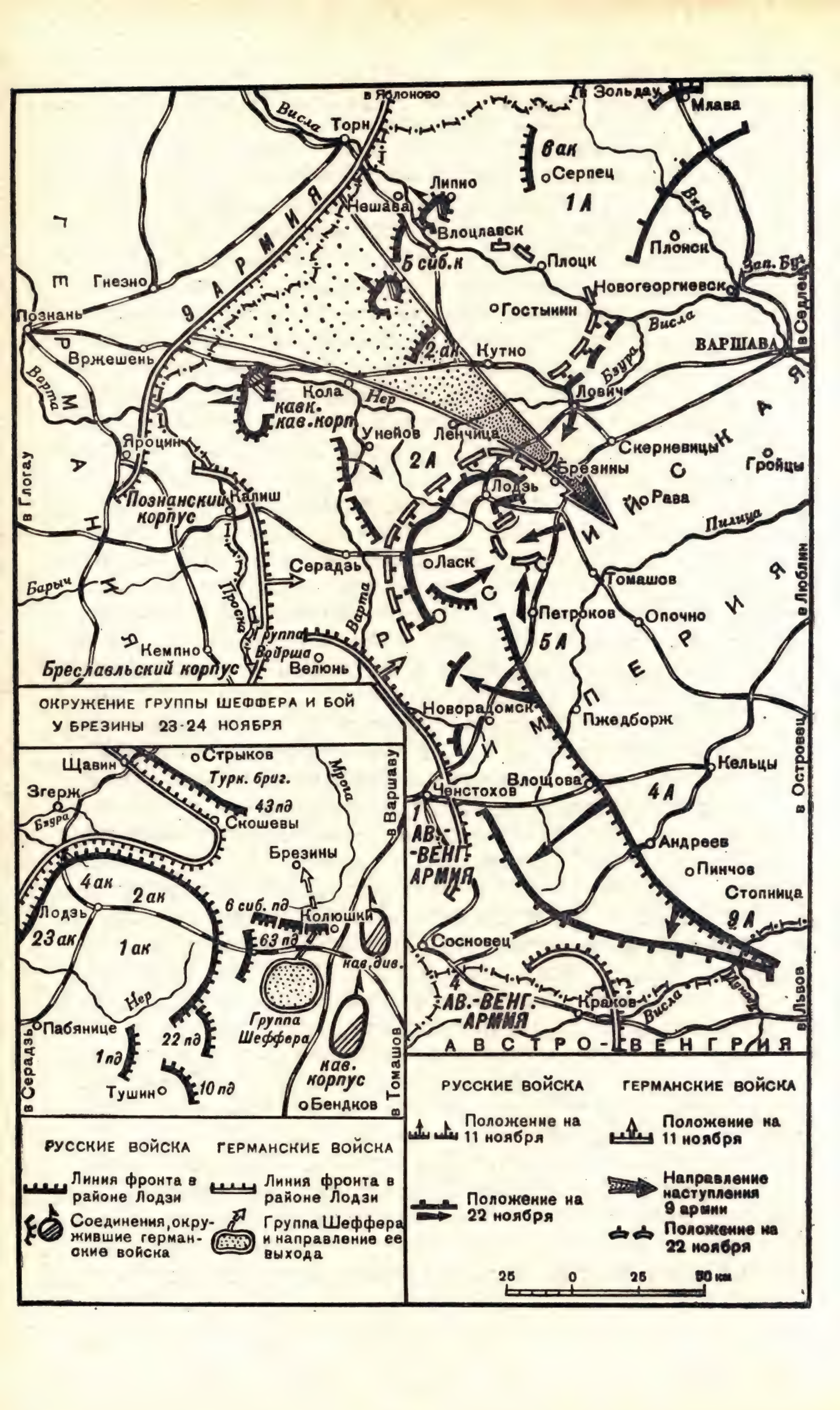
ра, был, в свою очередь, охвачен русскими войсками в районе Лодзи. В мешке наступавшие!

В штабе Гинденбурга царила растерянность. Официальное немецкое описание войны говорит: «Командующий Восточным фронтом не имел никаких сил, чтобы помочь находившейся под Лодзью в тяжелом бою 9-й армии, он был вынужден быть простым свидетелем готовившейся там драмы. Вряд ли можно было надеяться на освобождение отрезанных войск генерала Шеффера». Утром 24 ноября телеграмма в пачке перехваченных повергла Людендорфа в неописуемый ужас — указание русского командования подавать эшелоны для немецких военнопленных. «Не могу выразить, что я при этом почувствовал, — писал Людендорф, — все повисло на волоске». К сожалению, из других телеграмм были видны намерения русских в отношении боевых действий! Учет этого, а также ошибки Ренненкампфа (по злому стечению обстоятельств он оказался и здесь) дали возможность остаткам группировки Шеффера через Брезины унести ноги, потеряв 40 тысяч человек, или 80 процентов состава.

Обозленные серией неудач в Лодзинской операции, Гинденбург и Людендорф втянулись в затяжные бои. Проученные авантюристы больше не решались на охваты, отложив в сторону ненужный инвентарь — шлиффеновские клещи и прочее, а бросали свои дивизии в лоб на русские позиции. Пошла война на истребление, в ходе которой русские войска несли значительные потери, но немецким доставалось больше.

Русские солдаты и офицеры столкнулись с поразившей их особенностью немцев — замордованные казарменной муштрой, они просто не были способны наступать рассыпным строем. Вновь и вновь в открытом поле вырастали сомкнутые колонны немцев, зачастую пьяных, пытавшихся пробить русский фронт.

«Эту колонну косят пулеметы, — записал очевидец, — ужасающие пулеметы, вырывающие буквально целый строй — первая шеренга падает, выступает вторая и, отбивая такт кованным альпийскими гвоздями сапогом по лицам, по телам павших, наступает, как первая, и погибает. За ней идет третья, четвертая, а пулеметы трещат, особый, с характерным сухим звуком немецкий барабан рокочет в опьянении, и рожки, коротенькие медные германские рожки, пронзительно завы-

в Яблоново
Торн
Висла
в Зольдау
Млава
6 ак
Серпец
1 А
Липно
Нешава
Влоцлавск
Плоцк
Плонск
Вкра
5 сиб. к
Гнезно
Познань
Гостынин
Новогеоргиевск
Зап. Буг
Висла
ВАРШАВА
в Седлец
9 АРМИЯ
Вржешень
2 ак
Кутно
Варта
Бзура
Ловичь
Кола
Нер
кавк. кав. корп
Унейов
Ленчица
2 А
Яроцин
Скерневицы
Гройцы
Брезины
Лодзь
Рава
в Глогау
Познанский корпус
Калиш
Пилица
Серадзь
Ласк
Томашов
Барыч
Просна
Петроков
Опочно
в Люблин
Группа Войрша
Варта
5 А
Кемпно
Велюнь
Бреславльский корпус
ГЕРМАНИЯ
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
Новорадомск
Пжедборж
Кельцы
Ченстохов
Влощова
1 АВ.-ВЕНГ. АРМИЯ
4 А
в Островец
Андреев
Пинчов
Стопница
9 А
Сосновец
4 АВ.-ВЕНГ. АРМИЯ
Краков
Висла
в Львов
АВСТРО-ВЕНГРИЯ
ОКРУЖЕНИЕ ГРУППЫ ШЕФФЕРА И БОЙ У БРЕЗИНЫ 23-24 НОЯБРЯ
Стрыков
Щавин
Мрога
Турк. бриг.
Згерж
Бзура
43 пд
Скошевы
в Варшаву
Брезины
4 ак
2 ак
6 сиб. пд
Лодзь
Колюшки
23 ак
1 ак
63 пд
нав. див.
Нер
Пабяница
Группа Шеффера
22 пд
1 пд
кав. корпус
в Серадзь
Тушин
10 пд
Бендков
в Томашов
РУССКИЕ ВОЙСКА
ГЕРМАНСКИЕ ВОЙСКА
Линия фронта в районе Лодзи
Линия фронта в районе Лодзи
Соединения, окружившие германские войска
Группа Шеффера и направление ее выхода
РУССКИЕ ВОЙСКА
ГЕРМАНСКИЕ ВОЙСКА
Положение на 11 ноября
Положение на 11 ноября
Направление наступления 9 армии
Положение на 22 ноября
Положение на 22 ноября
25
0
25
50 км

вают — и люди падают горой трупов. Из тел образуется вал — настоящий вал в рост человека, — но и это не останавливает упорного наступления; пьяные немецкие солдаты карабкаются по трупам, пулемет русских поднимает свой смертоносный хобот, и влезшие на трупы павших раньше венчают их своими трупами».

Но откуда у врага все новые войска, ведь люди бездумно расходуются каждый день? Пленные с готовностью поясняют: «С французского фронта. Два месяца были там, потом посадили нас в вагоны и перевезли сюда. Оттуда все время берут — по восемьдесят поездов в день отправляют — и все сюда».

Решение 20 ноября 1914 года о переброске на Восточный фронт еще пяти корпусов из Франции стратегически было сущей чепухой. Если бы оно было принято на две недели раньше, затеянный Шеффером охват 2-й и 5-й русских армий мог бы удаться. Теперь новые германские части, конечно, уплотнившие фронт, бессмысленно расточались в тщетной надежде на какой-то успех.

Обилие войск не давало покоя немецким генералам, у них чесались руки, и они затевали большие и малые, неизменно захлебывающиеся наступательные операции. Не помогла и тевтонская военная «хитрость».

В католический сочельник 25 декабря 1914 года немцы решили форсировать реку Бзуру и улучшить свои позиции. Дабы усыпить бдительность русских, немецкие самолеты забросали русские окопы листовками с сообщением, что стрельбы на следующий день не будет.

Со значительным чувством юмора русский журналист описал дальнейшее: «Сидевшие в укреплениях на правом берегу православные сначала так и порешили:

— Оно известно: тоже, как полагается, праздник свой имеют. Чего ж им мешать — каждому своя вера дорога!..

Но другой православный, умудренный практикой этой войны, этот другой православный, с обер-офицерскими и штаб-офицерскими погонами на плечах, озабоченно хмурился и простуженным, охрипшим от командного крика, сырости и холода голосом ворчал:

— Конечно, само собой разумеется — праздник.

А все-таки, кто его знает, народ лукавый, примеров тому не искать стать! Как бы чего не вышло, на всякий случай... Эй, Воронков! Распорядись-ка, любезный, чтобы на флангах окопа пулеметы были в порядке, людям раздать патроны полным комплектом... Но без приказания ни одного выстрела!!! Слышишь?

За ночь немецкие понтонеры подготовили у берега плоты, которые с рассветом двинулись через студеную реку.

— Ах, нехристи! — изумлялся засевший на правом берегу православный, осматривая затвор винтовки и вдавливая в магазин новую обойму. — Вот нехристи-то... Сами же заявление кидали, а гляди, что делают! Ладно же!

Плоты заняли соответствующее положение, и... два полка двинулись встречать рождество. Им дали дойти до половины реки. Они шли, уверенные в своей безопасности, потому что они сделали заявление, чтобы не стрелять. К тому же эти дикари русские, называющие какие-то бумажонки международными договорами, эти сибирские медведи ведь совершенно не знают великого дела войны и не могут разгадать простой военной хитрости!»

Потом случилось то, что должно было случиться. Ударила русская артиллерия, включились пулеметы и винтовки. Темные воды Бзуры закружили трупы — даже легкораненые моментально захлебывались в ледяной декабрьской реке. Более трех тысяч немцев погибли, немногие чудом выплыли на русский берег и, дрожа, поползли к русским окопам. Их взяли в плен...

* * *

...Снег укрыл траншеи, изуродовавшие Европу. Как мираж представало перед миллионами солдат по обе стороны фронта канувшее в Лету лето 1914 года — время несбывшихся надежд. Теперь горизонт, видимый в прицелах и через узкие амбразуры брустверов, сузился до минимума — свои и вражеские проволочные заграждения, клочок земли, искалеченный снарядами. Позиционная война стала суровой реальностью, конечный исход отныне зависел не столько от воинской доблести, сколько от мощности заводов, дымивших в далеком тылу.

В 1914 году Россия в сражениях против Германии, Австро-Венгрии и Турции положила почти всю кадровую армию. Впоследствии указывали, что тем были спасены Франция и Англия, что совершенно верно. В коалиционной войне все взаимосвязано, и, говоря словами виднейшего русского военачальника той войны А. А. Брусилова, «с начала войны, чтобы спасти Францию, Николай Николаевич совершенно правильно решил нарушить выработанный раньше план войны и быстро перейти в наступление, не ожидая окончания сосредоточения и развертывания армий. Потом это ставилось ему в вину, но в действительности это было единственное правильное решение. Немцы, действуя по внутренним операционным линиям, естественно, должны были стараться бить врагов поочередно, пользуясь своей сетью развитых железных дорог. Мы же с союзниками, действуя по внешним линиям, должны были навалиться на врага сразу со всех сторон, чтобы не дать немцам возможности уничтожить противников поочередно и перекидывать свои войска по собственному произволу... Францию же необходимо было спасти, иначе и мы, с выбытием ее из строя, сразу проиграли бы войну».

Английский премьер времен первой мировой войны Дэвид Ллойд Джордж в канун второй мировой войны, в апреле 1939 года, напомнил: «Идеалом Германии является и всегда была война, быстро доводимая до конца... В 1914 году планы были составлены точно с такой же целью, и она чуть-чуть не была достигнута. И она была бы достигнута, если бы не Россия... Если бы не было жертв со стороны России в 1914 году, то немецкие войска не только захватили бы Париж, но их гарнизоны по сие время находились бы в Бельгии и Франции». «Мудрые слова», — писал У. Черчилль об этой речи Ллойд Джорджа в своих мемуарах в 1948 году...

Это было ясно в Париже и Лондоне в 1914 году, но вопрос о том, в какой степени Франция и Англия были готовы оплатить громадный долг России, оставался открытым.

1915-й ФАТАЛЬНЫЙ

Затишье на фронтах на рубеже 1914—1915 годов предвещало бурю. Германия, обманувшись в надеждах окончить войну до «осеннего листопада», лихорадочно изыскивала методы и средства ликвидировать тупик позиционной войны, сулившей ей конечное поражение. Немецкие генштабисты не отрывались от карт. На западе благополучно — кайзеровские войска глубоко вторглись на территорию Франции. Французы и англичане, опутавшись колючей проволокой, зализывают раны. Непосредственная опасность — с востока! Картина на русском театре для срединных империй удручающая. Многочисленные кровопролитные бои дали немцам крошечную часть Польши на левом берегу Вислы. Россия завладела куда большим. В Восточной Пруссии — русские снова у Мазурских озер. На южное крыло фронта лучше не смотреть. Русские армии, взяв Галицию, — у Карпат. На Кавказском фронте турок бьют. В отличие от Франции Россия как начала, так и воюет в основном на чужой территории. В итоге 1914 года начертание фронта для нее улучшилось.

Стают снега, просохнет земля, и русская армия снова двинется на запад, на жизненные центры Германии, а Австро-Венгрия уже под ударом.

Германские штабы единодушны — решение нужно искать на востоке, сокрушив русский колосс. В противном случае неизбежен прорыв Юго-Западного фронта через Карпаты — и конец Австро-Венгрии не за горами. Начальник германского генерального штаба Фалькенгайн считал: «Относительно состояния союзных войск возникли серьезные сомнения, насколько их фронт вообще может быть прочен без сильной немецкой поддержки. ...Надо было переходить к немедленной и непосредственной поддержке Карпатского фронта... Вот почему с болью в сердце начальник генерального штаба должен был решиться на использование на востоке молодых корпусов — единственного к тому моменту общего резерва... Такое решение знаменовало собою от-

каз, и притом уже на долгое время, от всяких активных предприятий крупного размаха на западе».

Восточный фронт, с августа 1914 года непрерывно оттягивавший войска с Западного, с начала 1915 года превратился в исполинский магнит, притянувший к себе громадные силы. Против России в Восточную Пруссию ушел тот единственный резерв, о котором писал Фалькенгайн, — четыре новых корпуса. Поредел и Западный фронт, все новые и новые дивизии отправлялись на восток. В конце 1914 года русский военный агент во Франции А. А. Игнатьев сообщает особенно тревожную весть: идет «переброска сил на Восточный фронт. По многим признакам, немцы сняли с фронта бо̀льшую часть тяжелой артиллерии».

Германские генералы не опасались за последствия на западе. Спокойствие, воцарившееся там, замечает Н. Н. Головин, «наводило немцев на мысль, что французское и британское главнокомандование окажутся более эгоистичными, чем русское, что армии наших союзников не проявят такого же жертвенного порыва для того, чтобы оттянуть на себя германские силы, как это сделала русская армия в кампанию 1914 года, что помощь союзников ограничится формулой «постольку поскольку», а при таких условиях немцы смогут спокойно навалиться всеми силами на Россию». Руководители Германии сочли, что в 1915 году они смогут выбить Россию из войны. «Поставить на колени», — процедил Гинденбург.

Было решено осуществить гигантский охват всего русского фронта от Балтийского моря до Карпат — ударные группировки сосредоточились в Восточной Пруссии и у Карпат. Австрийцы торопили скорее деблокировать Перемышль. Фалькенгайн все же с определенными опасениями смотрел в будущее. Что бы ни говорили Гинденбург и Людендорф, заручившиеся могучими союзниками в Берлине, начальник германского генерального штаба полагал, что исход «оставался совершенно туманным. Опыт Наполеона не вызывал на подражание его примеру».

День и ночь в Восточной Германии и к востоку от Вены стучали колеса — сотни и сотни эшелонов везли к русскому фронту войска и боевую технику. Хотя точные намерения врага не могли быть известны, общий замысел сомнений не вызывал — Россию ожидал бе-

шеный натиск. Размеры нависшей угрозы были реалистически оценены верховным главнокомандующим, который в директиве фронтам в феврале 1915 года совершенно справедливо указал: «К сожалению, мы в настоящее время ни по средствам, ни по состоянию наших армий не можем предпринять решительного общего контрманевра, которым мы могли бы вырвать инициативу из рук противника и нанести ему поражение в одном из наиболее выгодных для нас направлений. Единственным способом действий, подсказываемым обстановкой, является ослабление до крайнего предела войск левого берега р. Вислы, с целью частыми контрманеврами на правом берегу Вислы и в Карпатах, по выбору главнокомандующих фронтами, остановить противника в развитии им наступательных действий и нанести ему хотя бы частичные поражения».

В высшей степени компетентное заключение, однако, не оказало надлежащего влияния ни на работу самой ставки, ни на командование обоих русских фронтов. Как Иванов, так и Рузский давно разглядели, что за импозантной наружностью двухметрового великого князя и внешней жесткостью его обращения крылась нерешительность, вера в то, что некая высшая сила творит дела человеческие. Как замечал С. Ю. Витте, знавший Николая Николаевича еще до войны, он был «вообще мистически тронут... постоянно занимался шарлатанами мистицизма... Он натворил и, вероятно, еще натворит много бед России». Весной 1915 года случай для этого представился — великий князь не пресек стратегического праздномыслия как в собственной ставке, так и в штабах фронтов.

Генерал-квартирмейстер ставки «черный» Данилов сочинил план — идти на Берлин. Хотя армия была потрепана, выявилась нехватка винтовок и снарядов, Данилов самоуверенно считал, что марш на Берлин возможен. Иванов и Рузский горячо согласились с ним, но с не меньшим пылом, на котором лежала печать местничества, стали отстаивать собственные варианты. Упрямец Иванов, опираясь на советы своего начальника штаба, очень неглупого, хотя и склонного к колебаниям Алексеева, доказывал, что «путь на Берлин лежит через Вену». Громогласные настояния Иванова и заслуженная репутация Алексеева как стратега сделали свое дело — ставка разрешила им, уже нацелившимся на

Карпаты, идти через горы на Венгерскую равнину. А пылкий Рузский, вызвав из небытия тени самсоновских солдат, добился согласия ставки на то, что овладение Восточной Пруссией совершенно обязательно для обеспечения правого фланга и следственно — победоносного шествия на Берлин.

Вместо того чтобы зарыться в землю, разумно использовать ресурсы для отражения германо-австрийского нашествия, русские генералы с величайшим воодушевлением окунулись в подготовку наступления на флангах фронта как раз в тех местах, где сосредоточились ударные группировки врага. Результаты безалаберщины должен был исправлять героический русский солдат, проявивший чудеса храбрости, оправдав самые черные опасения Фалькенгайна.

* * *

7—8 февраля, Восточная Пруссия. Ревут орудия, немцы идут на двусторонний охват 10-й русской армии, стоявшей на 170-километровом фронте перед Мазурскими озерами. Гинденбург надеется развить его в глубокий прорыв. В занесенных снегами лесах, на безымянных высотах и глухих болотах вспыхнули жестокие бои. Армия в относительном порядке отошла, немцам удалось отрезать в Августовских лесах только XX русский корпус. Русское командование попыталось вызволить попавшие в беду войска, но из-за ошибок в управлении это не удалось.

Воины XX корпуса десять дней бились в лесах. Они приковали к себе силы, которые немцы намечали для развития наступления и своим стойким сопротивлением сорвали его. Но корпусу пришлось испить горькую чашу до дна. Потеряв надежду на выручку извне, XX корпус попытался вырваться из кольца и выйти к Гродно. Остатки корпуса, расстреляв все патроны и снаряды, 15 февраля 1915 года бросились в последнюю отчаянную атаку буквально с голыми руками. На узком участке прорыва волна русских солдат, сбив пехоту противника, докатилась до огневых позиций немецких батарей. Бойцы XX корпуса падали чуть ли не у колес вражеских орудий.

Корпус нашел гибель в Августовских лесах. Германский генерал, руководивший боем, обратился к кучке

израненных и контуженных русских офицеров, затащенных в плен: «Все, возможное в человеческих руках, вы, господа, сделали: ведь, несмотря на то, что вы были окружены (руками он показал полный охват), вы все-таки ринулись в атаку, навстречу смерти. Преклоняюсь, господа русские, перед вашим мужеством». И отдал честь.

Известный тогда немецкий военный корреспондент Р. Брандт писал 2 марта 1915 года в «Шлезише фолькцайтунг»: «Честь XX корпуса была спасена, и цена этого спасения — 7000 убитых, которые пали в атаке в один день битвы на пространстве 2 километров, найдя здесь геройскую смерть! Попытка прорваться была полнейшее безумие, но святое безумие — геройство, которое показало русского воина в полном его свете, которого мы знаем со времен Скобелева, времен штурма Плевны, битв на Кавказе и штурма Варшавы! Русский солдат умеет сражаться очень хорошо, он переносит всякие лишения и способен быть стойким, даже если неминуема при этом и верная смерть!»

Бои в Восточной Пруссии с августа 1914 года до ранней весны 1915 года, когда русские войска были в третий и последний раз вытеснены отсюда, отличались невиданным упорством. Немцы ожесточенно дрались в обороне и не считались с потерями в наступлениях. «Восточная Пруссия далась русскому солдату нелегко, — писал очевидец журналист В. В. Муйжель. — Если на войне каждая пядь пройденной земли полита кровью, то в Восточной Пруссии эта кровь лилась широкой и страшной рекой. Упорство врага — упорство, победа над которым венчает неувядаемой славой русское войско, — поставило вопрос о занятии Восточной Пруссии едва ли не на почву личного дела каждого участвовавшего в этом кровавом шествии».

Уходя в феврале — марте 1915 года из Восточной Пруссии, русские оставляли бесчисленные дорогие могилы. Струганые белые кресты, торопливые надписи химическим карандашом: «Здесь погребено столько-то нижних чинов и столько-то офицеров N-ского пехотного полка. До скорой встречи, товарищи!» Писавшие трезво смотрели на свою судьбу. Многие из них скоро тоже отошли в братские могилы.

Восточная Пруссия познакомила русские войска с коварством врага. Муйжель рассказывал, что офицеры

делали все возможное, чтобы не утеснять мирных жителей. Русские действовали в районах, где многие годы готовились к войне. Среди жителей была развернута агентурная сеть, устроены скрытые телефонные линии. А когда русским пришлось отходить, в спину отступавшим били пулеметы, укрытые в домах «мирных» жителей, где задолго до войны были залиты цементные площадки. Восточная Пруссия вполне оправдала свою репутацию осиного гнезда военщины.

Русские уходили из Восточной Пруссии, подавленные превосходством врага, особенно в артиллерии. «На одну «очередь» нашей батареи, — писал офицер, участник тех трагических боев, — немцы отвечают десятью: шрапнелью и гранатами по нашим окопам, а «чемоданами» по резервам и штабам. Но иногда тяжелый снаряд попадал и к нам... Я никогда в жизни не забуду впечатления от разрыва этих «чемоданов». Сидишь в этом грязном, холодном окопе. Слышишь где-то у немцев тупой звук далекого выстрела, потом ухо улавливает звук приближающегося снаряда, режущий воздух и хрипящий звук «хрр-о-о», где-то высоко в небе все увеличивающийся, ближе, ближе и все ниже!.. На мгновение этот звук замирает... с ним вместе замирает наш слух и наше дыхание... и затем: «Тра-а-ах!» — взрыв. Трясется земля! Дух захватывает от сотрясения воздуха! Видишь огромный столб земли, дыма и огня, высоко поднявшийся к небу, разрушивший все, что было живого и неживого на месте взрыва... Впечатление от рук, ног и прочих частей человеческого тела, разбросанных после взрыва этого снаряда, невыносимо для человека, оставшегося в живых. Душу раздирающие крики и стоны тяжело раненных снарядом людей завершают его страшный эффект!»

Израсходовав людские резервы и материальные средства, германское командование было вынуждено констатировать, что его оперативные предположения сорваны в самом начале — русский фронт был отодвинут, но нигде не прорван. Больше того, оправившись, Северо-Западный фронт контратаковал с величайшей энергией. Гвардия отбросила немцев к Августовским лесам, а у Нарева сибирские дивизии снова взяли Прасныш, захватив до десяти тысяч пленными. Сильнейшие атаки врага против русской крепости Осовец были отбиты с исключительно тяжелыми потерями блокадного гер-

манского корпуса. Безрезультатные штурмы фортов Осовца посеяли у врага глубокое уныние, опрокинув уже сложившееся представление о том, что крепости в эту войну берутся в несколько дней. Осовец, как несокрушимый бастион, стоял на пути врага более полугода.

С глубоким отчаянием Фалькенгайн подводил итоги: «Немецкие силы дошли до пределов боеспособности. При своем состоянии... они не могли уже сломить сопротивления скоро и искусно брошенных им навстречу подкреплений». Фронт снова стабилизировался, Алексеев, назначенный сюда командующим вместо Рузского, деятельно крепил оборону. Как русское, так и германское командование были вынуждены признать, что их планы не удались. В результате этих боев, отмечает А. Зайончковский, «больше всех оказались в выигрыше французы и англичане, так как отвлечение на Восточный фронт 4 германских корпусов явилось крайне благоприятным фактором для Антанты. Подготовлявшийся против нее удар был отведен на русскую сторону. Англичане получили время для работ по дальнейшему развитию своих вооруженных сил, а французы могли заняться накоплением крупных артиллерийских запасов для будущих операций».

В январе—марте австрийцы, кладя дивизию за дивизией, пытались снять блокаду с Перемышля. Наступая по пояс в снегу, враг нажимал от Карпат — комендант Перемышля доносил по радио об истощении запасов крепости. Все было тщетно. 8-я армия Брусилова, отбив натиск, в свою очередь, перешла в наступление и медленно, но верно, преодолевая чудовищные трудности, стала подниматься к перевалам.

22 марта 1915 года по всему миру разнеслась весть — Перемышль пал! В плен пошли 9 генералов, 2500 офицеров, 120 тысяч солдат, было взято 900 орудий. Антанта еще не знала таких побед. Главнокомандующий французской армией Жоффр поспешил отпраздновать ее, распорядившись выдать всем чинам от солдата до генерала по стакану красного вина.

На обращения русских, когда же западные союзники помогут русской армии, Жоффр, как обычно насупив брови, изрек: «Мы их скоблим понемногу и тем препятствуем переброскам германских сил на ваш фронт. Поверьте, я чувствую, сколь дорого обходится

русскому народу эта война, но я опасаюсь, что вы не в состоянии оценить значение тех потерь, которые мы сами несем. Мы теряем в этих боях цвет нации, и я вижу, как после войны мы очутимся в отношении национальной культуры перед огромной пропастью (он подкрепил последние слова жестом своих толстых рук). И не знаю, чем эта пропасть будет восполнена. Что будут представлять собой новые поколения?»

Посему Жоффр озаботился, чтобы тогдашнее поколение сначала как следует вооружилось и подготовилось и только потом ринулось на «гуннов» — немцев. Генерал Иванов сразу хотел собрать дивиденды с победы у Перемышля. Осаждавшие крепость войска были брошены в Карпаты, дабы наконец выйти на Венгерскую равнину и устремиться к Будапешту. Далее рисовались самые заманчивые перспективы — обход всей линии Краков, Познань, Торн. Ставка, естественно, с радостью согласилась.

Перевалить Карпаты русские войска могли. Понукаемые Ивановым, они к середине апреля овладели перевалами на Бескидском хребте. Чем дальше 8-я армия втягивалась в Карпаты, тем большая тревога охватывала Брусилова. Его сосед справа — 3-я армия уже с февраля сообщала о грозных признаках подготовки сильнейшего наступления врага. Разведка доносила о том, что против X корпуса 3-й армии у Горлице встают на позиции бесчисленные тяжелые батареи. Парки в тылу забиты снарядами. Враг боялся, не мог и не смел допустить русского прорыва крупными силами через Карпаты.

Болея за свою армию, Брусилов понимал, что случится с ней и соседом справа в результате неминуемого наступления врага у Горлице в тыл всему Карпатскому фронту: «Так как, невзирая на его (командующего 3-й армией) требования, ему подкрепления не посылались, а у него резервов не было, то нетрудно было предвидеть, что его разобьют и моя армия, спустившись в Венгерскую равнину без огнестрельных припасов, должна будет положить оружие или погибнуть. Поэтому я только делал вид, что хочу перейти Карпаты... Я не стал добиваться дальнейших успехов на моем фронте, наблюдая лишь за тем, чтобы держаться на своих местах с возможно меньшими потерями. Я об этом своем решении не доносил и войскам не объяв-

лял, но выполнял этот план действий как наиболее целесообразный при данной обстановке».

Собиралась страшная гроза, а ставка разбиралась в происходившем на горизонте не лучше, чем слепой в красках. Она пребывала в сладостном ожидании: вот-вот Брусилов доложит о том, что христолюбивое воинство за Карпатами!

Только истонченная линия X корпуса в несовершенных окопах отделяла их мечты от катастрофы.

* * *

11-я германская армия под командованием Макензена была специально создана для прорыва у Горлице. В нее вошли три ударных германских корпуса, взятых с французского фронта, не считая австрийских частей. Фалькенгайн гордился тем, что в армию «были назначены многочисленные офицеры, точно усвоившие на Западном фронте наиболее яркие из новых приемов войны». План наступления, утвержденный кайзером, предусматривал таранный удар — задавить русских артиллерией и заставить уйти из Галиции. Только на фронте X корпуса, на который обрушился главный удар немцев, враг выставил 50 тяжелых батарей, не считая многих сотен полевых. А во всей 3-й армии, состоявшей из семи корпусов и державшей фронт в 200 километров, было четыре тяжелых орудия! 1 мая на тридцатипятикилометровом участке прорыва у Горлице германская артиллерия открыла ураганный огонь.

Германские войска наползали на русские позиции. Их тяжелая артиллерия находилась вне пределов огня нашей полковой и дивизионной артиллерии. Вражеские батареи с безопасной дистанции методически разрушали первые линии траншей. Когда воронки, перекрывая друг друга, превращали позиции в страшное месиво, немецкая пехота совершала осторожный бросок и с лихорадочной поспешностью закреплялась. Следовала неизбежная русская контратака, ее отбивали сравнительно легко, немецкая тяжелая артиллерия придвигалась на несколько километров, и все начиналось сначала. Русские полки снова терзал огненный ураган.

Отвечать было нечем — у пушкарей 3-й армии было не больше 5—10 снарядов в день на орудие, этого было

трагически мало. Кайзеровские генералы не жалели стали, русские — людей.

Случился горлицкий прорыв. То были неописуемо тяжелые дни для нашей армии. Массами гибли солдаты, надламывалась психика уцелевших. В кромешном аду безысходного отступления русская армия попятилась, но не дрогнула, управление не было утрачено. Войска безоговорочно повиновались командирам, но поредевшие взводы, роты, а иногда и батальоны вели безусые прапорщики и подпоручики, уже в 15-м году заместившие выбитых кадровых офицеров, их на полк теперь приходилось пять-шесть человек. Зеленая молодежь, вчерашние гимназисты, реалисты, семинаристы с бездумной отвагой стремились подражать павшим или искалеченным старшим товарищам.

Подчиненные... В ротах по четыре-шесть солдат старого состава, унтер-офицеры — зеленые выпускники полковых учебных команд. Юные командиры как могли организовывали контратаки. Они понаслышались, что в бой пристойно идти с сигарой во рту, тупой шашкой, подозрительно смахивающей на театральный реквизит, если есть — в белых перчатках и только впереди нижних чинов. В прекрасные дни мая, задыхаясь от отвратительной вони мелинита и дешевого табака — многие на фронте впервые взяли в рот папиросу, юноши в хаки вели толпы солдат в сплошную черную стену разрывов. Вытягивая мальчишечьи шеи, они что-то кричали, наверное очень воинственное, слова не были слышны в грохоте и визге снарядов. Роты и батальоны безвозвратно исчезали в кромешном мраке смертоносной стены.

Для грамотного военного этот наивный героизм был сущей нелепицей. Сердца профессионалов закрыты эмоциям, их обескураживал не ужас происходившего, а понимание бессмыслицы массового избиения недостаточно обученного личного состава. Генерал А. А. Брусилов не видел возможности остановить отступление перед лицом технически превосходящего врага, больше того, «за год войны обученная, регулярная армия исчезла; ее заменила армия, состоявшая из неучей. Только высокие боевые качества начальствующего персонала, личное самопожертвование и пример начальников могли заставить такие войска сражаться и жертвовать собой во имя любви к родине и славы ее. Более,

чем в каких-либо других войсках, в данном случае можно было сказать: «Каков поп, таков и приход». Впрочем, в тех жутких контратаках среди солдатских гимнастерок мелькали черные фигуры — полковые батюшки, подоткнув рясы, в грубых сапогах шли с воинами, ободряя робких простым евангельским словом и поведением... Они навсегда остались там, на полях Галиции, не разлучившись с паствой.

Ставка и командование фронтом приказывали ни в коем случае не отрываться от противника. В результате 15 дней по нашим войскам молотила тяжелая артиллерия. Неповоротливое русское командование, вместо того чтобы приказать отскочить от Горлице и планомерно занять подготовленный рубеж, стремилось подпирать трещавший и выгибавшийся фронт. Подкрепления давались по частям по мере подхода и расходовались в бессчетных контратаках. Даже не было сделано попытки нанести удары по флангам группировки Макензена, таранившей русский фронт.

При абсолютном превосходстве врага в тяжелой артиллерии и жесточайшем снарядном голоде у русских немцы, устилая путь трупами, неумолимо ползли на восток. 3 июня оставлен Перемышль, 22 июня — Львов. Русские армии откатывались к границам России. За два месяца осталась позади Галиция. Техническое превосходство врага подавляло. В разгар этого горестного сражения в русских войсках обнаружилась постыдная нехватка всего — винтовок, чтобы вооружить пополнение, сапог, чтобы обуть солдат.

Поражения оскорбили и озлобили армию, виновников не надо было разыскивать, их имена были на устах — придворная камарилья, высший генералитет, оказавшиеся неспособными обеспечить войска. Оставшиеся в живых рядовые и офицеры-фронтовики знали, что они до конца исполнили свой долг. Людендорф сквозь зубы признал: «Фронтальное оттеснение русских в Галиции, как оно бы ни было для них чувствительно, не имело решающего значения для войны... К тому же при этих фронтальных боях наши потери являлись немаловажными». За это русские заплатили чрезмерную цену. Благостная бездарность высшего командования била в глаза.

Трезвые военачальники царской армии, знавшие о

том, что происходит в ставке, понимали, что причина поражений не на фронте. Как заметил А. А. Брусилов в своих «Воспоминаниях» о событиях 1915 года: «Повторяю: я славы не искал, но, проливая тогда солдатскую кровь во имя родины, теперь я имею право желать, чтобы хотя бы история достойно оценила моих самоотверженных героев — солдат и офицеров. В память погибших воинов я пишу эти строки, а не для прославления своего имени. Мир праху дорогих усопших боевых товарищей! Мне было обидно за мою дорогую армию...»

Тягостные известия о неудачах кругами пошли по необъятной стране. Вести из Галиции были вдвойне обидны, именно здесь в 1914 году побеждал русский солдат. 11 июня 1915 года французский посол Палеолог записывает: «В течение последних нескольких дней Москва волновалась, серьезные беспорядки возникли вчера и продолжаются сегодня. Движение приняло такие размеры, что пришлось прибегнуть к вооруженной силе. На знаменитой Красной площади, видевшей столько исторических сцен, толпа бранила царских особ, требуя пострижения императрицы в монахини, отречения императора, повешения Распутина и пр.».

Фронтовые неудачи болезненно ударили по моральному духу всей армии. С пугающей очевидностью отступление доносило до сознания миллионов, что идет война, невиданная в истории. Успех в ней приносит не героизм воина, а превосходство в материальных орудиях ведения вооруженной борьбы. Царизм в своих целях бросает на смерть русский народ. Люди, еще вчера рвавшиеся в бой, начинали прозревать, понимая бессмысленность происходившего. А. М. Василевский, к лету 1915 года получивший по собственному горячему желанию вместо рясы священника (он экстерном окончил семинарию) погоны прапорщика, находился в запасном батальоне в уездном городе Ростове Ярославской губернии. Он, стремившийся поскорее схватиться с врагом, был поражен настроениями офицеров, которых в батальоне насчитывалось около сотни.

Пришло предписание назначить командира маршевой роты. «Собрали всех офицеров, — пишет А. М. Василевский, — и предложили всем желающим отправиться на фронт назвать свои фамилии. Я пылал от

нетерпения сражаться, но претендовать на столь высокий пост не мог и молча ожидал, что вот сейчас в ответ на предложение поднимется лес рук, а прежде всего со стороны офицеров, ранее нас прибывших в батальон. К великому моему удивлению, несмотря на неоднократные обращения командира батальона к «господам офицерам», ничего подобного не произошло. В зале воцарилась мертвая тишина. После довольно резких упреков в адрес подчиненных старик полковник сказал: «Ведь вы же офицеры русской армии. Кто же будет защищать родину?» По-прежнему молчание. Со слезами на глазах комбат приказал адъютанту приступить к отбору командира роты путем жребия. Сгорая от стыда за себя и за всех находившихся в зале офицеров, я и еще несколько человек, имевших звание прапорщика, заявили о своей готовности».

Потрясение, которое испытал молодой А. М. Василевский, понятно: уже тогда «запали мне в сердце» теории Драгомирова, учившего, как известно, что на войне главное — человек и дух его, а материя и техника лишь нечто второстепенное. Теперь «решающее значение нравственного фактора», — пишет Василевский, — рассыпалось у него, прапорщика, на глазах. С сокрушенным сердцем он отправился на фронт, «однако верность этим принципам (Драгомирова) навсегда осталась у меня неизменной», — рассказал Маршал Советского Союза Василевский в воспоминаниях «Путь в Коммунистическую партию» («Вопросы истории», 1968, № 8), в которую вступил в 1938 году.

* * *

«Снарядов! Снарядов!! Снарядов!!» — несся вопль с фронтов.

«Немцы вспахивают поля сражений градом металла и ровняют с землей окопы и сооружения, заваливая их защитников землей. Они тратят металл, мы — человеческую жизнь! Они идут вперед, окрыленные успехом, и потому дерзают, мы ценою тяжких потерь и пролитой крови лишь отбиваемся и отходим. Это крайне неблагоприятно действует на состояние духа у всех», — сообщает военному министру командир XXIX корпуса Зуев.

На фронте по-прежнему бушевал огненный смерч

германской артиллерии. Жуткие вести разносили те, кто испытал таран Макензена, — дорогу его войскам прокладывали сотни орудий, в том числе 210- и 305-мм гаубицы. Тонные снаряды по мелким окопам! С военной точки зрения крупный «перебор» — вывезти в поле сверхтяжелые калибры. Скрытый смысл заключался разве в том, что Фалькенгайн как мог берег ударные войска, наступали лучшие из лучших германских корпусов — гвардейский, X армейский и XLI резервный, покрывшие себя славой на Западном фронте.

Но почему русская армия вдруг оказалась без снарядов, не хватало винтовок и сапог? Только недостатками в снабжении боевыми и иными видами довольствия фронты объясняли отступление. Выправить их, и тогда дело пойдет на лад — такая точка зрения господствовала в русских штабах. Царь выругался: «Все мерзавцы кругом! Сапог нет, ружей нет — наступать надо, а наступать нельзя».

В Могилеве, куда перебралась ставка, Николай Николаевич бесновался. Вызвав к себе одного из руководителей министерства торговли и промышленности, он разложил перед ним огромную, занявшую весь стол ведомость и заявил: «Здесь показано, что в таком-то месяце я должен получить столько-то снарядов, а в таком-то столько-то. Расписано на целый год. На бумаге все хорошо, а на самом деле никаких снарядов я не получаю. Скажу вам откровенно, в этих расчетах я ничего не понимаю. Приказал подать объяснительную записку. Ну, написали, но я опять ничего не понял. Понял лишь следующее: они или сами ничего не знают, или нагло врут, обманывают. Разберитесь, в чем дело».

Тот разобрался, указав причину (как увидим дальше только одну) — с началом войны Сухомлинов заключил договор с американскими промышленниками о поставке снарядов. Установленные сроки они не выдержали, так как не учли, что до начала производства снарядов необходимо переоборудовать предприятия. «Тяжесть этого легкомыслия, если только можно назвать это легкомыслием, усугублялась тем, что одновременно с заключением договора Сухомлинов предоставил американцам огромный аванс в золоте. Благодаря этому если бы мы стали нажимать на американских промышленников с целью ускорения поставки снарядов, то добились бы того только, что они разорвали бы

договор, ибо золотой аванс с лихвой покрывал все их расходы».

На фронте гибли солдаты, а буржуазию охватила волна радости — режим предстанет виновником бед, обрушившихся на Россию, пора выходить на авансцену «спасительницей» народа со всеми вытекающими для нее последствиями. Начинает вырабатываться ее тактика непомерного преувеличения несчастий на фронте и выпячивания собственной роли радетельницы народного блага. Нехватка всего на фронте служила удобнейшим поводом проливать слезы и выражать самые прекрасные намерения.

Председатель Думы Родзянко, прозванный за внешний вид «самоваром», а за зычный голос — «барабаном», отправился в Могилев, где обратился к Николаю Николаевичу:

— Ваше высочество, как же так, нельзя же палками драться!

Последовал ответ вполне в стиле великого князя:

— Я должен сказать одно: я верующий человек, и мне остается надеяться на милость божью. У меня нет винтовок, нет снарядов, нет сапог, и я к вам, как верховный главнокомандующий, предъявляю требование как к председателю Государственной думы — поезжайте в Петроград и обуйте мне армию, я не могу этого видеть, войска не могут сражаться босыми.

Родзянко заполучил письменную просьбу ставки и поспешил в Петроград. «Свой план действий я расположил так, — говорил он, — что, если удастся общественное мнение вытащить на сапогах, тогда половина дела сделана; к этому пристегнутся и винтовки и снаряды». До обеспечения всем этим было еще далеко, но Родзянко получил возможность пока поднять страшный шум — армия пошла на поклон не к правительству, а к «общественности», то есть буржуазии.

Поднявшуюся кампанию, сосредоточившуюся на Сухомлинове, двор не мог игнорировать. Определенно нужен был козел отпущения. Сухомлинов еще сделал фатальную ошибку, выразив недовольство Распутиным и обозвав его «скотиной». Распутин поклялся «сокрушить» военного министра.

25 июня 1915 года во время заседания совета министров фельдъегерь вручил Сухомлинову личное письмо царя, повелевавшее министру сдать должность. Ни-

колай II присовокупил: «Сколько лет проработали мы вместе, никогда недоразумений у нас не было. Благодарю вас сердечно за вашу работу и те силы, которые вы положили на пользу и устройство русской армии. Беспристрастная история вынесет свой приговор, более снисходительный, нежели осуждение современников». Современники, собравшиеся в конце июля 1915 года на четвертую сессию Государственной думы, жаждали министерской крови. В закрытом заседании 345 голосами из 375 Дума предложила правительству предать Сухомлинова суду. Пошло следствие, и в мае 1916 года Сухомлинов был заключен в Петропавловскую крепость.

Уход министра не смягчил страстей. В. В. Шульгин, свидетель и участник происходившего, рассказывал автору о настроениях в те дни. «Ужасный счет, по которому каждый выведенный из строя противник обходился нам за счет гибели двух солдат, показывает, как щедро расходовалось русское пушечное мясо. Один этот счет — приговор правительству и его военному министру. Приговор в настоящем и будущем. Приговор всем нам, всему правящему и неправящему классу, всей интеллигенции, которая жила беспечно, не обращая внимания на то, как безнадежно в смысле материальной культуры Россия отстала от соседей.

То, что мы умели только петь, танцевать, писать стихи в нашей стране, теперь окупалось миллионами русских жизней. Мы не хотели и не могли быть «эдисонами», мы презирали материальную культуру. Гораздо веселее было создавать мировую литературу, трансцендентальный балет и анархические теории. Но зато теперь пришла расплата. «Ты все пела... Так поди же попляши». И вот мы плясали «последнее танго» на гребне окопов, забитых трупами».

Статистика: в самом начале войны срединные империи выставили на русский фронт 42 пехотные и 13 кавалерийских дивизий. Против Франции — 80 пехотных и 10 кавалерийских дивизий. К осени 1915 года на русском фронте было 116 пехотных и 24 кавалерийские дивизии, на западе стояло 90 пехотных и 1 кавалерийская дивизии. Следовательно, если в начале войны против России действовал 31 процент всех вражеских сил, то спустя год более 50 процентов всей

вооруженной мощи Германии и Австро-Венгрии было сосредоточено на русском фронте. К этому надо добавить еще кавказский театр...

* * *

Штаб Северо-Западного фронта. Командующий М. В. Алексеев в тяжелых раздумьях — перед его глазами катастрофа на юге. Ударившийся в панику Иванов уже думает о сдаче Киева и отводе войск за Днепр. Что сулит завтрашний день Северо-Западному фронту, в который включена часть разбитых на юге войск, среди них тяжко пострадавшая 3-я армия? Таран Макензена превратился в гигантскую клешню, охватывавшую центральную Польшу с юга, вот-вот навстречу ей протянется из Восточной Пруссии вторая. Тогда судьба русских войск между Вислой и Бугом предрешена.

На всем европейском фронте 108 пехотных дивизий, 16 стрелковых бригад и 35 кавалерийских дивизий. По штатам они должны были иметь 1,5 миллиона человек, на деле насчитывается едва 1 миллион бойцов. Что делать?

Алексеев, записывает 8 июня генерал Палицын, «чувствует и, скажу, видит, насколько положение наше при отсутствии средств к борьбе хрупко, он видит и необходимый в наших условиях исход. Гуляя вечером между хлебами, мы в разговоре часто к нему подходим и скоро от него отходим. Мы как-то боимся своих мыслей...». 7 июля: «Вопросы эти требуют заблаговременного решения, они сложны, и последствия этого решения чрезвычайно важны. Дело не в Варшаве и Висле, даже не в Польше, а в армии. Противник знает, у нас нет патронов и снарядов, а мы должны знать, что не скоро их получим, а потому, чтобы сохранить России армию, должны ее вывести отсюда. Массы, к счастью, это не понимают, но в окружающем чувствуется, что назревает что-то неладное. Надежда удержаться нас не оставляет, ибо нет ясного осознания, что пассивное удержание нашего положения само по себе есть одно горе при отсутствии боевого снабжения».

Выбора, собственно, не было — нужно было отводить армию, пока не потеряно время. Контуры катастрофы обозначались достаточно ясно, и она бы разразилась в полном объеме, если бы стратегический ма-

разм не поразил германское верховное командование, а штаб Северо-Западного фронта не сохранил присутствия духа и ясности мышления. Гинденбург, по всей вероятности остро переживая победы Макензена, задумал также отличиться — выдвинуть свои войска в обход Ковно с севера на Вильно, а далее — на Минск. Не вдаваясь в осуществимость этого замысла, все же нельзя не видеть, что планировался очень глубокий охват русского фронта. Фалькенгайн резонно указал, что это не скажется на исходе операции между Бугом и Вислой, то есть не окажет содействия Макензену, который должен был теперь наступать на север. Фалькенгайн потребовал наступать с нижнего Нарева на юг, из района значительно западнее, чем предполагал Гинденбург.

2 июля на совещании в Познани Вильгельм II согласился с Фалькенгайном. Казалось, разногласия при постановке основной идеи операции были преодолены, но Гинденбург и Людендорф, скрепя сердце подчинившись кайзеру, все же не считали Наревское направление главным. Они не оставили плана охватить русский фронт со стороны Немана. Отсюда распыление сил, облегчившее русской армии уход из-под удара.

В конце июня — начале июля немцы двинулись по всему фронту. Развернулось трехмесячное тяжелое сражение. Продвижение Макензена и группы Гальвица, созданной Гинденбургом для наступления с севера, проходило очень медленно, с частыми остановками. Русские войска везде оказывали упорное сопротивление, а штаб Северо-Западного фронта, не терявший управления, планомерно руководил отходом на восток.

В погоне за решающим успехом враг не останавливался перед нарушением законов и обычаев войны, пустив в дело отравляющие газы. Впервые немцы применили химические снаряды на русском фронте еще в январе 1915 года. Командующие поставили вопрос о контрмерах. В начале марта ставка ответила: «Верховный главнокомандующий относится к употреблению (химических) снарядов отрицательно».

Пришло известие о немецких газобаллонных атаках хлором на Западном фронте — в районе Ипра, где погибло пять тысяч человек, и на участке 2-й русской армии, в результате которых умерло свыше тысячи отравленных.

В начале июня ставка обратилась к военному министру: «Верховный главнокомандующий признает, что ввиду полной неразборчивости нашего противника в средствах борьбы единственной мерой воздействия на него является применение и нашей стороной всех средств, употребляемых противником». Хотя последствия газовых атак невероятно преувеличивались, нельзя было допустить, чтобы войска угнетались оружием, которое было только у врага. В России было стремительно развернуто около 200 химических заводов. С осени 1915 года химические команды для выполнения газобаллонных атак стали отправляться на фронт, а с 1916 года армия получает и химические снаряды. Для защиты академик Н. Д. Зелинский создает эффективный угольный противогаз.

Путь германской и австрийской армий, вступивших на территорию России, отмечали убийства мирных жителей и пленных, разнузданный грабеж. С фронта шли сообщения об истязаниях захваченных в плен, выставлении перед собой под обстрел в качестве прикрытия мирных жителей. Даже Людендорф признавал, что германцы отбирали у населения лошадей, скот, продовольствие, бралось все, что попадало под руку. Население прифронтовой полосы знало, что его ждет, тысячи людей снимались с мест и уходили вместе с русскими войсками. Потоки беженцев запрудили дороги, осложняя воинские перевозки. То была народная трагедия, названная современниками емкими, ныне забытыми словами, — Великое Отступление.

В начале августа оставлена Варшава. Без боев очищаются крепости Ивангород, Гродно, Осовец, Брест-Литовск. Алексеев с большим искусством выводит войска на восток. Во время Великого Отступления русское командование совершает, пожалуй, одну крупную ошибку — Алексеев преувеличил возможности сопротивления Новогеоргиевска. Обложенная неприятелем крепость пала 19 августа после десятидневной осады, немцы взяли в плен около 80 тысяч человек. Прискорбной неожиданностью явилась необоснованная сдача трусливым комендантом крепости Ковно 22 августа. В результате Алексеев не смог осуществить подготовленный контрудар и был вынужден оттянуть правое крыло фронта. Вероятно, то был единственный случай непредусмотренного отхода за все Великое Отступление.

В кровопролитных схватках русские войска дрались превосходно, но мужество и жертвенность не могли компенсировать все возраставшей нехватки вооружения и боеприпасов. «Трудно на словах передать всю драматичность того положения, в котором оказалась русская армия в кампании 1915 года, — писал Н. Н. Головин. — Только часть бойцов, находящихся на фронте, была вооружена, а остальные ждали смерти своего товарища, чтобы, в свою очередь, взять в руки винтовку. Высшие штабы изощрялись в изобретениях, подчас очень неудачных, только бы как-нибудь выкрутиться из катастрофы. Так, например, в бытность мою генерал-квартирмейстером 9-й армии я помню полученную в августе 1915 года телеграмму штаба Юго-Западного фронта о вооружении части пехотных рот топорами, насаженными на длинные рукоятки. Предполагалось, что эти роты могут быть употребляемы как прикрытие для артиллерии. Фантастичность этого распоряжения, данного из глубокого тыла, была настолько очевидна, что мой командующий, генерал Лечицкий, глубокий знаток солдата, запретил давать дальнейший ход этому распоряжению, считая, что оно лишь подорвет авторитет начальства. Я привожу эту почти анекдотическую попытку ввести «алебардистов» только для того, чтобы охарактеризовать ту атмосферу почти отчаяния, в которой находилась русская армия в кампанию 1915 года».

Потери русских убитыми и ранеными в этот период достигают рекорда — в среднем 235 тысяч человек в месяц против 140 тысяч за всю войну. Великое Отступление обошлось русской армии в 1 миллион 410 тысяч убитых и раненых. Учет, кто погиб, был труден, а зачастую невозможен. Тяжелораненые погибали на оставленных полях сражений или добивались неприятелем. При отступлении части торопливо хоронили своих и «чужих» убитых. Все чаще при отпевании у свежевыкопанных братских могил-рвов звучали скорбные слова священников: «Имена же их ты, господи, веси». Бессчетные солдаты и офицеры гибли только потому, что не были вооружены и обучены, о чем было слишком хорошо известно. Это вызывало понятную горечь и гнев. Смерть настигала без разбора — нижних чинов и тех, кто мог бы рассчитывать на иную судьбу.

Скорбные санитарные поезда развозили по всей Рос-

сии раненых — живое доказательство происходившего на фронте. «Надвигается на нас горе великое, — писала о тех днях легендарная русская певица Н. В. Плевицкая. — Вот оно грянуло, содрогнулась земля, и полилась кровь. Не стану описывать того, что знает каждый, а я сбросила с себя шелка, наряды, надела серое ситцевое платье и белую косынку. Знаний у меня не было, и понесла я воину-страдальцу одну любовь. ...Лежит передо мной изувеченный неизвестный человек, и никаких чинов-орденов у него нет. Он, видишь ты, не герой, а свою жизнь отдает отечеству одинаково со всеми главнокомандующими и героями. Только солдат отдает свою жизнь очень дешево, иногда и по ошибке того же главнокомандующего». Плевицкая не претендовала на обобщения. Несмотря на неслыханную славу в те годы, она осталась простой русской женщиной из Курской губернии...

Ненависть к режиму за его ведение войны пронизывала все общество. В годину тяжких испытаний взоры многих, естественно, обратились к союзникам. В мае—июне русское верховное главнокомандование обратилось с официальными просьбами открыть наступление на западе, чтобы снять невыносимое бремя на Восточном фронте. 7 июля 1915 года в Шантильи собрался первый за войну межсоюзнический военный совет, где совещались представители Франции, Англии, России, Бельгии, Сербии и Италии, вступившей в войну на стороне Антанты в мае 1915 года. Русский военный агент во Франции Игнатьев просил нанести «решительный удар» на западе, пока Германия скована на востоке. Услышав слово «решительный», Жоффр нахмурился и объяснил, что при обозначившемся размахе войны самые блестящие успехи не приводят к решительным результатам, размеры военных усилий зависят от итогов работы промышленности. На совете постановили, что на западе будут предприниматься «локализованные действия», большое наступление откроется по накоплении запасов снарядов и пополнении артиллерии.

Частные наступательные операции на Западном фронте летом 1915 года немцы без труда отбили, справедливо расценивая их как отвлекающие. Обещанное большое наступление началось в самом конце сентября в Артуа и Шампани, где немцы были ближе всего к

Парижу. В бой пошли 53 французские и 14 английских дивизий при поддержке 5 тысяч орудий. Только французы израсходовали на артиллерийскую подготовку 3 миллиона снарядов. Итог — продвижение за две недели на 10—15 километров, атакующие, понеся большие потери, уткнулись во вторую полосу германской обороны и остановились. Позиционное сидение на западе возобновилось.

Игнатьев заметил: «Некоторым утешением для русской армии могло явиться только обнаружение на французском фронте германских гвардейского и X корпусов, вернувшихся из России в самом плачевном, обтрепанном виде». Они были переброшены вместе с другими соединениями из Белостока в Шампань за трое с половиной суток. Но было уже поздно — уход германских войск на запад совершился тогда, когда кампания 1915 года на Восточном фронте подошла к концу.

Доверие к союзникам было подорвано. Стала крылатой в русской армии фраза: «Союзники решили вести войну до последней капли крови русского солдата». Английский военный представитель генерал Нокс осенью 1915 года записывает разговор с генерал-квартирмейстером штаба Западного фронта Лебедевым: «Разговор коснулся доли тягот, выпавших на долю каждого из союзников, и маленький Лебедев, горячий патриот, увлекся вовсю. Он сказал, что история осудит Англию и Францию за то, что они месяцами таились, как зайцы в своих норах, свалив всю тяжесть на Россию. Я, конечно, спорил с ним... Лебедев ответил, что Англия делает много, но она не делает всего, что могла бы делать. Россия же ничего не бережет и все отдает: что может быть дороже ей, чем жизнь ее сынов? Но она широко ими жертвует. Англия же широко дает деньги, а людей своих бережет... Он сказал: «Мы же продолжаем войну. Мы отдаем все. Думаете, что нам легко видеть длинные колонны населения, убегающего перед вторгающимися немцами? Мы прекрасно сознаем, что дети на этих повозках не доживут до весны». Что мог я ответить на это, ибо знал, что многое из сказанного Лебедевым правда. Я говорил, что мог. Я надеюсь только, что говорил не глупее, чем некоторые из наших государственных деятелей на беседах, на которых я присутствовал».

Слов утешения и ободрения со стороны союзников

Россия в то время слышала много. Цену их сами западные деятели указали по понятным причинам много спустя, после окончания войны. В своих мемуарах Дэвид Ллойд Джордж задним числом написал: «Когда летом 1915 года русские армии были потрясены и сокрушены артиллерийским превосходством Германии и не были в состоянии оказывать какое-нибудь сопротивление вследствие недостатка винтовок и патронов, французы копили свои снаряды, как будто это были золотые франки, и с гордостью указывали на огромные запасы в резервных складах за линией фронта...

Когда Англия начала по-настоящему производить вооружение и стала давать сотни пушек большого и малого калибра и сотни тысяч снарядов, британские генералы относились к этой продукции так, как если бы готовились к конкурсу или соревнованию, в котором все дело заключалось в том, чтобы британское оборудование было не хуже, а лучше оборудования любого из ее соперников, принимающих участие в этом конкурсе...

Военные руководители в обеих странах, по-видимому, так и не поняли того, что должно было быть их руководящей идеей, что они участвуют в этом предприятии вместе с Россией и что для успеха этого предприятия нужно объединить все ресурсы так, чтобы каждый из участников был поставлен в наиболее благоприятные условия для содействия достижению общих целей...

На каждое предложение относительно вооружения России французские и британские генералы отвечали и в 1914—1915 и в 1916 годах, что им нечего дать и что если они дают что-либо России, то лишь за счет собственных насущных нужд...

Мы предоставили Россию ее собственной судьбе».

К исходу сентября 1915 года 1300-километровый Восточный фронт стабилизировался по линии Рига, Двинск, Пинск, Черновицы. Были оставлены Польша, часть Литвы, очищена Галиция. Враг, хотя и углубился в пределы России, был истощен. В сентябре попытка Гинденбурга пробить фронт и вывести в русский тыл большую массу конницы (Свенцянский прорыв) привела только к новым, неоправданным немецким потерям. На юге в самом конце сентября Брусилов вне-

запным ударом разгромил 4-ю австрийскую армию у Луцка.

Обозревая восточный театр осенью 1915 года, Гинденбург с глубоким разочарованием писал: «Русские вырвались из клещей и добились фронтального отхода в желательном для них направлении». В свою очередь, Фалькенгайн мрачно констатировал: «Выполненные операции не достигли вполне своей цели».

Перед германской и австрийской армиями теперь стояли три русских фронта — Северный, Западный и Юго-Западный. Русские войска, хотя и потерпевшие большой урон, окапывались на новых позициях. Было очевидно, что предстоявшей зимой они смогут создать сильные оборонительные полосы, отдохнуть и пополниться.

Кайзеровская военная пропаганда прибегла к величайшим гиперболам, оценивая итоги 1915 года на Восточном фронте. В книжонке, вышедшей в 1917 году, «Поход Гинденбурга в Россию» немецкий писака Г. Ниманн утверждал: «Итак, после девятимесячной борьбы была достигнута великая цель — самая крупная по численности боевая сила на земле была низвергнута, русская полевая армия разбита. Но в глазах наших врагов поражение потерпели мы, победила же Россия. Вот как выразился лорд Китченер в одной из своих «знаменитых» речей в палате лордов 15 сентября 1915 года:

«В истории этой войны будет мало столь выдающихся эпизодов, как искусное отступление русских на очень длинном фронте во время постоянного бешеного натиска врага, который далеко превосходил не только в числе, но, главным образом, в артиллерии и огнестрельных припасах... Мы видим русскую армию еще и теперь вполне нетронутой».

Действительно, надо обладать английской меркой лжи и нахальства, чтобы утверждать подобное перевирание и искажение фактов. Правда, не все русское войско сдалось в один день, и нельзя не признать его храбрости и отчасти искусного руководства, но все же неопровержимыми результатами немецко-австро-венгерского наступления 1915 года» было очищение Восточной Пруссии и Галиции, занятие ряда русских областей.

Безудержное бахвальство немецкого военного пропагандиста советские военные переводчики (книга

Ниманна вышла на русском языке в 1920 году) прокомментировали: «...и потеря драгоценного 1915 года для решительных успехов на Западном фронте, которые тогда были еще возможны, так как английские армии находились еще в периоде строительства. Гигантская борьба и пятимесячное постепенное отступление русской армии в 1915 году на фронте в полторы тысячи верст потребовали от русской армии, конечно, громадных жертв, но, несомненно, эта борьба на русском фронте была не «великой победой» Гинденбурга, а одним из важнейших звеньев в той цепи событий, которая привела Германию к конечному разгрому. В этом, быть может, главная ошибка Гинденбурга. Его успехи на русском театре вызвали в германском общественном мнении поворот в сторону признания русского фронта — главным театром для действия германских резервов, вопреки первоначальному правильному плану: операции на французском фронте были прерваны, причем германцы не добились во Франции поставленных планом целей войны, и германские резервы были переброшены из Франции в Польшу не для защиты жизненных областей, а для погони за химерой — уничтожения русского военного могущества».

Подлинной стратегической хватки Гинденбург и Людендорф в кампании 1915 года на русском фронте не показали, если не считать, пожалуй, февральской операции, приведшей к гибели русского XX корпуса. Немецкие войска в основном атаковали в лоб, неуклюжие попытки повести наступление на уничтожение, как правило, срывались — либо контрударами, либо своевременными отходами. Как подчеркивали его современники, Гинденбург в 1915 году довольствовался скромным, но обеспеченным успехом — процентом на имеющийся у него капитал в виде превосходного артиллерийского снабжения. Немцы захватили порядочные территории, но в выполнении основной цели — уничтожении русской армии не преуспели, ибо не сумели расстроить Великое Отступление.

* * *

То, что происходило на фронте, оказывало стремительное и все возрастающее влияние на всю страну.

«Поражения, — указывал В. И. Ленин, — расшатали весь старый правительственный механизм и весь старый порядок, озлобили против него все классы населения, ожесточили армию, истребили в громадных размерах ее старый командующий состав, заскорузло-дворянского и особенно гнилого чиновничьего характера, заменили его молодым, свежим, преимущественно буржуазным, разночинским, мелкобуржуазным»[1].

Верные слуги старого режима понимали, что его положение становится непрочным. В августе 1915 года генерал Данилов, хорошо знавший по должности обстановку на фронте, меланхолически просвещает министра иностранных дел Сазонова — возможность конечной победы в войне зависит от двух условий: «чтобы мы не отчаивались и бодро переносили испытания и чтобы у нас не было революции».

Летом 1915 года депутат Думы, ярый монархист Шульгин, вернувшись с фронта в Петроград, поспешил к Милюкову. Шульгин был крайне обеспокоен и раздражен — он собственными глазами видел отступление в Галиции. Собеседники, отнюдь не единомышленники, теперь быстро нашли общий язык.

— Подъем прошел, — заметил Милюков. — Неудачи сделали свое дело. В особенности повлияла причина отступления. И против власти неумелой, не поднявшейся на высоту задачи, сильнейшее раздражение.

— Вы считаете дело серьезным?

— Считаю положение серьезным. И прежде всего надо дать выход этому раздражению. От Думы ждут, чтобы она заклеймила виновников национальной катастрофы. И если не открыть этого клапана в Государственной думе, раздражение вырвется другими путями.

— Я еще не говорил со своими. Но, весьма возможно, в этом вопросе мы будем единомышленниками. Мы, приехавшие с фронта, не намерены щадить правительство...

— Надо, чтобы те люди, которых страна считает виновниками, ушли. Надо, чтобы они были заменены другими.

— Вы хотите ответственного министерства?

— Нет... я бы затруднился формулировать эти требования выражением «ответственное министерство».

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 15.

Пожалуй, для этого мы еще не готовы. Но нечто вроде этого. Не может же, в самом деле, назначенный за полгода до войны совершенно крамольный Горемыкин оставаться главою правительства во время мировой войны. Не может потому, что Иван Логинович органически, и по старости своей, и по заскорузлости, не может стать в уровень с необходимыми требованиями...

— А второе?

— А второе вот что... Если Россия победит, то, очевидно, победит не правительство. Победит вся нация. Поэтому необходимо, чтобы власть доказала, что она, обращаясь к нации за жертвами, в свою очередь, готова жертвовать частью своей власти и своих предрассудков.

— Какие же доказательства?

— Доказательства должны заключаться в известных шагах. Конечно, война не время для коренных реформ, но кое-что можно сделать и теперь. Должно быть как бы вступление на путь свободы. Будем ли мы и в этом согласны?

Шульгин, подумав, согласился. «Этот разговор, — рассказывал он автору, — послужил прологом того, что впоследствии получило название «Прогрессивный блок», объединения в рамках Думы представителей ряда буржуазных партий, заявивших о своей оппозиции правительству. Поводом для складывания блока были прежде всего поражения на фронтах.

По стечению обстоятельств на первых ролях оказался заклятый враг большевиков Милюков. Он понимал опасность революционного взрыва и попытался отвести негодование в безопасные каналы. «Политический смысл (Прогрессивного блока), — отмечал Милюков в «Воспоминаниях», — заключается в последней попытке найти мирный исход из положения, которое становилось все более грозным». Страна стояла на пороге революции, самые рьяные представители буржуазии требовали немедленно взять власть в руки, созвав явочным путем Думу.

На партийной конференции кадетов в июле 1915 года Милюков воззвал к своим единомышленникам: «Требование Государственной думы должно быть поддержано властным требованием народных масс, другими словами, в защиту их необходимо революционное выступление... Неужели об этом не думают те, кто с таким легкомыслием бросают лозунг о какой-то явочной

Думе?» Они «играют с огнем... (достаточно) неосторожно брошенной спички, чтобы вспыхнул страшный пожар... Это не была бы революция, это был бы тот ужасный русский бунт, бессмысленный и беспощадный. Это была бы... вакханалия черни... Какова бы ни была власть — худа или хороша, но сейчас твердая власть необходима более, чем когда-либо».

Призрак революции был вызван Милюковым со знанием дела. («Я как раз в эти месяцы перечитывал Тэна... Опыт был достаточен, чтобы снять с «революции» как таковой ее ореол и разрушить в моих глазах ее мистику. Я знал, что там не мое место».)

По компетентной оценке информаторов охранки, действительными инициаторами «блока» были лидеры «прогрессистов» — И. Н. Ефремов и А. И. Коновалов. Предоставив Милюкову красоваться на трибуне, они взяли на себя организационную сторону дела. С ними трудился, по существу, второй человек в партии кадетов после Милюкова — Н. В. Некрасов. Он смотрел в корень дела — кадеты должны «готовиться к тому, чтобы взять на себя всю власть и всю ответственность». Преждевременно, восклицали вслед за Милюковым кадеты. Лишь посвященные могли понять решительные настояния Некрасова в июле 1915 года: «Страна возбуждена безмерно, только совсем новая организация может нас спасти». Были склонны полагать, что речь идет о Прогрессивном блоке. Но никто, включая охранку, не знал, что трое главных архитекторов блока — Ефремов, Коновалов и Некрасов — масоны.

Они трудились, организуя верхушку буржуазных партий под вывеской блока. В конечном счете в него вошли кадеты, «прогрессисты», октябристы, помещичьи фракции центра и «прогрессивные националисты». К блоку примкнула академическая (кадетско-прогрессистская) группа и группа центра (октябристы и правее их) Государственного совета. Прогрессивный блок объединил около трехсот человек, или более двух третей Государственной думы.

Эти люди сошлись на отрицательном отношении к правительству и отнюдь не были сосредоточением «демократических сил». Блок, насмешливо отметили в охранке, далеко не «гражданская цитадель». Отсортировав крайние фланги в Думе, деятели блока выдвинули основное требование — создание правительства, кото-

рое должно обеспечить «единение со всей страной и пользоваться ее доверием». Куда же испарились программные требования кадетской партии, стоявшей за парламентарный строй, то есть правительство, ответственное перед Думой, спрашивали Милюкова, указывая на очевидную бессмысленность выброшенного лозунга. Приват-доцент ответил недоумевавшим: «Кадеты вообще — это одно, а кадеты в блоке — другое. Как кадет я стою за ответственное министерство, но как первый шаг мы по тактическим соображениям ныне выдвигаем формулу: министерство, ответственное перед народом. Пусть мы только получим такое министерство, и оно силою вещей скоро превратится в ответственное парламентское министерство».

Вот так. Вот и разъяснение. Милюков выбросил за борт кадетскую демагогию и прямо признал, что для него цель оправдывает средства. А цель состояла в том, что деятели Прогрессивного блока домогались власти, стремясь любыми путями сесть на шею народу.

Блок сплачивался на бесконечных совещаниях, и намерения его руководителей не могли остаться в тайне от двора и правительства. Царь по наущению группы «либеральных» министров во главе с Кривошеиным решился в первой половине июля снять накал в отношениях с Думой. Вслед за Сухомлиновым были уволены еще три наиболее ненавистных министра. Но умиротворить Прогрессивный блок было трудно, лидеры его требовали реальных уступок в сфере управления прежде всего военной экономикой.

Завязался тугой клубок интриг, захвативших Таврический дворец, правительство и ставку. Те, кто хотел взять власть, действовали напористо, прибегая к методам, сходным с иезуитскими. По необходимости можно только в самых общих чертах рассказать о происходившем. Преемник Сухомлинова генерал А. А. Поливанов открыл наступление на ставку. Чтобы должным образом оценить его роль, необходимо помнить — он был близким другом А. И. Гучкова, любимцем «общественности» и (крайности сходятся?) клевретом царицы. Поливанов, вероятно, решил смертельно напугать кабинет. Записи помощника управляющего делами совета министров А. Н. Яхонтова ярко показывают, как военный министр нагнетал панику.

Он начал с торжественного заявления 29 июля: «Считаю своим гражданским и служебным долгом заявить совету министров, что отечество в опасности». Министры притихли, в голосе Поливанова, — писал Яхонтов (предупредив, что записывал непоследовательно — «руки дрожали от нервного напряжения»), — «чувствовалось что-то повышенно резкое. Присущая ему некоторая театральность речи и обычно заметное стремление влиять на слушателя образностью выражений на этот раз стушевывается потрясающим значением произнесенных слов». Министры, помолчав, спросили, на чем Поливанов строит свое «мрачное заключение»?

В ответ полился поток фраз о том, что отступление уже носит характер «чуть ли не панического бегства», «с каждым днем наш отпор слабеет, а вражеский натиск усиливается». Военному министру уже по своему положению нужно было бы знать, что дело обстоит поиному. Шло не беспорядочное бегство, а упорядоченный отход ради сохранения армии. Но он сознательно прибегал к величайшим преувеличениям, договорившись до того, что «где ждать остановки наступления — богу ведомо. Сейчас в движении неприятеля все более обнаруживаются три главнейших направления: на Петербург, на Москву и на Киев. В слагающейся обстановке нельзя предвидеть, чем и как удастся нам противодействовать развитию этого движения. Войска утомлены бесконечными поражениями и отступлениями. Вера в конечный успех и в вождей подорвана. Заметны все более грозные признаки надвигающейся деморализации. Учащаются случаи дезертирства и добровольной сдачи в плен. Да и трудно ждать порыва и самоотвержения от людей, вливаемых в боевую линию безоружными с приказом подбирать винтовки убитых товарищей».

На заседании 12 августа Поливанов повторяет: «На театре войны беспросветно. Отступление не прекращается». Он указывает на виновников бед — руководство ставки. Министр сурово заключает: «Ставка, по-видимому, окончательно растерялась, и ее распоряжения принимают какой-то истерический характер. Вопли оттуда о виновности тыла не прекращаются, а, напротив, усиливаются и являются водой на мельницу противоправительственной агитации». Искусный ход,

затронувший министров за живое. Они загалдели и принялись хором поносить ставку.

«В моих записях, — отмечал Яхонтов, — набросано лишь общее содержание этой беседы, без отметок, кто и что говорил. Ставка окончательно потеряла голову. Она не отдает себе отчета в том, что она делает, в какую пропасть затягивает Россию. Нельзя ссылаться на пример 1812 года и превращать в пустыню оставляемые неприятелю земли. Сейчас условия, обстановка, самый размах событий не имеют ничего общего с тогдашним. В 12-м году маневрировали отдельные армии, причем район их действий ограничивался сравнительно небольшими площадями. Теперь же существует сплошной фронт от Балтийского чуть ли не до Черного моря, захватывающий огромные пространства на сотни верст. Опустошать десятки губерний и выгонять их население в глубь страны — равносильно осуждению России на страшные бедствия. Но логика и веление государственных интересов не в фаворе у ставки. Штатские рассуждения должны умолкать перед «военной необходимостью», какие бы ужасы под ней ни скрывались. В конце концов, внешний разгром России дополняется внутренним».

А. В. Кривошеин, тогда надежда либералов, а впоследствии глава правительства у Врангеля, взял такую пронзительную ноту, что Яхонтов выделил его: «Хороший способ борьбы! По всей России расходятся проклятия, болезни, бедность. Голодные и оборванные повсюду вселяют панику, угашаются последние остатки подъема первых месяцев войны. Идут они сплошной стеной, топчут хлеб, портят луга, леса. За ними остается чуть ли не пустыня, будто саранча прошла либо Тамерлановы полчища. Железные дороги забиты, передвижение даже воинских грузов, подвоз продовольствия скоро станут невозможными... Впрочем, эти подробности не в моей компетенции. Очевидно, они были своевременно взвешены ставкою и были тогда признаны несущественными. Но в моей компетенции, как члена совета министров, заявить, что устраиваемое ставкой великое переселение народов влечет Россию в бездну, к революции и гибели».

Ни общая оценка министров, ни сардонический юмор Кривошеина не были уместны применительно к сложнейшим стратегическим операциям, проводившим-

ся на фронте. Случавшиеся в этом деле ошибки, однако, нужно соразмерить с масштабами Великого Отступления. Ошибки эти лежали преимущественно в военной сфере, но не в той, в какой ее обвиняли тороватые на слова царские сановники. Тактики «выжженной земли», конечно, не было и в помине. Из 25 миллионов жителей в областях, охваченных эвакуациями, снялось с мест 3 миллиона. Они уходили не столько под давлением военных властей, сколько по собственному выбору, наслышавшись о немецких зверствах. Слов нет, эвакуация была организована из рук вон плохо, но в тыл устремился поток обездоленных, отнюдь не «Тамерлановы полчища».

Заседания совета министров превратились в бедлам. Даже обычно сдержанный Сазонов кричит в адрес ставки: «Это черт знает что такое!» Нарастающей паникой дирижирует Поливанов. «Я не доверяю ему, — пишет Яхонтов, — у него какие-то тайные мотивы и что-то на уме, за ним стоит тень Гучкова». Быть может, здесь Яхонтов прикоснулся к истине?

19 августа Поливанов, как обычно дав алармистское описание военных дел, присовокупил: «Как ни ужасно то, что происходит на фронте, есть еще одно, гораздо более страшное событие, которое угрожает России. Я сознательно нарушу служебную тайну и данное мною слово до времени молчать. Я обязан предупредить правительство, что сегодня утром на докладе Его Величество объявил мне о принятом им решении устранить Великого Князя и лично вступить в командование Армией». Кабинет сначала онемел, а потом буквально взвыл.

Эти люди не были отмечены великими интеллектуальными достоинствами. В империи не нужно было иметь ум, чтобы быть начальством, но нужен был ум, чтобы им стать. Со своей точки зрения тертые люди, какими были министры, связавшие собственное благополучие с троном, без труда усмотрели, что в результате решения монарха перед ними разверзнется пропасть. Сазонов воскликнул, услышав о решении царя: у меня «какой-то хаос в голове делается... в какую бездну толкается Россия!». Кривошеин завопил: «Надо протестовать, умолять, настаивать, просить, словом, использовать все доступные нам способы, чтобы удержать Е. В. от бесповоротного шага... Народ дав-

но... считает государя царем несчастливым, незадачливым».

Родзянко, прослышав о назревавших событиях, бросился в Мариинский дворец, вытащил с заседания Горемыкина и объявил, что уже написал царю: «Неужели, Государь, неясно, что Вы добровольно отдадите Вашу неприкосновенную Особу на суд народа, а это и есть гибель России». Родзянко кричал, и голос его гулко разносился по дворцу — правительство должно заставить царя отказаться от своего решения. Горемыкин заговорил о смирении. Родзянко не дослушал и бросился к выходу, возглашая во весь сверхмощный голос: «В России нет правительства!» Швейцар сунулся было к нему с забытой тростью, председатель Думы рявкнул: «К черту трость!», прыгнул в автомобиль и был таков.

Родзянко блестяще оправдал характеристику, данную ему Витте, — «все-таки главное качество Родзянки не в его уме, а в голосе — у него отличный бас». Впрочем, разобраться в происходившем было невозможно. «Не понимаю, чего добивается Поливанов, — писал Яхонтов. — Он всех науськивает и против Вел. Кн., и против принятия командования государем, и против Ивана Лог. (Горемыкина)». Оставим поэтому их интриги и ожесточенные склоки. Обратимся к элементарной логике.

Развивалась кампания компрометации власти. Выдвижение ничтожества, каким был Николай II, на первую линию огня критики было необходимым предварительным условием для ее успеха. Отсюда следовало, что взятие им функций верховного главнокомандующего было совершенно обязательным с точки зрения тех, кто направлял эту кампанию. Они действовали осмотрительно, заметая следы, а в сущности, не оставили царю иного выхода. Заговорщики умело использовали и ревность Царского Села к великому князю. Были распущены слухи, достигшие ушей царской четы, что Николай Николаевич вынашивает темные замыслы, а его сторонники уже-де именуют его Николаем III.

Коллективное всеподданнейшее письмо всех министров (за исключением Горемыкина и министра юстиции А. А. Хвостова), направленное в эти дни, могло только укрепить Николая II в самых худших подозрениях. Министры просили его, дабы предотвратить «тя-

желые последствия» для России и династии, отказаться от своего намерения, оставив верховным главнокомандующим Николая Николаевича.

Почти одновременно с письмом министров царю был вручен поразительный документ — доклад членов Военно-морской комиссии Государственной думы. Подписанный председателем комиссии кадетом Шингаревым и восемью другими членами Думы, включая Шульгина и Ефремова, доклад был пронизан мыслью — «общественность» должна взять в свои руки обеспечение войны.

«Внимательно изучая доклад, — замечает Н. Н. Головин, — нельзя не заметить, что он весь представляет сложный переплет действительно серьезных обвинений Правительства и Главнокомандования с указанием на упущения более чем ничтожного характера. Таким прямо комическим моментом в трагическом тоне доклада является, например, упоминание о «потрясающей речи одного из членов Государственной думы» о плохом укреплении Пскова... Насколько форма доклада не отвечает его содержанию, лучшим примером может служить его конец. Этот конец говорит о том, что «только непререкаемой Царской Властью можно установить согласие между Ставкой Великого Князя, Верховного главнокомандования и Правительством». Император Николай II, прочитав доклад, имел полное право сделать логический вывод о том, что русские общественные круги желают, чтобы Монарх в своем лице совместил Управление страной и Верховное главнокомандование». И еще одно: доклад был составлен и подан по наущению Поливанова.

Глупец Родзянко, устроивший истерику в Мариинском дворце, не понимал, что делали в Думе под самым его носом. Николай II легкомысленно вошел в подготовленную для него ловушку. В начале сентября Николай Николаевич был назначен на Кавказ, а царь стал верховным главнокомандующим, что, помимо прочего, влекло необходимость быть при ставке в Могилеве. Современники отметили единодушную реакцию обывателя: «царь поехал на фронт, быть беде».

Исполнив, как ему представлялось, желание «общественности», Николай II взялся за Прогрессивный блок. По всей вероятности, он заключил, что думские деятели мечтали увидеть его во главе армии, осталь-

ное — пустяки. Пока шла шумиха вокруг командования, Прогрессивный блок официально оформился. 22 августа было подписано соглашение между входившими в него партиями и фракциями. Блок поддержали городские думы Москвы, Петрограда и ряда других городов.

Орган миллионера П. П. Рябушинского «Утро России», торопя события, напечатал список «Кабинета обороны», правительства, которое было угодно видеть крупному капиталу. На пост премьера прочили М. В. Родзянко, министра иностранных дел П. Н. Милюкова, внутренних дел — А. И. Гучкова, военного — А. А. Поливанова, финансов — А. И. Шингарева, путей сообщения — Н. В. Некрасова, торговли и промышленности — А. И. Коновалова, юстиции — В. А. Маклакова, главноуправляющего земледелия и землеустройства — А. В. Кривошеина и т. д. Это было слишком для царской власти.

Претензии буржуазии вызвали резкую реакцию в Царском Селе. Решимость царя дать отпор обнаглевшим соперникам по власти подогревала царица. Она всерьез принимала сравнения придворных льстецов с Екатериной II и, почитая себя единственным «мущиной в штанах» при дворе, советовала царю: «Россия, слава Богу, не конституционная страна, хотя эти твари пытаются играть роль и вмешиваться в дела, которых не смеют касаться». Прослышав о том, что городские думы стакнулись с Прогрессивным блоком, она добавила: «Никому не нужно их мнение — пусть они лучше всего займутся канализацией». Горемыкин отправился в ставку к царю за указаниями, и, как он сообщил по возвращении, «все получили нахлобучку за августовское письмо и за поведение во время августовского кризиса». Царь приказал не позднее 3 сентября закрыть Думу.

Из протокола заседания Государственной думы от 3 сентября 1915 года: «Заседание открывается в 2 часа 51 минуту пополудни под председательством М. В. Родзянко.

Председатель: Объявляю заседание Государственной думы открытым. Предлагаю Государственной думе стоя выслушать высочайший указ (Все встают)».

Зачитывается указ о роспуске Думы.

«Председатель: Государю императору «Ура!» (Дол-

го не смолкаемые крики «ура»). Объявляю заседание Государственной думы закрытым. (Заседание закрывается в 2 часа 53 минуты пополудни)».

Две минуты потребовалось царизму, чтобы разогнать оппозицию. И трагикомическое — крики «ура» приглушили пинок императорского сапога.

На том официально прекратилась деятельность Прогрессивного блока, который, по мнению Шульгина, избрал путь парламентской борьбы вместо баррикад, путь «суда» вместо самосуда — «наша цель была, чтобы массы оставались покойными, так как за них говорит Дума». Подводя итоги случившегося, В. А. Маклаков заявил на заседании бюро Прогрессивного блока: «Если бы забастовала Россия, власть, может быть, уступила бы, но этой победы я не хотел».

Правая печать радовалась необыкновенно разгону Думы. «Земщина» на другой день после ее роспуска восклицала: «Дума, становившаяся с каждым днем все наглее и крамольнее, временно закрыта. Все подлейшие происки желтого блока с предателями во главе разлетелись в прах...»

Несостоявшиеся «революционеры» забили отбой. Им было настоятельно необходимо заверить власть в своей благонадежности и в то же время не потерять лица в стране, сказав, что они не оставили своих намерений. 27 сентября 1915 года «Русские ведомости» напечатали фельетон-аллегорию «Трагическое положение» В. А. Маклакова, совсем недавно названного будущим министром юстиции (и, отмечает Г. Катков, «тесно связанного с масонами»): «Вы несетесь на автомобиле по крутой и узкой дороге, — внушал Маклаков. — Один неверный шаг, и вы безвозвратно погибли. В автомобиле — близкие люди, родная мать ваша. И вдруг вы видите, что шофер править не может... К счастью, в автомобиле есть люди, которые умеют править машиной, им надо поскорее взяться за руль. Но задача пересесть на полном ходу нелегка и опасна. Одна секунда без управления — и автомобиль будет в пропасти. Однако выбора нет — вы идете на это, но сам шофер не идет. Оттого ли, что он ослеп и не видит, что слаб, и не соображает, из профессионального самолюбия и упрямства, но он цепко ухватился за руль и никого не пускает. Что делать в такие минуты?

Заставить его насильно уступить его место? Как бы

вы ни были ловки и сильны, в его руках фактически руль, и один неверный поворот или неловкое движение этой руки — и машина погибла. Вы знаете это, но и он тоже знает. И он смеется над вашей тревогой и вашим бессилием: «Не посмеете тронуть!» Он прав: вы не посмеете тронуть, если бы даже страх или негодование вас так охватили, что, забыв об опасности, забыв о себе, вы решились силой схватить руль — пусть оба погибнем, — вы остановитесь: речь идет не только о вас: вы везете с собой свою мать... Ведь вы ее погубите вместе с собой, сами погубите. И вы себя сдержите, вы отложите счеты с шофером до того вожделенного времени, когда минует опасность... Вы оставите руль у шофера. Более того, вы постараетесь ему не помешать, будете даже советом, указанием содействовать.

Вы будете правы — так и нужно сделать. Но что вы будете испытывать при мысли, что ваша сдержанность может все-таки не привести ни к чему, что даже с вашей помощью шофер не управится? Что будете вы переживать, если ваша мать при виде опасности будет просить вас о помощи и, не понимая вашего поведения, обвинит вас за бездействие и равнодушие?»

Статейка Маклакова нашумела, и даже слишком. Аллегория была более чем прозрачна. Охранка совершенно правильно комментировала в сводке настроений — «живейший отклик» на нее в самых широких кругах говорит о росте «антидинастического настроения».

Что до руководителей Прогрессивного блока, то они сделали надлежащие выводы. Оттеснить верхи не удалось, с разгоном Думы выявилась «ясная позиция монархии и крепостников-помещиков: «не отдать» России либеральной буржуазии»[1]. Натиск в лоб не удался, необходимо прибегнуть к обходным путям. Для этого уже существовали сверхдостаточные возможности, как и благовидный предлог — веление эффективного ведения вооруженной борьбы.

* * *

Еще во время войны с Японией в 1904—1905 годах возникла в основном благотворительная организация

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 28.

Союз земств, во главе которой встал князь Г. Е. Львов. Из недр ее, в сущности, вышел «кадетизм», хотя сам Львов настаивал, что его интересует только дело, а не политика. Царская бюрократия косо смотрела на союз, не без оснований усматривая в нем претендента на власть. Земцам удалось продлить свое существование до первой мировой войны участием в борьбе с голодом, эпидемиями, помощью переселенцам на Дальний Восток.

Они воспрянули духом в августе 1914 года, учредив Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам. Устоять перед инициативой земцев было нельзя, и царь высочайшим повелением разрешил существование союза наряду с правительственным Красным Крестом. Не отстал от новых веяний и городской союз, где заводилами были московские купцы, объединенные в городской думе (Милюков: «Первопрестольная была родиной кадетизма — и таковой осталась после перехода центра политической деятельности в Петербург, вслед за Думами»). В союзе городов верховодил М. В. Челноков.

Поражения 1915 года ознаменовались шумной кампанией буржуазии, утверждавшей, что только она способна «спасти» отчизну. Для указанного «спасения» в июле 1915 года обе организации слились, образовав Союз земств и городов (Земгор). Помимо уже проводившейся работы — создание и обслуживание госпиталей, эвакопоездов, бань и т. д., Земгор с большой помпой объявил, что он мобилизует на войну всю мелкую кустарно-ремесленную промышленность и завалит армию снаряжением — повозками, обмундированием, шанцевым инструментом, продовольствием и прочим и прочим.

Невероятную суету и шумиху Земгора перекрыл голос крупного капитала. С мая 1915 года Рябушинский выступил за мобилизацию промышленности. На 9-м съезде представителей промышленности и торговли в конце июня 1915 года в Петрограде по его настоянию было принято решение о создании районных комитетов для объединения работы фабрик и заводов на войну. Общее руководство ими и согласование с деятельностью правительственных органов было возложено на Центральный военно-промышленный комитет, во главе которого встал Гучков. В ЦВПК вошли Коновалов, Тере-

щенко, Рябушинский и другие воротилы монополистического капитала, представители Земгора, городских дум и пр.

Деятели военно-промышленных комитетов прежде всего пеклись о том, чтобы «дисциплинировать» рабочих. При комитетах решили учредить «рабочие группы», что горячо поддержали меньшевики. Большевики резко выступили против соглашательства с буржуазией. Массы прислушивались к голосу большевиков, и, к глубочайшему разочарованию Гучкова, затея провалилась. Только в 36 из 239 областных и местных ВПК были созданы «рабочие группы».

Патриотическая горячка буржуазии не могла ввести в заблуждение царскую бюрократию. Министр внутренних дел Маклаков завалил царя грудой докладных, основная мысль которых была предельно проста: «Родзянко — только исполнитель, напыщенный и неумный, а за ним стоят его руководители, гг. Гучковы, кн. Львов и другие, систематически идущие к своей цели». Впрочем, сами руководители «общественности» не очень придерживали языки. Пламенные призывы к мобилизации страны перемежались у них достаточно ясными заявлениями о дальнейших намерениях. «Нам нечего бояться, — просвещал Рябушинский, — нам пойдут навстречу в силу необходимости, ибо наши армии бегут перед неприятелем». На совещании промышленников в Москве в августе он открылся: необходимо «вступить на путь полного захвата в свои руки исполнительной и законодательной власти». На съезде Земгора в сентябре Гучков без обиняков разъяснил: эта организация «нужна не только для борьбы с врагом внешним, но еще более — для борьбы с врагом внутренним, той анархией, которая вызвана деятельностью настоящего правительства».

Последнее, однако, не дремало и не настолько было дрябло, чтобы выпустить окончательно бразды правления. Уже с ранней весны создаются различные правительственные комитеты для обеспечения топливом, по военным перевозкам и другие. 20 июня царь утвердил «Положение об Особом совещании для объединения мероприятий по обеспечению Действующей Армии предметами боевого и материального снабжения». Представительство в нем Думы было очень скромным. Поливанов, вступив на пост военного министра, а ему

и надлежало быть председателем совещания, переработал положение (увеличил представительство Думы, ввел членов от Земгора и Военно-промышленного комитета) и провел проект через Думу. 17 августа измененное положение было утверждено и начало действовать «Особое совещание для объединения мероприятий по обороне Государства». Было учреждено еще три «Особых совещания» — по перевозкам, топливу и продовольствию. Все они обросли бесчисленными комитетами. Структура руководства военной экономикой оказалась необычайно громоздкой. Ввиду упорядоченной неразберихи монополисты могли диктовать цены и, в сущности, были не очень стеснены в своих действиях. Итог — первоначальное намерение правительства возобладать над капиталом, пожалуй, привело к обратным результатам.

В годы войны развитие государственно-монополистического капитализма в России пошло гигантскими темпами. Хотя в рамках Особых совещаний моголы финансового капитала с политической точки зрения были подчинены царской бюрократии, кучке помещиков, в области экономических отношений крупная буржуазия могла сказать и говорила веское слово. Заводчики и банкиры были достаточно компетентными людьми, знавшими возможности экономики. В руках российской крупной буржуазии были все рычаги для постановки народного хозяйства на службу войне, если бы к тому было желание.

По общим экономическим показателям Россия отстала от передовых промышленных стран. Но в то же время российская буржуазия доказала свою оборотистость, умение налаживать производство, когда непосредственно затрагивались ее интересы. Примерно на протяжении тридцати лет до начала первой мировой войны (с 1885 года) Россия занимала первое место в мире по темпам экономического роста. Если в период 1885—1913 годов промышленное производство в Англии увеличивалось в год на 2,11 процента, в Германии — на 4,5, в США — на 5,2, то в России — на 5,72 процента.

Картина русской экономики была в высшей степени противоречивой. Во много раз, например, уступая США по общему объему производства, Россия в то же время далеко оставила их по концентрации производства.

Если в России к 1910 году на предприятиях с числом рабочих более 500 было 54 процента всех занятых, то в США — 33 процента. Высокая степень концентрации в русской промышленности шла рука об руку с введением передовой технологии. По важнейшему признаку крупной промышленной энерговооруженности рабочего Россия превосходила Западную Европу, хотя и уступала США и Англии. На 100 промышленных рабочих в России (без горной промышленности) приходилось 92 л. с., в Германии — 73 л. с., во Франции — 85 л. с., в Англии — 153 л. с. и в США — 282 л. с.

Когда в горячке года 1915-го Россия начала широко и бессистемно размещать заказы на вооружение и снаряжение в союзных и нейтральных странах, это сначала вызвало величайшее изумление в деловых кругах, ибо марка, во всяком случае русской военной промышленности, стояла очень высоко. В начале 1915 года в Париже собрались представители французской артиллерии, частных металлургических и химических заводов для выяснения, чем Франция может помочь России. Некоторые из них работали до войны в Донецком бассейне и в других районах нашей страны.

— Мы удивляемся, — говорили участники совещания, — что вы обращаетесь к нам за содействием. Одни ваши петроградские заводы по своей мощности намного превосходят весь парижский район. Если бы вы приняли хоть какие-нибудь меры по использованию ваших промышленных ресурсов, вы бы нас оставили далеко позади.

В России у знавших возможности отечественной промышленности бездумное обращение за рубеж, повлекшее за собой фантастические расходы, вызывало горечь. Из Франции, например, начали поступать снаряды... из чугуна! А. А. Маниковский в ответ на недоуменные вопросы с фронта пишет в ставку: «А что я могу поделать: ведь вопль был такой и гг. французы так сильны у нас, что в конце концов Особое совещание, несмотря на мои протесты, и дало заказы (хотя и немного) на это дерьмо. Ну вот оно понемногу и начинает поступать. Я буду очень рад, если авторитетный голос ставки прозвучит по этому поводу в виде внушительного свидетельства, что фронты не удовлетворены этим суррогатом...»

Отвратительнейшая черта правящих классов Рос-

сии — преклонение перед иностранщиной, привела к тому, что началось лихорадочное размещение заказов в США. Американская реклама сделала свое дело, свято верили, что за океаном сотворят чудеса. Было заказано 300 тысяч винтовок фирме «Винчестер», 1,5 миллиона — «Ремингтон» и 1,8 миллиона — «Вестингауз». Только первая из них выполнила заказ в установленный срок — к марту 1917 года, но, вероятно, под германским влиянием отказалась от продолжения работы. Что касается двух остальных, то к этому обусловленному сроку они выполнили всего 10 процентов заказа. Так провалились первоклассные заводы США.

Если и удалось хоть что-то получить от этих фирм, то только усилиями русских инструкторов, посланных в США под видом приемщиков. Был учрежден особый технический отдел во главе с выдающимся специалистом, конструктором Залюбовским. Он уехал в Америку ввиду срочности дела, бросив работу в России — строительство нового оружейного завода. Профессор Артиллерийской академии Сапожников, помогавший на месте этим заводам, указывал, что причинами неудач было «долгое упорство американских заводчиков в нежелании следовать указаниям опытных приемщиков в деле установления нового для завода производства. При этом сыграли немалую роль как ложно понимаемая коммерческая сторона дела (стремление к нецелесообразной экономии), так и уязвленное самолюбие, а также несомненная доля германского влияния, искусно организованного и щедро оплачиваемого».

Еще большие разочарования постигли русские ведомства, попытавшиеся наладить в США производство артиллерийских орудий и снарядов.

«За три года войны, — писал Е. З. Барсуков, — Россия выдала заказов одной только Америке на 1 287 000 000 долларов.

Главную массу, до 70%, составляли артиллерийские заказы; по этим заказам Россия влила в американский рынок почти 1 800 000 000 золотых рублей и притом без достаточно положительных для себя результатов. Главным образом за счет русского золота выросла в Америке военная промышленность громадного масштаба, тогда как до мировой войны американская военная индустрия была лишь в зачаточном состоянии.

Во время войны усилиями заказчиков, и в первую

очередь Россией, американской промышленности привит был ценный опыт в военных производствах и путем безвозмездного инструктажа со стороны русских инженеров созданы в Америке богатые кадры опытных специалистов по разным отраслям артиллерийской техники.

Теперь уже должно стать ясным, что контролирующие ведомства царской России, урезывая кредиты на развитие русской военной промышленности, экономили народное золото для иностранцев».

Многие тысячи русских инженеров и техников отправились в другие страны ставить военное производство. Только в американском штате Коннектикут их работало около двух тысяч человек. Всех их ждали самые срочные дела в самой России.

Ориентация на зарубежную промышленность не оправдала надежд скудных умом царских сановников, но она была неизбежна. Отечественная буржуазия, кричавшая на всех перекрестках о своем патриотизме и не забывавшая набивать карманы, отнюдь не употребляла сверхчеловеческих усилий для налаживания военного производства. Исполинская гора военно-промышленных комитетов родила мышь. В середине ноября 1915 года Маниковский в письме в «Новое время» засвидетельствовал, что от военно-промышленных комитетов не получено ни одного снаряда. Эти комитеты «мобилизовали» около 1300 предприятий средней и мелкой промышленности, которые выполнили за войну примерно половину полученных заказов, что составило 2—3 процента от общей стоимости заказов военного ведомства.

Военно-промышленные комитеты нужны были буржуазии не для налаживания военной экономики, а как форум для ведения политической деятельности.

Еще более плачевными были итоги трудов Земгора по обеспечению армии. Даже очень скромные заказы Земгору на 74 миллиона рублей ретивые патриоты сумели выполнить только на 60 процентов. А им поручались вещи самые простые — изготовить 31 тысячу кирок (получено 8 тысяч), вместо 4,7 тысячи кухонь сделано 1,1 тысячи, проволоки требовалось 610 тысяч пудов — выработано 70 тысяч пудов. Земцы добились только одного достижения, поставив 100 процентов заказанной рогожи.

Военное производство развивалось помимо, а иной раз вопреки, оглушительно шумевшим военно-промышленным комитетам и Земгору. Но в одном Земгор преуспел отменно — в рекламе своих усилий по санитарному и бытовому обслуживанию армии. Буржуазия умело и назойливо пропагандировала свои успехи в этой области. Складывалось твердое впечатление, что буржуа раздеваются до исподнего, дабы помочь страждущим и увечным воинам. Статистика безжалостно разрушает прекрасный мираж — по осень 1916 года Земгор собрал 12 миллионов рублей на благороднейшие цели, а 560 миллионов рублей ассигновало государственное казначейство. Сколько миллионов прилипло к рукам бескорыстных земцев, сказать трудно, во всяком случае, за ними числился должок — около миллиона рублей государственных средств, в которых они не отчитались еще за русско-японскую войну.

Попытки довести эти данные до всеобщего сведения успеха не имели — ни одна буржуазная газета, имевшая тираж, не бралась их печатать. Чем занимался главным образом Земгор, секрета не составляло. Даже последний премьер царского правительства князь Н. Д. Голицын высказывал уверенность, что «у союзов готов состав временного правительства, и отделы союзов соответствуют существующим министерствам». И еще одно обстоятельство — Земгор уподобляли окопам, в которых укрывались от войны сынки из состоятельных, нелепые и претенциозные трусы — «земгусары».

Как тогда с известным лозунгом буржуазии о войне «до победного конца»? Он имел смысл для тех, кто выкинул его только в отношении такой России, где власть безраздельно принадлежит буржуазии. Победа императорской России с точки зрения буржуазии и ее идеологов создала бы невероятные препятствия для оттеснения от власти царизма. Отсюда в высшей степени сложная тактика буржуазии и ее партий, имевшая в виду создать затруднения царизму в ведении войны. Расхожее положение «чем хуже, тем лучше» становилось рабочей доктриной буржуазии.

Мы видели ее применение на практике в сфере мобилизации ресурсов страны на войну. Хотя буржуазным партиям декларировать это положение в идеологии было по понятным причинам очень сложно, иные влиятельные кадеты считали возможным толковать о

«патриотическом пораженчестве». Г. Катков признает: «В мировоззрении кадетов прослеживается направление, которое нельзя квалифицировать иначе как «патриотическое пораженчество» в отличие от «революционного пораженчества» большевиков и некоторых других социалистов. Ощущение того, что поражение в войне очистит загнившую политическую атмосферу России, было очень сильным. Как иначе можно объяснить, что в сборнике очерков профессора истории Московского университета видного кадета Кизеветтера, вышедшем в 1915 году, внутренняя обстановка в России в канун Крымской войны в 1855 г. характеризовалась следующим образом:

«С начала войны гипноз колосса на глиняных ногах быстро спал. Вся мыслящая Россия была как бы поражена электрическим ударом. Истинный патриотизм, которого боялись правители, далекие от народа, громко воззвал в душах лучших сынов нации. Севастопольская трагедия виделась им как искупительная жертва грехов прошлого и призыв к возрождению. Искренние патриоты связывали свои надежды с поражением России от внешнего врага. В августе 1855 года Грановский писал: «Известия о падении Севастополя заставили меня разрыдаться... Если бы я был здоров, я бы вступил в ополчение не потому, что я желаю победы России, а потому, что я жажду умереть за нее».

Любой читатель в 1915—1916 гг. не мог не провести параллель между настроениями, господствовавшими в России в Крымскую войну, и чувствами интеллигенции в момент выхода очерков Кизеветтера».

Если иметь в виду все это, тогда понятна служебная роль самых пессимистических оценок года 1915-го российской буржуазией. Конечно, нет никаких причин для радости по поводу того, что сделали с Россией враги и союзники в том году, но равным образом нет оснований утверждать, что реальные возможности страны успешно продолжать войну были подорваны и будущее тонуло в беспросветном мраке.

В этом отношении английские да и французские генералы не проявили бо́льших полководческих талантов, чем их российские коллеги.

Однако беспримерное кровопролитие влекло за собой совершенно различные последствия во внутренней жизни.

* * *

Все познается в сравнении. Из того, что в 1915 году русская армия теряла будто бы по два бойца на одного неприятельского, Шульгин, как сказано выше, сделал далеко идущие выводы в отношении всей страны. Хотя эти цифры нуждаются в корректировке, допустим, что дело обстояло именно так. В 1915 году русская армия потеряла 2,5 миллиона убитыми, ранеными и пленными. Враг не мог бы причинить таких потерь, утверждали ораторы и публицисты буржуазии, если бы войска не страдали от острой нехватки вооружения и боеприпасов, армией не руководили бы бездарности, а страна в целом не была бы отсталой.

Взглянем на Западный фронт. Англия берегла людей. В 1915 году ее потери составили 268 тысяч человек против 110 тысяч немцев, в 1916 году — соответственно 600 тысяч и 297 тысяч, в 1917 году — 760 тысяч и 448 тысяч, и только в 1918 году потери сравнялись — 806 тысяч и 825 тысяч. Иными словами, в 1915 году, чтобы вывести из строя одного немецкого солдата, англичане тратили 2,5 своего солдата, в 1916—1917 годах — по два.

В начале войны В. И. Ленин указывал: «Мы должны сказать, что если что может при известных условиях отсрочить гибель царизма, если что может помочь царизму в борьбе против всей российской демократии, так это именно нынешняя война»[1]. Русский народ, обладавший самым большим революционным потенциалом в мире, не желал мириться с империалистической бойней и реагировал на бессмысленную смерть и страдания соотечественников неизмеримо острее, чем страны Западной Европы, погрязшие в тупом шовинизме. Поэтому он твердо верил: партия большевиков знает избавление — революционный выход из войны. Только большевистские лозунги выводили из трясины кровавой войны, в которую империализм загнал мир.

Что касается рутины боевых действий, то русский солдат продемонстрировал свои несравненные качества. В боях с хуже вооруженной русской армией противник нес куда большие потери, чем на Западном фрон-

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 18.

те, который питала развитая промышленность Франции, Англии и во все возраставших размерах США. Но кто повинен в том, что Великое Отступление 1915 года представляют только как побоище чуть ли не безоружной русской армии, оставляя в тени ее воинскую доблесть и умелое ведение вооруженной борьбы?

Один из авторов легенды — генерал А. И. Деникин. В «Очерках русской смуты» он написал о днях, когда был начальником 4-й стрелковой дивизии: «Весна 1915 года останется у меня навсегда в памяти. Великая трагедия Русской Армии — отступление из Галиции. Ни патронов, ни снарядов. Изо дня в день кровавые бои, изо дня в день тяжкие переходы, бесконечная усталость — физическая и моральная, то робкие надежды, то беспросветная жуть.

Помню сражение под Перемышлем в середине мая. Одиннадцать дней жестокого боя 4-й стрелковой дивизии... одиннадцать дней страшного гула немецкой тяжелой артиллерии, буквально срывающей целые ряды окопов вместе с защитниками их. Мы почти не отвечали — нечем. Полки, истощенные до последней степени, отбивали одну атаку за другой, — штыками или стрельбой в упор, лилась кровь, ряды редели, росли могильные холмы... два полка почти уничтожены одним огнем.

Господа французы и англичане! Вы, достигшие невероятных высот техники, вам небезынтересно будет услышать такой нелепый факт из русской действительности.

Когда, после трехдневного молчания нашей единственной шестидюймовой батареи, ей подвезли пятьдесят снарядов, об этом сообщено было по телефону немедленно всем полкам, всем ротам, и все стрелки вздохнули с радостью и облегчением».

Такие, как Деникин, и сеяли панику, распространяя настроения безысходности. Но нехватку снарядов, патронов, винтовок не он выдумал. Так было. Как же это случилось?

Никогда точно не было установлено, сколько снарядов в действительности требовалось. Исходным пунктом рассуждений о снарядном голоде было заключение командующего Юго-Западным фронтом по опыту первых боев в Галиции в августе — сентябре 1914 года. Были поданы сведения о том, что в месяц 76-миллимет-

ровая пушка расходовала тысячу снарядов, и эту норму как потребную распространили на весь фронт. «Допустить же, что этот вывод сделан с грубой ошибкой, — писал А. А. Маниковский, — никто не смел. Обнаружить ее удалось только два с половиной года спустя, когда в Петрограде собралась межсоюзническая конференция. Так вот в секретном официальном отчете этой конференции расход за первые пять месяцев до 1 января 1915 г. указывался в 464 тыс. выстрелов в месяц, а расход за пять летних месяцев 1915 г., т. е. в период Великого Отступления, по 811 тыс. выстрелов ежемесячно».

Следовательно, к 1 января 1915 года русская артиллерия расстреляла 2,3 миллиона снарядов. С учетом неизрасходованного довоенного запаса и нового производства Россия вступила в 1915 год, имея 4,5 миллиона снарядов. «Всякий непредубежденный, хотя бы и очень строгий, критик согласится, что кричать при таких условиях о катастрофе из-за недостатка выстрелов, когда их израсходовано было всего 37% или немного более одной трети всего запаса, как будто не резон. И во всяком случае приостанавливать, а тем паче отказываться по этой якобы причине от выгодных стратегических операций достаточных оснований не было.

В чем же, однако, дело?

Во-первых, надо установить, что войска на фронте, особенно некоторые группы, несомненно, испытывали недостаток в выстрелах с первого месяца войны. Им не было ни тепло, ни холодно от того, что где-то там в тылу имеются еще склады выстрелов. Им вынь да подай эти выстрелы в их возимый запас, в их летучие парки. А как только эти парки начинают пустеть, а на пополнение их выстрелы из тыла не прибывают, начинается тревога, переходящая в панику по мере того, как расход без пополнения продолжается и налицо остается только «батарейный» запас. Этого войска уже не выдерживали, и начиналась бомбардировка начальства нервными телеграммами, а когда и это не действовало, то, значит, было написано недостаточно сильно; надо было сгущать краски, не стесняясь, конечно, истиной, ибо это были как раз те случаи, когда ложь во спасение, а потому надо было бить в набат, употребляя при определении своего положения наиболее силь-

ные выражения, вроде: роковое, критическое, трагическое, катастрофическое.

Так и пошло вранье, вранье самое беззастенчивое, сплошное, начиная от самых маленьких чинов и кончая самыми высокими».

Простой подсчет объясняет эмоциональный накал приведенных строк. За пять месяцев Великого Отступления 76-мм «мотовки» снарядов израсходовали немногим более 4 миллионов выстрелов. В 1915 году армия получила свыше 10 миллионов таких снарядов отечественного производства, 1,2 миллиона поступило из-за рубежа и перешел запас снарядов 1914 года — 4,5 миллиона. К этому нужно добавить 1,3 миллиона снарядов к средним калибрам, поставленных в 1915 году русской промышленностью, и еще несколько сот тысяч таких снарядов, оставшихся от 1914 года. Грубо говоря, 18 миллионов снарядов!

Сопоставление цифр поступления снарядов за год и расхода их — интригующая загадка. Можно было бы сослаться на то, что, скажем, поставки увеличились к концу года, а к лету была нехватка. Фактические данные не подтверждают этого — из 10 миллионов снарядов для 76-миллиметровых пушек 4 миллиона поступили в первой половине года. Дело было в другом. Помимо психологических причин, образно описанных Маниковским, в деле артиллерийского снабжения хозяйничали чьи-то незримые руки. Кто-то был заинтересован в том, чтобы императорская армия терпела поражения из-за нехватки снарядов, в то время как тыловые склады забивались ими до предела. Не в ожидании ли того времени, когда в бой пойдет армия буржуазной России? Едва ли смелое допущение...

Недостаток винтовок выявился совершенно неожиданно для командования. Частично это было вызвано просчетами мирного времени, частично большими потерями винтовок в войну, в среднем по 200 тысяч в в месяц. Несмотря на быстрое расширение производительности русских оружейных заводов, армия страдала от нехватки винтовок почти всю войну. Подача 900 тысяч винтовок только в 1915 году смягчила, но не исправила положения.

Трудности в известной степени были порождены и неудачами на фронтах. Война становилась все более непопулярной, падала дисциплина и забота о сохране-

нии оружия. Это совпало с изменением офицерского и унтер-офицерского состава. Пришли люди, наспех обученные, не обладавшие навыками кадровых военных поддерживать порядок во вверенных частях.

Патронами армия была обеспечена в размерах, покрывавших разумные потребности. Россия вступила в войну, имея запас почти в 3 миллиарда патронов, свыше миллиарда заводы дали в 1915 году. Тем не менее в ходе боевых действий нередко возникали перебои в снабжении патронами. Часть из них можно отнести за счет таких же таинственных причин, как и нехватка снарядов на фронте. Сказалось и то, что пошатнулась дисциплина в войсках. Неопытные офицеры обременяли солдат, выдавая по 200 вместо положенных 135 патронов. При длительных утомительных переходах солдаты, подавленные отступлением, просто бросали их, иногда вместе с винтовками.

«Следует отметить, — писал Маниковский, — совершенно недопустимую, перешедшую всякие границы и явно преступную расточительность в расходовании, вернее, в расшвыривании ружейных патронов на фронте. Иного выражения, как расшвыривание, и подобрать нельзя для охарактеризования того безумного обращения с ружейными патронами, которое после первых же неудач на германском фронте стало наблюдаться в наших войсках. Из свидетельства участников, из донесений начальствующих лиц и из отчетов заведующих артиллерийскими снабжениями ярко обрисовывается картина позорного распутства, допущенного в этом отношении командным составом, к тому времени, правда, очень ослабленным в своей кадровой части убылью убитыми и ранеными и сильно разбавленным разного рода скороспелыми пополнениями. Под впечатлением сокрушительного «завесного» огня, неизменно направляемого немцами в тыл наших позиций при каждой их атаке, у наших войск сложилось убеждение, что на своевременное пополнение патронов сквозь такие завесы, даже в ночное время по ходам сообщения, рассчитывать нельзя, а поэтому-де, мол, это надо делать заблаговременно и притом с возможным избытком. Поэтому загодя забивались патронами не только назначенные для этого ниши и погребки, но самые окопы, блиндажи и ходы сообщения, патроны кучами сваливались за окопами, наконец, из ящиков с патронами

сооружались траверсы и даже бруствера. Нечего и говорить, что о какой-либо экономии (хотя бы только разумной и целесообразной) при самой стрельбе уже не могло быть и речи, а чего стоила при таких условиях эта стрельба — больно и говорить.

При таком положении дела, естественно, всякое передвижение вызывало потерю всех этих патронных запасов, которые в случае отступления легко попадали в руки противника, в случаях же (редких) наступления оставлялись как были, на тех же местах и или терялись здесь, или попадали в руки разных темных спекулянтов... Так, полевой генерал-инспектор артиллерии во время одной из своих поездок на фронт нашел на небольшом участке недавно оставленной позиции около 8 миллионов вполне исправных патронов.

Такой разврат, естественно, передался с передовых позиций в тыловые части фронта, и повсюду началось безумное мотовство ружейных патронов».

Наконец, о босоногом воине, «сапожном» кризисе в войсках. За войну армия получила более 65 миллионов пар сапог. Износить такую прорву обуви было физически невозможно. Тогда где причина? В своих мемуарах Брусилов дает ответ: это случилось не потому, что сапог было «слишком мало, а вследствие непорядков в тылу: чуть ли не все население России ходило в солдатских сапогах, и большая часть прибывавших на фронт людей продавала свои сапоги по дороге обывателям, часто за бесценок, и на фронте получала новые. Такую денежную операцию некоторые искусники умудрялись делать два-три раза. То же самое происходило и с одеждой, которую, не стесняясь, продавали, и зачастую солдаты, отправленные из тыла вполне снаряженными и отлично одетыми, обутыми, на фронт приходили голыми. Против таких безобразий никаких мер не принималось, или же были меры недостаточные и не дававшие никаких благих результатов».

Брусилов в мемуарах не уточнил, что это за «недостаточные» меры. Его приказы в бытность командующим 8-й армией, а затем Юго-Западным фронтом, красноречивы — все чины маршевых рот, прибывшие в части с недостачей в выданном им вещевом довольствии, получают по 50 розог. В отличие от мемуаров, в приказах утверждалось, что порка давала отличные результаты, воин приобретал уставной вид.

Таковы при самом беглом рассмотрении причины важнейших нехваток в русской армии в 1914—1915 годах. Они случились не потому, что страна исчерпала ресурсы, а явились следствием нараставшего хаоса, создаваемого в определенной степени умышленно соперниками царизма в правящих кругах. Эта тактика совпала с усиливавшимся отвращением к войне самых широких народных масс. Недостаток и перебои в боевом снабжении, раздутые буржуазной печатью, служили оружием для компрометации существовавшего строя. То, что в результате всего этого армия несла неоправданные потери, не волновало толстосумов. Сотни тысяч жизней русских людей приносились в жертву корыстным интересам буржуазии. Это была национальная измена, выдача страны врагу.

Только ленинская политика большевиков, нацеленная на социалистическую революцию, могла спасти в этих условиях нашу Родину от катастрофы, к которой вели ее правящие классы.

ГАНГРЕНА САМОДЕРЖАВИЯ

История вынесла суровый и справедливый приговор российскому самодержавию. Царизм душил свободу, сковывал великую страну, лишал Россию возможности занять подобающее ей место в мире. Партия большевиков, возглавившая борьбу против самодержавия, привела ее к триумфу. В невероятно тяжелой схватке с трехсотлетним чудовищем большевики никогда не делали акцента только на личностях, а вели беспощадную войну против самого института самодержавия. Агитационная и пропагандистская работа большевиков, строившаяся на научной базе марксизма-ленинизма, никоим образом не касалась того представления о троне, которое захлестнуло Россию в годы первой мировой войны, типа «Царь с Егорием, а царица с Григорием».

Скандальную славу двору создавали те, кто был заинтересован в отстранении от власти Николая II и обязательном сохранении в стране эксплуататорского строя. То было дело рук противников самодержавия в самой верхушке российской буржуазии, домогавшейся полной и безраздельной власти. Эти люди имели широкие возможности и практически неограниченные средства для систематической компрометации династии и внешне убедительное объяснение своей деятельности — они-де пекутся только и исключительно об интересах «народа». На деле главным и единственным побудительным мотивом этой кампании была ненасытная жажда власти российского буржуа.

К войне они набили руку в деле, затеянном задолго до описываемых событий. С. Ю. Витте диагностировал цель этой кампании еще в зародыше. Сложились союзы, отмечал он, «общественных деятелей» типа Гучкова, Львова с «людьми большого таланта пера и слова и наивными политиками» — Милюковым, Набоковым и иными. «Все эти союзы различных оттенков, различных стремлений были единодушны в поставленной задаче — свалить существующий режим во что бы то ни стало, и для сего многие из этих союзов признали в своей тактике, что цель оправдывает средства, а по-

тому для достижения поставленной цели не брезговали никакими приемами, в особенности же заведомой ложью, распускаемой в прессе. Пресса совсем изолгалась...»

Фабрика слухов и сплетен, бесперебойно функционировавшая до 1914 года, усилила свою работу с началом войны. Поражения на фронтах подкидывали пищу чернильным гиенам, обосновавшимся в редакциях буржуазных газет.

К 1916 году организаторы этой кампании добились значительных успехов, немало людей начали смотреть на происходившее в Петрограде, а следовательно на ход войны, их глазами.

Набор стандартных клише, изготовленных преимущественно кадетами, превращался в общепринятый стереотип мышления, особенно в провинциальной России. Одного примера достаточно, чтобы проиллюстрировать действие отработанного механизма пропаганды. Будущий Маршал Советского Союза К. А. Мерецков в то время работал на небольшом предприятии в глухом городишке Владимирской губернии. Что и откуда могли узнать обыватели о происходившем?

«Главным поставщиком новостей во Владимирской губернии, — писал он, — считалась газета «Старый владимирец». Она содержала сведения, несколько отличавшиеся от обычных, официальных. Это объяснялось тем, что ее издатели, связанные с партией кадетов, могли получать новости непосредственно из Питера и Москвы. Оторванные в своем лесном углу от российских центров и не всегда имея возможность побывать даже во Владимире, жители Судогды с нетерпением ожидали свежие газеты. Всех волновало, что происходило в столице. А судя по отрывочным сообщениям, надвигались грозные события. Газеты глухо писали о беспорядках и выстрелах на улицах Петрограда, об ожидаемых переменах. Ходили всевозможные слухи о генералах-изменниках, о том, что царица продает Россию немцам. Большое оживление вызвало известие об убийстве в конце 1916 года сибирского конокрада Г. Распутина, пользовавшегося неограниченным расположением царицы и распоряжавшегося в стране как в своей вотчине».

Руководители буржуазии сеяли недоверие к правительству, командованию армии, с тем чтобы волна все-

общего негодования вынесла их к министерским креслам. Не интересы народа, а достижение своих целей двигало эту кампанию. Напор ее можно сопоставить только с жестоким голодом по власти, терзавшим российский крупный капитал. Колупаевы и разуваевы были готовы на все, чтобы удовлетворить его.

* * *

История дала тому немало примеров. Когда в войне случаются поражения, их легче и проще всего объяснять «изменой». А где свершается черное дело, там, конечно, должны кишеть «шпионы».

Как строятся умозаключения в таких случаях, показал Анатоль Франс в «Острове пингвинов». «В том, что Пиро действительно украл восемьдесят тысяч охапок сена, никто ни минуты не сомневался; не сомневался потому, что полное незнание обстоятельств дела не допускало сомнений, ибо сомнение требует оснований. Можно верить без всякого основания, но нельзя сомневаться, не имея оснований. Не сомневались и потому, что повсюду об этом говорилось и что в глазах большинства повторять — значит доказывать. Не сомневались потому, что желали, чтобы Пиро оказался виновным, — а всегда верят в то, чего желают». Эти слова А. Франса советский историк К. Ф. Шацилло уместно привел, открывая свой блестящий очерк «Дело» полковника Мясоедова» («Вопросы истории», 1967, № 4).

Мясоедовщина в годы той войны — символ измены, будто бы свившей свое гнездо, в самых верхах Петрограда. Жандармский генерал А. И. Спиридович, десять лет возглавлявший охрану дворца, считал, что «дело» Мясоедова сыграло не меньшую роль в падении царского режима, чем убийство Распутина.

Началось все это еще до войны. Полковник С. Н. Мясоедов был старшим жандармским офицером на пограничной станции Вержблово. Он исправно нес службу, ловил революционеров и умел угодить важным лицам, часто проезжавшим станцию. Его обласкал и одарил Николай II, другой император, Вильгельм II, приглашал русского полковника в охотничье имение, находившееся поблизости у русской границы,

и даже подарил свой портрет с автографом. Потомственный дворянин Мясоедов, понятно, имел несравненные качества царедворца и страсть к наживе не очень респектабельными путями, особенно контрабанде.

Успехам Мясоедова на этом поприще позавидовали чины соперничающего ведомства — охранки. Они попытались подсидеть жандармского полковника, подсунув в партию контрабанды оружие и листовки. Предупрежденные пограничники задержали контрабандистов, их предали суду, надеясь свалить вину на Мясоедова. Он, однако, явился в суд свидетелем и разоблачил провокаторов. Вышел изрядный скандал, запачкавший охранку и жандармерию. Подсудимых оправдали, а Мясоедова за неуместную правдивость выгнали со службы. Охранка затаила на него страшную злобу, ибо Мясоедов нарушил, как говорил глава департамента полиции С. П. Белецкий, железное правило: «Розыскные офицеры в смысле выдачи сотрудников были воспитаны в том, что эта тайна должна умереть вместе с ними, они не могли ее открыть. Они были наказаны примером» — судьбой Мясоедова.

Несмотря на заступничество высоких лиц, в том числе вдовствующей императрицы — матери Николая II, Мясоедов остался не у дел. Он безуспешно пытался заняться коммерцией, связавшись с группой дельцов с немецкими фамилиями. Тут отставному полковнику повезло. Его жена познакомилась с супругой Сухомлинова, а затем военному министру представили эксжандарма. Донельзя похожие — легкомысленные жено- и жизнелюбы, они понравились друг другу, и осенью 1911 года Сухомлинов добился у царя разрешения взять Мясоедова на службу. Полковник был восстановлен в корпусе жандармов, и министр поручил ему учредить нечто вроде личной контрразведки в армии.

Не прошло и полугода, как над Мясоедовым разразилась гроза. «Генерал Отлетаев», как звали Сухомлинова, случился в очередном отъезде, а в военное министерство пришло письмо от министра внутренних дел о Мясоедове, который через цепочку фирм будто бы связан с кем-то замеченным в шпионаже. «Так впервые, — замечает Шацилло, — имя Мясоедова цепочкой из нескольких звеньев оказалось связанным со словом «шпион». Немецким агентом объявляли не его,

и не его знакомого, и даже не знакомого его знакомого. Но страшное слово было произнесено». Письмо попало в руки помощника Сухомлинова Поливанова, уже тогда метившего на кресло своего шефа. Он помчался к Гучкову поделиться волнительным известием — есть материал против военного министра, а с ним лидер октябристов уже вел борьбу.

Типичный московский купчина-самодур Гучков всю жизнь искал сильных ощущений и нашел их в роли спасителя военной мощи России. Он почитал себя крупным стратегом, но, записал Витте, «с военным делом встречался лишь как военный авантюрист». Во время англо-бурской войны его занесло в Африку, где он получил пулю в ногу. Прослышав о строительстве КВЖД, Гучков напросился туда ротмистром охранной стражи, но был уволен за вызов на дуэль. Витте не считал «возможным допускать, чтобы русские люди, приехавшие в Китай, чтобы делать государственное дело, давали китайцам своего рода представление в форме дуэли, по понятиям китайцев, просто представление самоуничтожения, а потому если кто-либо желает драться на дуэли, то пусть уезжают в пределы России и там, если хотят, дерутся и несут все последствия, с сим сопряженные... Вот и вся практика Гучкова в военном деле и вся его военная школа. Затем Гучков, принадлежа к купеческой семье, если чем-либо серьезно и занимался, то только высшей коммерцией в прямом смысле этого слова, т. е. торговал».

Привычными методами купчины и начал действовать Гучков. Вместе с редактором «Вечернего времени» Б. Сувориным он в апреле 1912 года пустил в русскую печать разоблачительные статьи под броскими заголовками: «Кошмар», «Кто заведует в России военной контрразведкой». Действительно ужас — шпион во главе организации, созданной для борьбы со шпионами. Конечно, Мясоедов для Гучкова был поводом, он целил в военного министра, сделав 3 мая сенсационное заявление: «Циничная беспринципность, глубокое нравственное безразличие, ветреное легкомыслие, в связи с материальной стесненностью и необходимостью прибегать к нечистоплотным услугам разных проходимцев, и, наконец, женское влияние, которое цепко держало Сухомлинова в рабстве, — все это делало его легкой добычей ловких людей... Русский военный ми-

нистр — в руках банды проходимцев и шпионов... Я решил бороться и довести дело до конца».

Решил довести дело до конца и Мясоедов. Он вызвал на дуэль Суворина, тот отказался. Полковник отпустил ему несколько увесистых затрещин и с тем же предложением отправился к Гучкову. Купец не мог упустить случай прославиться. Они стрелялись. Гучков получил царапину и великую славу. Когда он с рукой на перевязи появился в Таврическом дворце, Дума устроила ему бурную овацию. Мясоедову пришлось уйти в отставку. Он взывал о справедливости, требовал отмести клевету, подал на Гучкова и Суворина в суд. Дело замяли, в газетах прошли опровержения, а расследования военно-судного управления, военного министерства и министерства внутренних дел доказали, что на Мясоедова возведен поклеп. О чем официально объявили и в Думе. С Сухомлиновым Мясоедов рассорился, полагая, что министр, по горло сытый скандалами, не сделал всего для защиты душевного друга.

С началом войны Мясоедов обычным порядком (Сухомлинов здесь ни при чем) пошел в армию и оказался в знакомых местах — он занимался войсковой разведкой в Восточной Пруссии. Он работал очень хорошо, «ободрял примером» под огнем солдат и, верный старой привычке, тащил из брошенных домов «трофеи», сущие пустяки. Но вокруг него снова завязался клубок интриг — приятель Гучкова Ренненкампф, подозревая в чем-то полковника, приставил к нему агентов. В феврале 1915 года случилось несчастье — гибель XX корпуса в Августовских лесах, отход 10-й армии. Ставка разгневанно искала виновников.

В это время из немецкого плена явился некий подпоручик Колаковский. Он поведал удивительную историю — согласился-де быть немецким шпионом, чтобы добиться освобождения. Подпоручик плел несуразицу, которой не придали бы значения, если бы в его показаниях не мелькнуло имя Мясоедова (по воле Колаковского или по внушению — неизвестно). Николаю Николаевичу доложили об этом, и он распорядился немедленно судить Мясоедова. Еще бы! Попался человек ненавистного Сухомлинова. Мясоедова схватили, арестовали еще 19 человек, включая его жену, и стремительно раскрутили дело о «шпионаже», которое ни-

ЙСКОЕ МОРЕ
Рига
Митава
Якобштадт
Мемель
№5
Двинск
Неман
Ковно
№6
Кенигсберг
Вильно
Данциг
№1
Августов
Лида
Осовец
Гродно
Торн
Прасныш
Ломжа
Варта
№2
Висла
Барановичи
Новогеоргиевск
Брест-Литовск
Варшава
Калиш
Пинск
Ивангород
Владимир
Вол.
Сандомир
Луцк
Плес
Дубно
Перемышль
Броды
Краков
Львов
№4
№3
Тарнополь
Станислав
ВЕНА
Черновицы
№3
Будапешт

Условные обозначения

Фронт к началу 1915 года.

№ 1 Февральская операция в Восточной Пруссии.

№ 2 Праснышская операция.

№ 3 Карпатская операция.

№ 4 Горлицкий прорыв.

№ 5 Риго-Шавельская операция.

№ 6 Свенцянский прорыв.

Фронт к осени 1915 года.

чем не подтверждалось. Единственного «свидетеля» Колаковского надежно спрятали, и он нигде не появлялся.

Когда 18 марта 1915 года в Варшавской цитадели собрался суд, исход был предрешен — верховный главнокомандующий уже распорядился «повесить», не дожидаясь утверждения им приговора. Мясоедову голословно инкриминировалась передача в течение многих лет до войны «самых секретных сведений» германским агентам. Судей не заботило, что не было названо ни одного имени, как и то, что все это было признано клеветой еще до войны. На суде фигурировала справка о расположении частей 10-й армии в январе 1915 года. Она была дана Мясоедову официально перед поездкой по фронтовой линии, что он и объяснил. Подсудимый, естественно, не признал себя виновным в «шпионаже», согласившись только с одним пунктом обвинительного акта — мародерство, пояснив: брал с ведома начальства и не один — «все берут».

Приговор — повесить чудовищной горой свалился на пятидесятилетнего полковника. Он дико закричал, требуя фактов, уличающих его в шпионаже. Охрана уволокла его в одиночку, явился священник для совершения таинств исповеди и причастия. Мясоедов, человек опытный, только взглянув на кислую физиономию попа, понял, что петля уже готова. (Было решено по-

весить его через два часа после вынесения приговора.) Полковник, который при всех своих отрицательных качествах не был трусом, сохранил присутствие духа. Он набросал телеграмму жене и дочери: «Клянусь, что невиновен, умоляй Сухомлиновых спасти, просите государя императора помиловать» и попросился в туалет. Там, сломав пенсне, он нанес стеклом глубокий порез в области сонной артерии. Вероятно, он надеялся потянуть время.

Но палачи торопились. Нарушив элементарные законы в суде, они не стали возиться с раненым. Истекающего кровью Мясоедова на руках отнесли в камеру, кое-как перевязали, подтащили к виселице и вздернули. Приговор пошел по телеграфу на утверждение Николая Николаевича после казни.

По делу повесили еще нескольких человек, кое-кто угодил на каторгу. В ставке торжествовали — «шпионы» изобличены. Генералы проявили поразительную близорукость — они не понимали, что казнью Мясоедова и других сами дали основания говорить о том, что в штабах окопались изменники. Сплетни о «немецком золоте» получили реальное подтверждение — помни о Мясоедове! Преследуя свою узкую цель как-то оправдать поражения и нанести удар ненавистному Сухомлинову, генералитет потряс самые основы доверия к режиму. Максимальную выгоду из случившегося извлек Гучков и, конечно, «общественность». Презренная буржуазия предстала в тоге честнейших патриотов. Гучков сдержанно торжествовал, скорбно закатывал глаза и внушал, что если он оказался прав в 1912 году, выйдя к барьеру против «шпиона», то вдвойне прав теперь, в разгар войны, утверждая, что власти достойна только «общественность».

Круглым дураком во всей этой истории оказался Сухомлинов. Под градом обвинений в срыве снабжения армии он не разглядел, что дело Мясоедова — бомба замедленного действия, подложенная под него самого. Он пальцем не пошевелил, чтобы разобраться в обвинениях Мясоедову, а узнав о его казни, с облегчением пометил в дневнике: «Бог наказал этого негодяя за шантаж и всякие гадости, которые он пытался мне устроить за то, что я его не поддержал». Старик не видел, что речь шла не о поддержке Мясоедова, а нужно было спасать собственную шкуру.

Верховная следственная комиссия, занявшаяся делами бывшего военного министра, была создана в августе 1915 года «для всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиной несвоевременного и недостаточного пополнения запасов военного снаряжения». Очень быстро политика вторглась в расследование, и формула обвинения Сухомлинову стала звучать так: «противозаконное бездействие и превышение власти, подлоги по службе, лихоимство и государственная измена». Последние два слова заслонили все, так только и говорили о заточенном в Петропавловской крепости бывшем военном министре. По стране поползли дикие и темные слухи о поголовном засилье «шпионов». Сухомлинову в первую очередь ставили в строку дело Мясоедова.

По ту сторону фронта истерическая кампания в России вызывала величайшее удовлетворение, на глазах подрывался моральный дух противника. Руководитель австрийской разведки М. Ронге много лет спустя после окончания войны писал: «Русское шпионоискательство принимало своеобразные формы. Лица, которые были ими арестованы и осуждены, как, например, жандармский полковник Мясоедов, Альтшуллер, Розенберг, председатель ревельской военной судостроительной верфи статс-секретарь Шпан, военный министр Сухомлинов и др., не имели связи ни с нашей, ни с германской разведывательной службой. Чем хуже было положение русских на фронте, тем чаще и громче раздавался в армии крик — предательство!»

Руководитель германской разведки пресловутый полковник В. Николаи называл в своей книге, вышедшей в 1925 году, дело Мясоедова и все сопряженное с ним «необъяснимым», ибо «Мясоедов никогда не оказывал никаких услуг Германии». Бывший подчиненный Николаи лейтенант Бауермайстер, заочно приговоренный к смерти вместе с Мясоедовым, подтвердил, что обвинение в шпионаже жандармского полковника — выдумка. Хотя в делах такого рода возможна ложь, в данном случае трудно заподозрить в ней немецких разведчиков. Они писали в то время, когда Германия готовила реванш и все ее достижения в первую мировую войну поднимались на щит. Наконец, в парижской эмигрантской газете «Последние новости» осенью 1936 года сразу после смерти Гучкова бы-

ли опубликованы его воспоминания. В них он именовал Мясоедова «шпионом», имея в виду, что в 1912 году Сухомлинов держал его, жандарма, для проверки благонадежности офицеров.

Но откуда узнавал враг военные тайны русской армии? Конечно, о «шпионах» где-то в правительстве говорить смешно, дело обстояло много проще. «Нашу осведомленность, — писал М. Ронге, — русские объясняли предательством высших офицеров, близко стоящих к царю и высшему армейскому командованию. Они не догадывались, что мы читали их шифры. В общей сложности нам пришлось раскрыть около 16 русских шифров. Когда русские догадались, что их радиограммы их предают, они подумали, что мы купили их шифры». Радиоболтовня штабов, стоившая России 2-й армии Самсонова, практически продолжалась всю войну...

В 1915—1916 годах вся читающая и думающая Россия ожидала процесса над Сухомлиновым, который поднимет занавес над ужасами, творящимися в Петрограде. С большим запозданием цепные псы престола стали интуитивно догадываться, что осуждение Сухомлинова бумерангом ударит по самодержавию. Но с его делом зашли слишком далеко. Стали искать выход, чтобы избежать гласного суда. В начале 1916 года начальник канцелярии министерства императорского двора А. А. Мосолов предупреждал правительство: «Суд над Сухомлиновым неминуемо разрастется в суд над правительством. Эхо происходящего в суде раздастся преувеличенно в кулуарах Думы, откуда в чудовищных размерах разольется на улицу и проникнет в искаженном виде в народ и армию — пятная все, что ненавистно народу, — полагаю при этом, что правительство, несмотря на все принятые им меры, не будет иметь полной уверенности оградить верховную власть от брызг той грязи, которую взбаламутит этот суд. Наконец, является вопрос — допустимо ли признать гласно измену военного министра Российской империи».

Решили избежать гласности, предав Сухомлинова военно-полевому суду. Мосолов, не предрешая порядка привлечения его к ответственности, заключил: «Во всяком случае, напряженность ожидания решения вопроса о Сухомлинове теперь так велика, что для правильного течения дел государственных необходимо,

возможно, безотлагательно принять то или иное решение».

Муссирование в России «измены» Сухомлинова, бесконечные разговоры о ней в думской среде, злорадство буржуазных газет выглядело абсурдом с позиции тех, кто вел войну против Германии. Рафинированный аристократ министр иностранных дел Англии лорд Грей брезгливо бросил думской делегации в Лондоне: «Ну и храброе у вас правительство, раз оно решается во время войны судить за измену военного министра».

Правительство нельзя было назвать храбрым, в конце 1916 года Сухомлинов разгуливал по Петрограду, с него взяли только подписку о невыезде. Лечение оказалось хуже болезни — вопли об «измене» удесятерились. Открыто говорили, что «немцы» добились своего, «изменник» на свободе. Твердили о загадочных интригах, а дело было куда как просто.

Энергичная Е. В. Сухомлинова оберегала своего драгоценного «Азора». Она подняла на ноги правительство — в камере престарелого супруга в крепости клопы! Его перевели в лучшее помещение. Вытащив престарелого супруга из клоповника, Екатерина Викторовна отправилась к Распутину, вступила с ним в «известные отношения» (так записывалось в официальных документах), добралась до Вырубовой, а та свела ее с императрицей, и Сухомлинов увидел свободу [1].

Все остались довольны. Екатерина Викторовна честно вынесла свою долю тягот, попутно сумев влюбить

---

[1] С приходом к власти Временного правительства Сухомлинов был снова арестован. 27 сентября 1917 года он был приговорен к высшей мере наказания — бессрочной каторге. Представшая вместе с мужем перед судом Сухомлинова была оправдана. Сухомлинову вменялось в вину, помимо прочего, что он «сообщал Мясоедову, заведомо для него, Сухомлинова, состоявшему германским агентом», военные сведения, «оказал содействие к вступлению Мясоедова в действующую армию и продолжению его изменнической деятельности и тем заведомо благоприятствовал Германии в ее военных действиях против России». Таково было правосудие при буржуазном Временном правительстве, где Гучков был первым военным министром, а Поливанов председательствовал в комиссии по демократизации армии. По амнистии, объявленной Советской властью 1 мая 1918 года, Сухомлинов был освобожден и скрылся за границу. Он умер в 1926 году в эмиграции, Сухомлинова скончалась там же относительно молодой женщиной.

в себя Распутина. Он, знаток и ценитель женщин, изрек: «Только две женщины в мире украли мое сердце — это Вырубова и Сухомлинова».

Поразительно! «Ведь это не шутки, — говорил Шульгин, — выпустить из тюрьмы во время войны главного военного преступника, обвинявшегося в измене, имя которого стало притчей во языцех. Дума по поводу этого бушевала. И можно себе представить, как реагировала на это армия, пережившая все ужасы позорного отступления по вине преступного министра».

Так что — Распутин был всемогущ?

* * *

Нет, конечно. Кто и что Распутин, Григорий Ефимович Распутин, 1872 года рождения, крестьянин села Покровского Тюменского уезда Тобольской губернии? Козырной туз в крапленой колоде буржуазии, ведшей нечистую игру, где высшей ставкой была власть. Разница между тем, кем он был, как видел себя и как его представляли, точнее, представили России, неизмеримая.

Григорий Распутин в молодости примазался к племени юродивых и провидцев, ютившихся у монастырей и церквей. Обладая завидной самоуверенностью и мужицкой сметкой, «Гриша-провидец» нашел их ремесло куда доходнее и спокойнее, чем конокрадство, и пробрался из далекой Сибири в великосветские салоны Петербурга. А там свихнулись на православном язычестве, все искали «чуда» — и оно явилось прямо из Сибири в виде кондового косноязычного мужика, говорившего нечто таинственное, непонятное, а потому неотразимо притягательное.

В 1905 году Распутин объявился в Царском Селе. Путь в царские чертоги проложил ему великий князь Николай Николаевич. Его в 33 года, возрасте Христа, почтительно именовали «старцем». Атмосфера жизни августейшей семьи была пропитана мистикой, спиритизмом, поклонением перед оккультными «науками». Императрица Александра Федоровна, истосковавшаяся в ожидании наследника, души не чаяла в родившемся наконец сыне и боялась за его жизнь. Гемофилия (несвертываемость крови) ежедневно грозила отправить наследника российского престола на тот свет.

Раскинув хитрым мужицким умом, разузнав судьбы предшествующих «провидцев» у трона (хотя бы Папюса и Филиппа, предсказания которых не оправдались, за что их прогнали), Распутин сыграл на болезненной привязанности императрицы к наследнику.

Он с подобающей серьезностью, показной искренностью внушительно предрек, что, пока грешный Григорий возносит молитвы у трона, отрок будет здравствовать. За справедливость удивительного сообщения поручилась та, кто почиталась высочайшим авторитетом при императрице, фрейлина Вырубова. Оборотистый Гришка мигом втерся в доверие к Вырубовой, карьера которой при дворе была головокружительной.

В 1904 году двадцатилетняя Танеева, дочь старых придворных, была взята фрейлиной. Между ней и императрицей возникла какая-то поразительная привязанность. Александра Федоровна решила облагодетельствовать командира уланского полка, беспробудного пьяницу генерала Орлова, и, ядовито писал Витте, «пожелала его женить на своей фрейлине Анне Танеевой, самой обыкновенной, глупой петербургской барышне, влюбившейся в императрицу и вечно смотревшей на нее влюбленными медовыми глазами со вздохами «ах, ах!». Сама Аня Танеева некрасива, похожа на пузырь от сдобного теста.

Генерал Орлов от сего удовольствия устранился. Аню Танееву императрица выдала за лейтенанта Вырубова. Венчание Ани Танеевой с Вырубовым было особенно торжественно в Царском Селе, с малым выходом и плачем. Неутешно плакала императрица, так плакала, как не плачет купчиха напоказ, выдавая своих дочек. Казалось бы, могла ее величество удержать свои слезы для пролития в своих комнатах. За невестой в Петербург ездил царский поезд».

Года не прожил лейтенант с Аней, они развелись в 1908 году. Отныне фрейлина ни на шаг не отходила от императрицы, вместе ходили, ели и проливали слезы — иногда почему-то над могилой Орлова, скончавшегося от горячительных напитков. Шла пустая придворная жизнь, которую немало оживил Распутин. Царь, надо думать, с облегчением вздохнул. «Лучше один Распутин, чем десять истерик в день», — неважно, была ли сказана эта сентенция или нет, она разнеслась по России. А в царском дворце перед взора-

ми многих глаз Распутин вел рассудительные, душеспасительные беседы. Был он благообразен, светел, тих, демонстрировал знание Священного писания и желание добра августейшей семье.

Хорошо владея мимикой, голосом, Распутин умел предстать прямодушным, открытым, абсолютно бескорыстным, вызывая на откровенность. В. Ф. Джунковский, одно время командовавший отдельным корпусом жандармов, свой человек при дворе, был убежден: «Императрица была настолько ослеплена, настолько у нее было заволочено, если так можно выразиться, влиянием Распутина, что она не сознавала, что делает. И кроме того, у нее была твердая вера, что, если Распутина не будет, наследник умрет».

Внешне в отношениях Распутина ко двору все было в высшей степени респектабельно. Вырубова отстаивала эту версию даже в 1917 году, когда давала показания в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Между ней и председателем происходили дивные диалоги:

Председатель: Ведь вы не отрицаете того, что были его горячей поклонницей?

Вырубова: Вы сказали — горячей поклонницей, это слишком много. Во всяком случае, он умный человек, мне казалось, самородок, и я любила его слушать...

Председатель: Разве вы позволяли ему целовать себя?

Вырубова: Да, у него был такой обычай... он всех тогда целовал три раза, христосовался.

Председатель: А вы не замечали в этом страннике никаких особенностей, может быть, он целовался не три раза, а много больше, не только христосовался, а немного больше?

Вырубова: При мне — никогда, я ничего не видела. Он был стар и очень такой неаппетитный...

На том и стояла бывшая фрейлина, защищая достоинство двора. Но другие свидетельствовали откровеннее. А. Н. Хвостов: «И на эту дураковатую истеричку он влиял поразительно: она целовала полы его кафтана!» Фантастический авантюрист И. Ф. Манасевич-Мануйлов: «Думаю, что это был половой психоз. По поводу Вырубовой я могу сказать следующее: по воскресеньям у Распутина была так называемая

«уха». Сидело за столом человек 20, по крайней мере. Так — сидит Распутин, так — Вырубова. Начинается о чем-то разговор, потом Распутин говорит: «Вот ты, Аннушка, само добро, от тебя добро идет». И начинает на эту тему говорить. Она смотрит на него совершенно дикими глазами, впивается в него и каждое слово его ловит, потом хватает его руку и при всех (тут были самые подозрительные дамы) целует ее».

Кто, кого, как и где целовал — для истории безразлично. Ход мысли комиссии, занимавшейся этим, непонятен. Важнее другое — понимали ли при дворе, что за человек Распутин. Монархисты до гроба были убеждены, что он сумел ввести в заблуждение верховную власть. Шульгин сокрушался:

«Царской семье он обернул свое лицо «старца», глядя в которое царице кажется, что дух божий почивает на святом человеке. А России он повернул развратную рожу, пьяную и похотливую рожу лешего-сатира из Тобольской тайги. Ну из этого — все.

Ропот идет по всей стране, негодующей на то, что Распутин в покоях царицы.

А в покоях царя и царицы — недоумение и горькая обида. Чего эти люди беснуются? Что этот святой человек молится о несчастном наследнике? О тяжело больном ребенке, которому каждое неосторожное движение грозит смертью, — что их возмущает? За что? Почему?

Так этот посланец смерти стал между троном и Россией. Он убивает, потому что он двуликий. Из-за двуличия его обе стороны не могут понять друг друга. Царь и Россия с каждым часом нарастающей обиды в сердце ведут друг друга за руку в пропасть».

Можно дурачить год, другой, но не десять же с лишком лет, а именно столько Распутин был при дворе. Художества Распутина происходили на глазах тайной полиции, охранявшей его. Между охранкой и Распутиным установились самые душевные отношения. Начальник его охраны полковник жандармерии М. С. Комиссаров поначалу послушал божественные поучения подопечного, но, замечал Белецкий, «отучил его от этого, налив ему рюмку вина. Комиссаров сказал: «Брось, Григорий, эту божественность, лучше выпей, и давай говорить попросту». Это даже понравилось Распутину, и с того времени Распутин совершен-

но не стеснялся нас», т. е. полиции, постоянно находившейся у него на квартире. Филеры сопровождали «старца» даже в баню.

Полиция стремилась быть в курсе жизни Распутина. Он празднует день своего ангела. Из секретного фонда полиции отпускаются средства на покупку подарков имениннику — столовое серебро, золотые вещи для его жены и детей. Распутин растрогался и разрешил филерам полюбопытствовать, «как в хороших домах веселятся господа».

С утра все было чинно и спокойно — поздравительные телеграммы от высочайших особ, завтрак с Вырубовой, поток посетителей и ливень подарков — золото, серебро, ковры, целые гарнитуры мебели, деньги. Затем именитые гости и семья уходят, и к вечеру собирается интимный кружок, преимущественно женщины. «Наконец, — докладывалось в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, — самый разгар веселья начался с приездом цыган, прибывших его поздравлять с днем ангела. Все, кроме цыган, перепились; более благоразумные дамы поспешили уехать; те же, которые остались, были охвачены вместе с Распутиным, дошедшим и в пляске, и в опьянении до полного безумия, такой разнузданностью, что хор цыган поспешил уехать, а оставшиеся посетители в большинстве остались ночевать у Распутина. На другой день мужья двух дам, оставшихся на ночь в квартире Распутина, ворвались к нему с обнаженным оружием в квартиру, и филерам стоило большого труда, заранее предупредив Распутина и этих дам и тем дав им возможность скрыться из квартиры по черному ходу, успокоить мужей, проведя их по всей квартире и давши уверение, что их жен на вечере не было, а затем проследить за ними и выяснить их. По словам Комиссарова, филеры не могли, докладывая ему, без омерзения вспоминать виденные ими сцены в этот вечер».

Как бы ни старалась полиция покрыть трактирные развлечения Распутина, образ его жизни был хорошо известен, из уст в уста передавались рассказы, в которых неизменно фигурировали дамы высшего света. Да он и сам не очень таился.

Газета «Новое время» напечатала занятное интервью с Распутиным о том, как он «приобщал к богу»

своих великосветских поклонниц, приехавших к нему в Сибирь, обуреваемых богоискательством. «Старец» сообщил: «Приобщиться к богу можно только самоунижением. И вот я тогда повел всех великосветских дам — в бриллиантах, в дорогих платьях, повел их всех в баню (их было 7 женщин), всех их раздел и заставил себя мыть. Вот они унизились перед богом». Поучительное интервью перепечатала западноевропейская пресса.

Самый желанный взгляд для обывателя — через замочную скважину. Распутин сполна и даже больше удовлетворял ненасытное желание такого рода. Столица жужжала слухами, они растекались по стране.

Грязь, в которой он купался, пачкала двор. Как-то после очередного кутежа Распутина в «Яре» царь рассвирепел, «старца» даже прогнали. Николай II не желал слушать его оправданий, что он не святой, а грешный человек. Царь не мог не знать, что Распутин был прожженным дельцом, изрядным плутом. Он сумел вымогательством собрать около 300 тысяч рублей.

Когда еще до войны о пагубном влиянии Распутина на царя открыто заговорили в стране, в том числе с думской трибуны, некоторые монархисты забеспокоились. Они настойчиво обращались к царю с просьбой отстранить Распутина. Иные из них шли дальше. Ялтинский градоначальник генерал Думбадзе направил в департамент полиции шифрованную телеграмму: «Разрешите мне избавиться от Распутина во время его переезда на катере из Севастополя в Ялту». Телеграмма была доложена министру внутренних дел, никаких распоряжений сверху не последовало. Распутин был неуязвим, хотя против него стала роптать и православная церковь. Кличка «святой черт» прочно прилипла к нему. Тогда в чем дело?

Бывший секретарь петербургского митрополита Питирима, доброго союзника и завистника Распутина, И. З. Осипенко рассказывал, что, как бы ни ненавидели Распутина в душе эти люди, в свое время они пресмыкались перед ним. Осипенко знал очень много, он был в центре интриг распутинского кружка. Распутин именовал его «своим Ванькой». Через Осипенко совершались самые тайные дела.

«У меня сейчас такое сложилось впечатление, —

говорил Осипенко, — врали все они до смерти, заврались и после смерти или вернее: врали будучи у власти, врали и сойдя случайно с нее, а себя все выгораживали, унося в могилу ложь... Пишут ли они о себе, как они заискивали у Распутина и целовали руку святого черта? Думаю, что этого не написали и никому не сказали, а это, несомненно, было».

Вот и разгадка: дело было не в Распутине, а в распутинщине — нравах царского двора, прогнивших порядках высшего звена управления Российской империи. Питирим, ненавидевший Распутина, по словам Осипенко, отзывался о нем: «Богу молись, а черта не трогай, хоть нечистая, а все же сила». На этой удобной платформе иеромонахи православной церкви до поры до времени мирились с Распутиным, сектантом-«хлыстом».

Что касается личности Распутина, то Осипенко настаивал: «Сколько приходилось видеть Распутина в присутствии Вырубовой — он казался тихим, но без нее я видел чуть ли не всегда с кулаками, нервно подергивающимся и кричащим, пожалуй, побуйнее, чем в пьесе «Заговор»... (Пьеса А. Н. Толстого «Заговор императрицы». — *Н. Я.*). Тогда было жутко даже подумать навлечь гнев Распутина».

Осипенко, естественно, не пожалел черной краски на Распутина, но и сам не был примером добродетели. В книге «Русский Рокамболь» (М., 1925 г.) коротко сказано: «При помощи Мануйлова и по уполномочию Питирима Осипенко для связи стал своим человеком у Распутина, а через Осипенко и по уполномочию Распутина Мануйлов сделался столь же своим в митрополичьих покоях, а помимо всего, Мануйлов оказался связанным с Осипенко и общностью основных природных вкусов и настроений: секретарь в митрополичьей опочивальне был, кажется, тем же, чем Мануйлов в альковах Мосолова и кн. Мещерского». Добавим: двое последних были ярыми монархистами, опорой престола.

Председатель Союза русского народа доктор А. И. Дубровин (по основному роду занятий, как писал Витте, «сволочь» и «мазурик») утверждал, что черносотенцы смотрели на Распутина «как на мерзавца, негодяя и сторонились от него». Суть рассуждений Дубровина состояла в том, что Распутин позорил

монархию. Он описал пресловутую «уху» у Распутина. Собрались за столом, «говорили на общие темы, не касались ничего и никого, а он разные поучительные фразы изрекал. Обед так был. Подают уху, он наливает тарелку, берет с блюда кусок рыбы и подает... И все от него получали, и все смотрели на него, как через его грязные руки приходила к ним благодать, и старались все, что на тарелку положено, съесть. Вижу, что тут происходит какое-то священное действие. Он после обеда ушел в комнату рядом. Ушел с Вырубовой. Выходит оттуда грузная, вся красная... быстро прощается, во дворец ехать нужно, «извините, государыня ждет»... Какие он там проделывал штуки, например, с Тютчевой, которая должна была следить за его опрятностью, фрейлина государыни. Как-то раз вбегает к государыне в слезах и говорит: «Прошу меня уволить от должности фрейлины и этого назначения, которое я несу. Он позволил себе черт знает что, он меня оскорбил так, что я не могу ему простить». Он пытался ею воспользоваться, и будто бы государыня ответила так: «Помилуйте, вы должны были радоваться этому обстоятельству, через него на вас снизойдет дух святой, должны были снести».

Так при ближайшем рассмотрении в который раз рушится легенда о том, что двор был в неведении о грязных делах Распутина.

Распутин и монархия были неотделимы, он был частью ее. Николай II, говорил Дубровин, «бесхарактерный, безвольный. Но почему я против него не восставал, у нас были разговоры. Ко мне являлись люди, которые мне задавали вопрос: ты видишь, понимаешь, у нас большой недостаток в том, что у нас царь слабоват. Ты по принципам монархист. Да. Но ведь непременно для того, чтобы этот принцип существовал и действовал, не нужно быть непременно верным Николаю II и т. д. Как бы ты посмотрел, если бы случился переворот и вместо Николая II стал кто-нибудь другой, и мог бы ты принять участие и пр. На это я отвечал: есть текст священного писания, «не касайся к помазаннику моему, он помазанник божий», и если мы терпим все то, что нам приходится от него терпеть, от его недостатков, отрицательных качеств, ты должен смотреть на это с религиозной точки зрения, как на наказание, как на явление временное, оно долж-

но пройти, и не наше дело соваться туда и изменять силой».

Отсюда логический вывод, по крайней мере для Союза русского народа, неприкосновенна монархия и все связанное с ней, то есть и Распутин. Нравственный ущерб, который он наносил самодержавию, нужно терпеть, как терпеть Николая II. Место, занимаемое Распутиным в высшей иерархии царской России, было строго очерчено — нести мистический вздор при дворе. Он, конечно, был вхож к императрице, и через него можно было обстряпать те или иные делишки, получить тепленькое местечко, но представлять дело так, будто он верховодил в России, — преувеличение. К тому же сам Распутин таинственными намеками раздувал свою значимость. Его собственные неумеренные амбиции буржуазия быстро использовала в своих целях.

Говорили, например, что одной безграмотной записки Распутина, начинавшейся стандартно: «Милай, помоги», достаточно для решения важнейших дел. Некий товарищ министра внутренних дел раскрыл технику культа «старца» при дворе. Он говорил Шульгину: «Правда вот в чем. Распутин прохвост и «каракули» пишет прохвостам. Есть всякая сволочь, которая его «каракули» принимает всерьез. Он тем и пишет. Он прекрасно знает, кому можно написать. Отчего он мне не пишет? Оттого, что он отлично знает, что я его последними словами изругаю. И с лестницы он у меня заиграет, если придет. Нет Распутина, есть распутство. Дрянь мы, вот и все. А на порядочных людей он никакого влияния не имеет. Мне же известно, будто он влияет на назначение министров. Вздор. Дело совсем не в этом. Дело в том, что наследник смертельно болен. Вечная боязнь заставляет императрицу бросаться к этому человеку. Она верит, что наследник только им и живет. А вокруг этого и разыгрывается весь этот кабак. Я вам говорю, Шульгин, сволочь — мы».

С отъездом царя с осени 1915 года в ставку в Могилев версия о всевластии Распутина пышно расцвела — он постоянно находился при императрице и наследнике в столице. Александра Федоровна именовала Распутина «нашим Другом», и ряд назначений состоялся не без его влияния. Антипатии и симпатии импе-

ратрицы в известной степени определялись Распутиным. Коль скоро она мнила себя руководительницей дел государственных, оставив царю военную стратегию, складывалось впечатление, что над страной царит Распутин.

Снова преувеличение. Даже ничтожный царь в ответ на внушения царицы следовать указаниям «божьего человека» твердо отвечал (письма относятся к 1916 году): «Мнения нашего Друга о людях бывают иногда очень странными... поэтому нужно быть осторожным, особенно при назначении на высокие должности». И в другом письме: «Только прошу тебя, не вмешивай нашего Друга. Ответственность несу я и поэтому желаю быть свободным в своем выборе». Переписка августейшей четы, конечно, не предназначалась для посторонних глаз, а в стране усилиями буржуазии складывалось твердое убеждение, что царь — марионетка в руках Распутина.

* * *

С осени 1915 года царь начал «новый курс». Решив преподать урок буржуазии, он обрушился на министров, осмелившихся иметь свое мнение. Из восьми министров, подписавших августовское письмо, были уволены двое, вскоре та же судьба постигла остальных шестерых. Вот и представляется случай определить размеры влияния Распутина.

В сентябре — октябре 1915 года буржуазия переставляет акценты в своей пропаганде. Если раньше утверждалось, что верховная власть не может вести войну без помощи «общественности», то теперь на первое место выдвигается обвинение — самодержавие и не помышляет о победе, а готовит постыдное предательство дела Антанты — сепаратный мир с врагом.

Накануне открытия земского съезда в Москве в сентябре 1915 года в доме Челнокова состоялось негласное сборище лидеров недавнего Прогрессивного блока, на котором присутствовали Львов, Гучков, Милюков, Шингарев, Коновалов и другие. На тайном толковище было сделано великое открытие — правительство-де находится во власти «Черного блока». Стоящие за ним «темные силы» спят и видят сепа-

ратный мир с кайзером. На совещании утверждалось, что отстранение великого князя Николая Николаевича — доказательство дьявольских козней «Черного блока». Отсюда задача «общественности» — сохранять хладнокровие, избегать разногласий в своей среде, которые только помогут «Черному блоку» осуществить его сатанинские замыслы. Отныне, вплоть до февральской революции, борьба против «Черного блока» и «темных сил» была знаменем и боевым кличем буржуазии.

Изо дня в день повторялись утверждения, что правые оказывают сильнейшее давление на царя пойти на «позорный мир» с Германией. Назывались «факты» — записка правых со 150 подписями в пользу мировой с Берлином. Говорили об этом официально в Думе, но не назвали ни одной фамилии. Муссировались слухи о тайных переговорах с Вильгельмом II.

Обвинения постоянно сосредоточивались на «немке» — императрице. Слова думцев и инсинуации из земско-городской среды принимались на веру — разве не было Мясоедова? Дальше — больше. Жена Родзянко в письме Юсуповой со слов некоего офицера сообщает убийственные сведения: «На фронте говорят, что она (царица) поддерживает всех шпионов-немцев, которых по ее приказанию начальники частей оставляют на свободе». Генерал Селивачев (генерал!) пометил в дневнике сразу после февральской революции: «Вчера одна сестра милосердия сообщила, что есть слух, будто из Царскосельского дворца от государыни шел кабель для разговора с Берлином». Не только пометил, но и прокомментировал: «Страшно подумать о том, что это может быть правдой — ведь какими жертвами платит народ за подобное предательство!»

Конечно, не обошлось без поминания Распутина. «Вечернее время» таинственно сообщало, что «старец», окруженный немецкими шпионами, проповедует сепаратный мир. А. Н. Хвостов, смещенный в начале 1916 года с поста министра внутренних дел, бросился в Москву и стал доказывать, что уволен за попытку отделаться от германских шпионов, кишевших вокруг «божьего человека». Родзянко крепко запомнил это и в Чрезвычайной следственной комиссии Временного

правительства категорически заявлял, что Распутин действовал по директивам из Берлина.

Доказательства? Эта самая комиссия, работавшая по горячим следам после крушения царского режима, домогалась их, дабы документально подтвердить недавние обвинения, исходившие от лиц, оказавшихся в 1917 году у власти. Вышел порядочный конфуз — существования «Черного блока», связанного с Германией, обнаружить не удалось. Блефом оказались и сведения о тайных переговорах с Германией. Документы внешнеполитического ведомства Германии, оказавшиеся доступными для исследования после второй мировой войны, не содержат каких-либо данных о серьезных связях царского режима с Германией в годы той войны. Берлин действительно пытался зондировать почву в отношении заключения мира с Россией, но, горестно комментировал Бетман-Гольвег в письме Фердинанду Баварскому в октябре 1916 года, все поползновения в этом направлении встретили на берегах Невы «эхо насмешек».

Хотя в России были крайне правые элементы, сокрушавшиеся по поводу войны с Германией как оплотом монархического принципа (существование их и воодушевляло Берлин на затеи в области тайной дипломатии), царизм всерьез не помышлял о сепаратном мире. Он не мог встать на этот путь, с величайшей проницательностью писал В. И. Ленин, «по соображению о том, что при теперешнем состоянии России ее правительством могли бы тогда оказаться Милюков с Гучковым или Милюков с Керенским» [1].

Лидеры российской буржуазии, поднявшие крик по поводу «Черного блока», конечно, не верили в его существование. Они неплохо знали об истинном положении вещей, хотя бы по личному опыту. И если уж говорить о том, кто был связан с Германией, то в первую голову представители торгово-промышленных кругов. Родзянко и Гучкова с достаточными основаниями обвиняли в покровительстве немецкой фирме «Проводник». За передачу сведений о русском военном флоте по обвинению в государственной измене было привлечено к ответственности правление страхо-

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 243.

вого общества «Россия», в состав которого входил тот же Гучков.

Под прикрытием дымовой завесы инсинуаций в адрес «темных сил» буржуазия собирала собственные силы, в ее представлении светлые. Работа шла по многим направлениям, но, высказывает мнение Мельгунов, «масонская ячейка и была связующим как бы звеном между отдельными группами «заговорщиков» — той закулисной дирижерской палочкой, которая пыталась управлять событиями».

Неслыханную энергию развивает Н. В. Некрасов, который шныряет повсюду, убеждая создать некую национальную организацию для напора на правительство. В дополнение к земским и городским союзам, настаивает он, нужно учредить союзы рабочих, промышленников, крестьян, кооперативов. «Надо всю Россию покрыть всероссийскими союзами», — суммируют информаторы охранки сущность его горячих речей. Во главе организации должен встать, говорил Некрасов, «союз союзов».

Конечно, некрасовские планы не могли увлечь рабочий класс, ибо авторитет большевиков неуклонно нарастал. Но некоторым силам они пришлись по вкусу. Осенью 1915 года стараниями С. Н. Прокоповича был учрежден Всероссийский кооперативный комитет. Были составлены внушительные программы его деятельности. В потенции Прокопович и К°, строившие комитет по эскизам Некрасова, видели в нем одно из средств осуществления сильной власти, разумеется, после того, как ее бразды возьмет в руки буржуазия. Однако эти прожекты были пресечены московским градоначальником, который в конце 1915 года закрыл комитет.

Прокопович настаивал на огосударствлении кооперации во время империалистической войны, а после Октябрьской революции ополчился на самую идею этого. Оно и понятно, Некрасов и Прокопович стремились поставить кооперацию на службу буржуазии и не могли представить себе, чтобы она была одним из рычагов диктатуры пролетариата.

Рука об руку с составлением далеко идущих планов шло выполнение неотложных задач, среди которых руководители буржуазии считали едва ли не самой важной установление контактов с командованием

армии и обработку его в надлежащем духе. Инициатором этих начинаний в ставке стал Гучков, который завязал самые тесные отношения с Алексеевым, занявшим в сентябре 1915 года пост начальника штаба верховного главнокомандующего. В ставку зачастил и заместитель Гучкова по Военно-промышленному комитету Коновалов. В Киеве глава местного ВПК Терещенко силился очаровать Брусилова, теперь командующего Юго-Западным фронтом.

Уговаривать Алексеева в том, что правительство никуда не годится, не приходилось. Он сам заявил И. П. Демидову, приехавшему в ставку по делам земского союза: «Это не люди — это сумасшедшие куклы, которые решительно ничего не понимают... Никогда не думал, чтобы такая страна, как Россия, могла бы иметь такое правительство, как министерство Горемыкина. А придворные сферы? — генерал безнадежно махнул рукой». Царица как-то за официальным обедом в ставке в Могилеве затеяла с ним разговор, убеждая, что приезд в штаб Распутина «принесет счастье» армии. Алексеев коротко ответил — для него этот вопрос решенный, если «божий человек» появится в ставке, он немедленно оставит свой пост. Разгневанная царица ушла не попрощавшись.

Он не был принципиальным противником визитов в ставку разных темных лиц, генерал Алексеев. Но только тех, которые были нужны ему. Военный корреспондент при ставке М. К. Лемке, очень неплохо информированный, записывает в дневнике в середине ноября 1915 года: «Очевидно, что-то зреет... Недаром есть такие приезжающие, о целях появления которых ничего не удается узнать, а часто даже и фамилию не установишь. Имею основание думать, что Алексеев долго не выдержит своей роли, что-то у него есть, связывающее с генералом Крымовым, именно на почве политической, хотя и очень скрываемой деятельности». Несколько позднее Лемке добавляет: «Меня ужасно занимает вопрос о зреющем заговоре. Но узнать что-либо определенное не удается. По некоторым обмолвкам Пустовойтенко (генерал-квартирмейстер ставки) видно, что между Гучковым, Коноваловым, Крымовым и Алексеевым зреет какая-то конспирация, какой-то заговор, которому не чужд еще кто-то».

Хотя впоследствии Гучков и его единомышленники не очень охотно делились воспоминаниями о своей деятельности в армии, есть данные, позволяющие судить об их целях. Полковник царской армии Н. И. Балабин рассказал: «Объезжая в 1916 г. войсковые части в качестве главноуполномоченного Красного Креста, Гучков в интимной беседе со мной в штабе дивизии высказывал мне серьезные опасения за исход войны. Мы единодушно приходили к выводу, что неумелое оперативное руководство армией, назначение на высшие командные должности бездарных царедворцев, наконец, двусмысленное поведение царицы Александры, направленное к сепаратному миру с Германией, может закончиться военной катастрофой и новой революцией, которая, на наш взгляд, грозила гибелью государству. Мы считали, что выходом из положения мог бы быть дворцовый переворот: у Николая нужно силой вырвать отречение от престола».

Учитывая дальнейшую судьбу Балабина — летом 1917 года при Временном правительстве он был начальником штаба Петроградского военного округа, — это признание существенно. Полковник, несомненно, входил в ядро той заговорщической ячейки, которую создавали в армии Гучков и иные. Средством убеждения и вербовки военных служили те самые слухи об «измене», и «сепаратном мире», и прочем, которые фабриковала буржуазия. Вероятно, в командовании армии им верили очень широко. Даже «мой косоглазый друг», как именовал Алексеева Николай II, сделавший его генерал-адъютантом, был заражен всеобщим поветрием. После февральской революции Деникин пристал к Алексееву с мучившим всех вопросом об «измене» императрицы. Алексеев ответил неопределенно и нехотя: «При разборе бумаг императрицы нашли у нее карту с подробным обозначением войск всего фронта, которая изготовлялась только в двух экземплярах — для меня и государя. Это произвело на меня удручающее впечатление. Мало ли кто мог воспользоваться ею...» Больше ни слова. Переменил разговор. Может быть, с запозданием прозрел, увидел плутни буржуазии?

Во всяком случае, в начале 1916 года страсти накалились. Горемыкин оказался под огнем сильнейшей

критики. Царь решил сманеврировать — сменить неуступчивого к Думе премьера. 2 февраля 1916 года на этот пост был назначен 68-летний «святочный дед» гофмейстер Б. В. Штюрмер. Его назначение должно было умиротворить людей типа Милюкова, но именно Милюков заметил о Штюрмере: «Совершенно невежественный во всех областях, за которые брался, он не мог связать двух слов для выражения сколько-нибудь серьезной мысли — и принужден был записывать — или поручать записывать — для своих выступлений несколько слов или фраз на бумажке». Думские краснобаи смеялись в глаза премьеру, когда он читал «по тетрадке» речи. По большей части Штюрмер многозначительно помалкивал, но личные дела умел обделывать прекрасно с надлежащими «канцелярскими уловками».

Штюрмер был угоден императрице и, конечно, как мог угождал Распутину. «Старец», почувствовав слабинку в старом царедворце, покрикивал на него. Хвастаясь своей силой в кругу сотрапезников, Распутин заявлял: «Он, старикашка, должен ходить на веревочке, а если это не так будет, то ему шея будет сломана». Несмотря на величественный и хладнокровный вид, Штюрмера так и прозвали «старикашка на веревочке». В тогдашней атмосфере все, что бы ни сказал пьяный Распутин, разносилось далеко.

Авторитет совета министров при Штюрмере упал еще больше. Бывший министр юстиции А. А. Хвостов говорил Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: «Из-за перемены одного лица на другое ничего нового не произошло, все как катилось по наклонной плоскости, так и продолжало катиться... Я не помню, чтобы у Штюрмера было какое-нибудь чисто политическое совещание». Впрочем, видимость деятельности была налицо — в марте Штюрмер взял себе портфель министра внутренних дел, который продержал до июля. Освободившись от него, он подхватил портфель министра иностранных дел и не выпустил его до конца своего премьерства.

Перебранка в высших сферах Петрограда продолжалась, в центре ее по-прежнему была отвратительная фигура Распутина.

А шла война, и как будто в столице не было важнее дел, чем сводить или не сводить счеты с Распути-

ным, или менять министров. И в середине марта 1916 года был уволен близкий к Думе Поливанов. Назначенный на его место рано одряхлевший генерал Д. С. Шуваев производил жалкое впечатление. Над всем невозмутимо председательствовал Штюрмер, или «Бориска», как именовал его в кругу собутыльников Распутин. «Этот «дед» не только не принес порядка России, а унес последний престиж власти... Штюрмер жалкий, ничтожный человек, а Россия вела мировую войну. Дело было в том, что все державы мобилизовали свои лучшие силы, а у нас «святочный дед» премьером. Вот где ужас. Вот отчего страна была в бешенстве.

И кому охота, кому это нужно было доводить людей до исступления?! Что это, нарочно, что ли, делалось?!» — задавал риторический вопрос преданный трону Шульгин.

* * *

Если русский генералитет принимал дикие слухи о положении в столице за чистую монету, у правительств — союзников России они тем более не вызывали и тени сомнения. То, что было следствием тупоумия царского режима, державы Антанты могли рассматривать как назревающую измену делу противников Германии. Политические проходимцы, домогавшиеся власти и ради этого поливавшие грязью собственную страну, подрывали международное положение России. Отвратительная склока, раздирающая правящий лагерь, отнюдь не содействовала равноправным отношениям России с союзниками.

В результате складывалось парадоксальное и трагическое положение: Россия, спасшая Антанту в 1914—1915 годах, внесшая самый большой вклад в коалиционную войну, третировалась Парижем и Лондоном. Мало продуманные заказы вооружения и снаряжения за рубежом, унизительные просьбы о займах убеждали правителей Франции и Англии, что в России воцаряется хаос. До февральской революции Россия получила от союзников по военным займам 6,3 миллиарда рублей, то есть примерно столько, сколько составляла внешняя задолженность России на 1913 год. Кабальные условия займов (в Англию, например, было вывезено золота в обеспечение креди-

тов на 600 миллионов рублей) могли ставиться стране, которую не считали равноправным партнером.

Военные расходы России за войну составили (по февраль 1917 года) 29,6 миллиарда рублей, заказы за границей почти 8 миллионов рублей. За внешне значительной суммой последних кроется очень небольшая отдача. Россия вела войну в подавляющей степени за счет собственного производства вооружения и снаряжения. По сравнению с тем, что было изготовлено в России, импорт оружия из-за границы составил: по винтовкам 30 процентов, патронам к ним менее 1 процента, орудиям разных калибров 23 процента, снарядов к ним около 20 процентов и т. д.

Малая эффективность помощи союзников объясняется прежде всего тем, что русские военные заказы рассматривались в странах Антанты и США как досадная помеха. Они выполнялись кое-как, сроки поставок не выдерживались. Заказы на винтовки были выполнены только на 5 процентов, на патроны на 1 процент. Большинство заказов исполнено на 10—40 процентов. Когда речь шла об уступке вооружения и снаряжения, то зачастую присылались неисправные или устаревшие предметы. Убийственную характеристику снабжения России предметами ведения войны дал Дэвид Ллойд Джордж. В своих «Военных мемуарах» он, уничтожительно отозвавшись о стратегических талантах английских и французских генералов на Западном фронте, написал: «Если бы мы отправили в Россию половину тех снарядов, которые затем были попусту затрачены в этих плохо задуманных боях, и одну пятую пушек, выпустивших эти снаряды, то не только удалось бы предотвратить русское поражение, но немцы испытали бы отпор, по сравнению с которым захват нескольких обагренных кровью километров французской почвы казался бы насмешкой».

Наконец, западные промышленники рассматривали русские заказы как средство наживы. Цены на вооружение и снаряжение взвинчивались на 25—30 процентов выше, чем для покупателей в западных странах. Крупные авансы, бездумно выданные еще при Сухомлинове, связали русские ведомства, которые ничего не могли поделать со срывом сроков, поставкой некачественной продукции. Что до кредитов России, то, как повелось в ростовщической практике западных

банков, с них снимались различные комиссионные, на них нагревали руки биржевики. А. А. Игнатьев, неплохо узнавший за годы войны финансовую кухню Франции, в двадцатые годы был свидетелем ажиотажа, поднятого на Западе по поводу отказа СССР платить по займам до 1917 года. «Когда, — писал А. А. Игнатьев, — через десять лет после войны все тот же Мессими, с которым в бытность его военным министром я переживал первые дни мобилизации, старался взвалить на Советскую Россию всю тяжесть долгов царской России, я дал ему следующий простой ответ:

— Одолжите мне до следующего утра только двух ваших жандармов. Обойдя с ними четыре парижских банка, я потребую выписки из русского счета и принесу вам завтра добрую половину денег, оставшихся во Франции от русских займов».

В 1922 году советская делегация на международной экономической конференции в Генуе оценила ущерб, понесенный Россией в результате невыполнения союзниками своих обязательств в области материально-технической помощи, в 3 миллиарда рублей.

Осенью 1915 года, как будто русская армия недостаточно истекла кровью во время Великого Отступления, Франция стала настаивать на том, чтобы Россия направила на Западный фронт 300 тысяч своих солдат. Их намеревались по 10—15 человек на роту распределить по всей французской армии. В конце 1915 года в Россию прибыл заготовитель пушечного мяса председатель военной комиссии французского сената П. Думер. Он привез требование — Россия отправляет на Западный фронт 400 тысяч солдат, по 40 тысяч ежемесячно.

В Париже президент Франции Пуанкаре принял в это время делегацию русских фронтовых офицеров, приехавших знакомиться с новейшими техническими достижениями. «Все ожидали, — вспоминал Игнатьев, — что глава государства станет расспрашивать о положении на фронте русской армии, но Пуанкаре, забыв про офицеров, начал излагать мне мотивы поездки Думера в Россию. С логикой, граничившей с цинизмом, скандируя слова, этот бездушный адвокат объяснял, насколько справедливо компенсировать французскую материальную помощь России при-

сылкой во Францию не только солдат, но даже рабочих...

— Какая мерзость, какая низость! — набросились на меня наши офицеры, выходя из дворца президента. — Что же, мы станем платить за снаряды кровью наших солдат?»

Думер не добился многого в ставке и Петрограде — с трудом ему удалось вырвать согласие направить во Францию в виде опыта пока одну русскую бригаду.

На рубеже 1915—1916 годов операции на русском фронте становятся производными от франко-английской стратегии. Предложение русской ставки, настаивавшей на действительно согласованных действиях и нанесении главного удара на Балканах (это потребовало бы направить туда не менее 10 французских и английских корпусов) союзники отклонили. Жоффр не был заинтересован в наступлении в направлении Белград — Будапешт, а искал решения на французском фронте. На серии совещаний в Шантильи было решено, что союзники начнут наступательные операции по возможности согласованно не позднее 1 июля 1916 года. Антанта припоздала.

Германское верховное командование, видя, что время работает на противника, также намеревалось нанести решительный удар. Положение России, как виделось в кривом зеркале пропаганды русской буржуазии, всячески подчеркивавшей плачевное положение, убеждало немцев, что в 1916 году опасность с востока не грозит. В результате, отмечает А. Зайончковский, «кроме причин оперативного характера, на решение не развивать действия на русском театре оказала воздействие их уверенность в скором разложении русской армии, уверенность, которая все чаще входит в германские расчеты как определенная оперативная данная». Но даже при такой оценке германское верховное командование, помня о годе 1915-м, не решалось планировать новое наступление на востоке.

Дальнейшее продвижение лишило бы немцев и австрийцев их преимущества — развитой сети железных дорог. Фалькенгайн рассудил: «Удар на миллионный город Петроград, который при более счастливом ходе операций мы должны были бы осуществить из наших слабых ресурсов, не сулит решительного результата. Движение на Москву ведет нас в область

безбрежного. Ни для одного из этих предприятий мы не располагаем достаточными силами».

Однако Германия, по мнению ее верховного командования, располагала силами, достаточными для того, чтобы вывести из войны Францию и рассыпать тем самым вражескую коалицию. Было решено оставить Восточный фронт как есть и атаковать французов у Вердена, имея в виду заставить Францию «истечь кровью». 21 февраля 1916 года завертелись крылья верденской мельницы — началась одна из самых жестоких битв первой мировой войны. Через эту мясорубку до конца 1916 года прошли 65 французских и 50 немецких дивизий. За девять месяцев боев потери сторон под Верденом составили около миллиона человек (350 тысяч французов и 600 тысяч немцев). В конце сражения стороны оказались практически на исходных позициях.

С началом боев за Верден французское командование потребовало от русской ставки немедленно открыть наступление. У русского командования не хватило характера противостоять французскому нажиму. Была поспешно подготовлена наступательная операция в районе Двинска и озера Нарочь, которую проводили русские армии левого фланга Северного фронта и правого фланга Западного фронта. Несмотря на условия погоды, начинающуюся распутицу, которые исключали возможность широкого маневра в этом лесисто-болотистом районе, 18 марта русские войска перешли в наступление.

Завязались очень тяжелые бои. Русским не удалось прорвать оборону врага. Но главное, ради чего была затеяна эта операция, было достигнуто. С 22 марта по 30 марта немцы совершенно прекратили атаки на Верден, выжидая исхода сражения на востоке. У австрийцев перед русским Юго-Западным фронтом были сняты немецкие войска и переброшены в район боев, потянулись сюда и скудные резервы из Германии. «Всеми овладело напряженное беспокойство о дальнейшем... — писал Людендорф. — Русские одержали в озерной теснине успех, который для нас был очень болезненным». Однако продвижение не превышало 2—3 километров, и наступавшие, потеряв до 80 тысяч человек, выдохлись.

«Кто же виноват в кровавой мартовской неудаче? —

спрашивал и отвечал Е. З. Барсуков. — Повторяем: все, и чем выше, тем больше... Меньше всех виноваты войска... По телеграфу передается войскам категорический приказ: «Укрепиться, окопаться на захваченных участках и удержаться во что бы то ни стало». А войска стоят под огнем по колено в воде и, чтобы хоть немного передохнуть, складывают трупы немцев и на них садятся, так как окопы полны воды. К вечеру войска начинают промерзать; вдобавок ко всему к ним заползают раненые, изуродованные, неперевязанные, страдающие, стонущие — эвакуация раненых была плохо организована, о них мало заботились.

И все это не один, два дня, а в течение 10 дней операции! Нужны были поистине исключительные качества русского солдата, чтобы, несмотря на такие тяжелые условия, продолжать бой».

Безрезультатное мартовское наступление не подняло акции России в глазах союзников. В Париже укрепились в убеждении, что людскими ресурсами России можно лучше распорядиться на Западном фронте. В апреле в Россию явились деятели II Интернационала, министр А. Тома и социал-шовинист Р. Вививани. Они завели старую песню — просили 400 тысяч русских солдат. Царское правительство согласилось до конца 1916 года отправить семь бригад и 10 тысяч пополнения. К концу года во Францию было отправлено две бригады — 20 тысяч солдат, и еще две бригады (около 22 тысяч человек) в Салоники. В обмен Тома обязался передать России часть 105-мм орудий.

Французские «социалисты» взялись поучать, как нужно налаживать военное производство. Тома заявил Штюрмеру: «Заводы ваши работают недостаточно напряженно, они могли бы производить в десять раз больше. Нужно было бы милитаризировать рабочих!» «Милитаризировать наших рабочих! — воскликнул Штюрмер. — Да в таком случае вся Дума поднялась бы против нас». Посетитель с запада не усмотрел того, что было ясно даже «святочному деду», — опасности вызвать революционный взрыв.

Тома, однако, быстро нашел общий язык с буржуазией. На просьбу Родзянко откровенно указать на больные места в области снабжения, он ответил: «Россия должна быть чрезвычайно богата и очень уверена в своих силах, чтобы позволить себе роскошь иметь

правительство, подобное вашему, где премьер-министр является бедствием, а военный министр — катастрофой». Нет никакого сомнения в том, что сердечное согласие Тома с точкой зрения буржуазии придало ей бодрости.

К 1916 году царизм и буржуазия, хотя по различным причинам, создали о России самое безотрадное представление во всем мире. Это испытали на себе русские солдаты, оказавшиеся на Западе. Когда русская бригада попала на Центральный фронт под командованием Петена во Франции, он устроил ей смотр.

— Ну посмотрим, — заявил он Игнатьеву, — как ваши солдаты освоились с нашей винтовкой. Они ведь у вас сплошь безграмотные.

— Не совсем так, генерал, — ответил Игнатьев, — а что касается винтовки, то ваш устаревший «лебель» много проще нашей трехлинейки.

Петен провел смотр бригаде. «Из дальнейших вопросов стало ясно, что Петен принимал нас за дикарей, обнаруживал то, что сделало его впоследствии единомышленником нацизма», — заключает Игнатьев. Французский посол Палеолог отзывался о русских солдатах как о «невежественной и бессознательной массе».

Если так относились к русскому народу союзные державы, то отношение врагов было неописуемым. Не считаясь с международными конвенциями, немцы и австрийцы установили бесчеловечный режим для русских военнопленных. Их положение в Германии и Австро-Венгрии было несравненно хуже, чем положение пленных из других стран. В сущности, они были париями среди миллионов этих несчастных.

А. В. Луначарский в июне 1916 года напечатал в русской газете «День» очерк «Наши в плену» на основании опроса французских и бельгийских пленных, отпущенных по болезни из Германии в Швейцарию. Из их рассказов вырисовывалась ужасающая картина издевательств и насилий над русскими во вражеском плену. «Русские страшно голодали, — говорил Луначарскому французский сержант. — Все, что получалось, было адресовано определенным пленным либо пленным определенных наций. Среди французов и самый круглый сирота имел свои получки: хлеб, сахар, книги, табак, шо-

колад. У русских почти ни у кого ничего не было. Очень, очень голодают они. В каждом лагере есть как будто люди двух рас: русские и все остальные».

Французский офицер описал положение в лагере, где было семь тысяч пленных, из них три тысячи русских. Он подчеркивал неизмеримую дистанцию, отделявшую русских пленных от пленных других национальностей, установленную немецкими властями.

Каторжный труд, издевательства, голод делали свое дело — русские пленные массами гибли. Советский писатель К. Левин, проведший несколько лет в плену, вспоминал об этих временах: «Люди стали совсем непрочными, и жизнь так же легко покидала их, как рвется намокшая бумага». На неизменное кладбище около каждого лагеря постепенно «переселялись» его обитатели. Левин часто бродил по кладбищу, «останавливался над белыми солдатскими крестами и читал двузначные и трехзначные номера, узнавал по ним и вспоминал живых людей, от которых ничего не осталось». На чужбине, в плену погибло около двухсот тысяч русских людей.

За счет их главным образом так высоко поднялся процент погибших военнопленных держав Антанты — 9 процентов. Что касается военнопленных срединных империй (примерно три миллиона человек, из них свыше двух миллионов — в России), то их смертность не превышала 4 процентов.

Русские в плену отнюдь не безропотно склонялись перед косою смерти. Сколько было расстреляно немцами и австрийцами за сопротивление? Едва ли это когда-либо станет известным. А бегство из лагерей! По немецким данным, бежало в общей сложности 260 тысяч русских пленных, из них 60 295 человек ускользнули от преследования и добрались до своих. Другими словами, из 2,6 миллиона русских пленных бежал каждый десятый. Они не были «бессознательной массой», русские во вражеском плену.

Как бы ни позорили Россию царизм и буржуазия, на исходе второго года войны русский солдат показал на фронте, на что он способен.

НАБАТ БРУСИЛОВСКОГО ПРОРЫВА

Ранним теплым утром 4 июня, 22 мая по старому стилю, австрийские войска, зарывшиеся перед русским Юго-Западным фронтом, не увидели восхода солнца. Вместо безмятежных солнечных лучей с востока пришла смерть — тысячи снарядов превратили обжитые, сильно укрепленные позиции в ад. Разбуженные грохотом в блиндажах, австрийские солдаты в ужасе застыли. Земля ходила ходуном, в сплошном реве снарядов русской полевой артиллерии, сметавшей проволочные заграждения и брустверы, часто ухали леденящие кровь взрывы — тяжелые орудия и мортиры разрушали укрепления. Оставшиеся в живых с готовностью поднимали руки, стоило русскому гренадеру с гранатой встать у входа в убежище.

В то утро произошло неслыханное в анналах позиционной войны. Почти на всем протяжении Юго-Западного фронта атака удалась. Волны русской пехоты захлестнули вражеские траншеи и покатились дальше. Как и год назад в Галиции, пехота шла навстречу сплошной стене разрывов, но не к смерти, а к победе. Дорогу прокладывал огневой вал артиллерии, прикрываясь которым стрелки овладевали, как говорили тогда офицеры-фронтовики, «выбритой начисто» землей.

Поток телеграмм оповестил мир о дотоле небывалой победе — уже в первые сутки наступления взято в плен 900 офицеров и свыше 40 тысяч солдат, на пятый день это число возросло до 1240 и 71 тысячи. По земле, где тягостным маем 1915 года пятились озлобленные, измученные русские солдаты, в пьянящий май года 1916-го шли бравые полки Брусилова. Наступала отлично вооруженная и снаряженная армия, о нехватке снарядов забыли, командиры батарей заботились только о том, чтобы от этой частой стрельбы не перегревались орудия и не портились каналы стволов.

Когда свистки ротных и взводных звали в очередной бросок, в атаку поднимались цепи в касках. Приятная тяжесть стали на голове и противогаза на

боку... Солдаты знали — они вооружены не хуже врагов.

В боях на подступах к Станиславу русский 41-й корпус был задержан контратакой. Всю ночь австрийцы вели беспокоящий огонь. Русские батареи не отвечали, но засекли место вражеских. С утра 12 батарей (72 орудия) 74-й русской пехотной дивизии и 3-й Заамурской бригады открыли частую стрельбу химическими снарядами.

Эффект был потрясающий — побежала пехота, прислуга бросила тяжелые орудия. 41-й корпус без боя взял Станислав. Полевой генерал-инспектор сообщает с Юго-Западного фронта, что результаты частого применения химических снарядов вполне удовлетворительные. Брусиловский прорыв подтолкнул их производство. Ежемесячно фронт получал 150 тысяч химических снарядов.

Победная поступь войск Юго-Западного фронта, волнующие вести все из той же Галиции ошеломляли. Русская армия неслыханно, невиданно воспрянула после поражений 1915 года.

Как же это случилось? Откуда у России взялись силы потрясти мир на третьем году войны победой Брусилова?

* * *

К наступлению Брусилова были самые скверные предзнаменования, прежде всего глубокий надлом духа высшего командования русской армии.

В конце марта 1916 года, как раз в тот день, когда, захлебываясь грязью, русские солдаты гибли в болотах у озера Нарочь, генерал Алексеев дал волю обуревавшим его чувствам. Он не обладал могучим красноречием, начальник штаба верховного главнокомандующего, говорил среди нескольких подчиненных, кому он доверял.

— Да, настоящее невесело... — начал Алексеев.

— Лучше ли будущее? — спросили его.

— Я вот счастлив, что верю, и глубоко верю, в бога, и именно в бога, а не в какую-то слепую и безличную судьбу. Вот вижу, знаю, что война кончится нашим поражением, что мы не можем кончить ее чем-нибудь другим... Страна должна испытать всю го-

речь своего падения и подняться из него рукой божьей помощи, чтобы потом встать во всем блеске своего богатейшего народного нутра.

— Вы верите также в это богатейшее нутро?

— Я не мог бы жить ни одной минуты без такой веры. Только она и поддерживает меня в моей роли и моем положении. Я человек простой, знаю жизнь низов гораздо больше, чем генеральских верхов, к которым меня причисляют по положению. Я знаю, что низы ропщут...

— А вы не допускаете мысли о более благополучном выходе России из войны, особенно с помощью союзников, которым надо нас спасти для собственной пользы?

— Нет, союзникам вовсе не надо нас спасать, им надо только спасать себя и разрушить Германию. Вы думаете, я им верю хоть на грош? Кому можно верить? Италии, Франции, Англии? Скорее Америке, которой до нас нет никакого дела. Нет, батюшка, вытерпеть все до конца — вот наше предназначение, вот что нам предопределено...

Армия наша — наша фотография. Да это так и должно быть. С такой армией в ее целом можно только погибать. И вся задача командования — свести эту гибель к возможно меньшему позору. Россия кончит прахом, оглянется, встанет на все свои четыре медвежьи лапы и пойдет ломать. Вот тогда мы узнаем ее, поймем, какого зверя держали в клетке. Все полетит, все будет разрушено, все самое ценное и дорогое, и ценное признается вздором.

Вы бессильны спасти будущее, никакими мерами этого не достигнуть. Будущее страшно, а мы должны сидеть сложа руки и только ждать, когда все начнет валиться. А валиться будет бурно, стихийно. Вы думаете, я не сижу ночами и не думаю?..

При таком умонастроении, которое разделяло немало генералов, трудно было ожидать четкой проработки предстоявших операций. Державы Антанты договорились в начале года начать наступление на Западном фронте 1 июля, а на Восточном на две недели раньше.

На совещании в русской ставке 14 апреля Алексеев изложил свой план — главный удар наносит Западный фронт генерала Эверта, в направлении на

Вильно, Северный фронт (Куропаткин) и Юго-Западный (Брусилов) содействуют ему, причем последний переходит в наступление после первых двух. Эверт и Куропаткин, оробев, начали толковать о том, что шансы на успех невелики, нужно лучше подготовиться и т. д. Начался торг, когда и кому наступать, Алексеев, как обычно, колебался. Спор разрешил Брусилов, добившись разрешения для своего фронта нанести «вспомогательный, но сильный удар». У Брусилова было 512 тысяч войск, в то время как на двух других русских фронтах 1220 тысяч.

Не успели договориться, как 15 апреля пришла срочная телеграмма от Жоффра: «Я просил бы наших русских союзников, согласно принятым на совещании в Шантильи решениям, перейти в наступление всеми свободными силами, как только климатические условия это позволят, пользуясь отвлечением сил, вызываемым Верденским сражением. Необходимо, следовательно, чтобы подготовка русского наступления продолжалась с крайним напряжением и чтобы она насколько возможно полно была закончена ко времени окончания таяния, дабы наступление могло начаться в этот момент». Как будто мало жертв понесла Россия для ослабления натиска на Верден в марте!

Только-только рассмотрели в ставке обращение Жоффра, как посыпались просьбы из Италии — 15 мая австрийцы обрушились на итальянскую армию. Представители Италии в России соразмерно со скоростью бегства своих солдат умоляли о немедленном переходе в наступление. В панике они говорили о том, что Италию могут вообще вывести из войны. 23 мая ставка получила обращение итальянского командования: «Единственным средством для предотвращения этой опасности является производство сейчас сильного давления на австрийцев войсками южных русских армий». Переговоры итальянцев с русской ставкой происходили в обстановке большой нервозности.

26 мая Алексеев доложил царю: «Содержание этих переговоров указывает на растерянность высшего итальянского командования и отсутствие готовности, прежде всего в своих средствах искать выхода из создавшегося положения, несмотря на то, что и в настоящее время превосходство сил остается на его сто-

роне. Только немедленный переход в наступление русской армии считается единственным средством изменить положение». Алексеев сообщал, что он попросил командующих фронтами ускорить операцию. Брусилов согласился начать ее 4 июня. Алексеев добавил, что он одобрил намерение Брусилова, но «выполнение немедленной атаки, согласно настоянию итальянской главной квартиры, неподготовленное и, при неустранимой нашей бедности в снарядах тяжелой артиллерии, производимое только во имя отвлечения внимания и сил австрийцев от итальянской армии, не обещает успеха. Такое действие поведет только к расстройству нашего плана во всем его объеме».

Николай II 31 мая телеграфирует итальянскому королю, что 4 июня Юго-Западный фронт ранее установленного срока двинется на австрийцев. «Я решил предпринять это изолированное наступление с целью оказать помощь храбрым итальянским войскам и во внимание к твоей просьбе».

Подготовка наступления была неизбежно скомкана. Что мог противопоставить Брусилов пессимизму ставки и одновременно требованиям быстрее атаковать австрийцев?

К началу июня он имел 40 пехотных и 15 кавалерийских дивизий (636 тысяч человек), австрийцы 39 пехотных и 10 кавалерийских дивизий (478 тысяч человек), у русских было 1770 легких орудий против 1301 у австрийцев. Но противник располагал 545 тяжелыми орудиями, у русских их было 168. Австрийцы девять месяцев укрепляли свои позиции, состоявшие из двух-трех полос, удаленных друг от друга на пять и больше километров. В первой полосе — три линии окопов, прикрытых местами до 16 рядов проволочных заграждений. Было много бетонированных блиндажей, узлов сопротивления. На отдельных участках через проволоку пропускался электрический ток, были заложены фугасы.

Для прорыва таких укреплений в первую мировую войну избирался узкий участок, к которому стягивались крупные силы. Следовала многодневная артиллерийская подготовка. Когда наконец начиналось наступление, оно превращалось в массовое избиение с обеих сторон до полного истощения. Результаты про-

движения, если оно было вообще, измерялись считанными километрами.

Брусилов выдвинул новую идею — наступать всем Юго-Западным фронтом, протянувшимся на 340 километров, выделив, разумеется, ударные участки. Их было четыре шириной в 15—20 километров каждый. Напряженными инженерными работами первая линия окопов была подведена на 50—300 метров к переднему краю врага. Пехоте предписывалось наступать четырьмя волнами, «перекатами» — пока первые волны, ворвавшись во вражеские укрепления, добивают защитников, другие идут дальше. Было отработано взаимодействие артиллерии и пехоты, обученной идти за огневым валом. Грамотно подготовлены и проведены газобаллонные атаки.

Широкий фронт, избранный для наступления, не позволял противнику выяснить, где именно будет нанесен удар, что дало свои плоды — брусиловский прорыв был первым успешным наступлением целого фронта в условиях позиционной войны. Глубокое продвижение сначала четырех, а затем шести русских армий было неслыханным в ту войну. 8-я армия, например, за первые одиннадцать дней прошла 70—75 километров, по 6,5 километра в сутки! Противник воздал должное новым методам наступления, введенным Брусиловым. В официальном «отчете» об участии Австро-Венгрии в войне 1914—1918 годов сказано: прорыв «стал эпидемическим. Если противник прорвался на узком участке фронта, то части примыкавших участков откатывались назад, при этом противник не производил серьезного давления на эти участки, они отходили только потому, что теряли связь с соседями. Так же отдельные высшие командиры принимали преждевременные решения об отступлении, указывая при этом, что удерживать позиции при помощи потрясенных войск невозможно».

Успех, превзошедший все ожидания, нужно было развивать — давно настало время вводить в дело Западный фронт. Брусилов шел вперед, не имея резервов, наращивать удар ему было, в сущности, нечем. Эверт и Куропаткин, однако, тянули. Только 3 июля войска Западного фронта зашевелились — пошли в атаку на Барановичском направлении. Последовали десятидневные безрезультатные бои, стоившие рус-

ским 40 тысяч потерь. В середине июля неудачно атаковал на рижском плацдарме Северный фронт. После этого ставка признала — главную роль нужно возложить на Юго-Западный фронт, и потянула туда резервы, в том числе гвардию. Враг без труда сделал аналогичное заключение, снимая войска из Италии, с Западного фронта и с того же русского фронта севернее Полесья. Они прибыли много быстрее, чем корпуса, посланные на Юго-Западный фронт, двигавшиеся кружным путем через немногие перегруженные железные дороги.

«Хотя и покинутые нашими боевыми товарищами, — писал Брусилов, — мы продолжали наше кровавое шествие вперед». К середине июля фронт потерял почти 500 тысяч, из них 62 тысячи убитыми. Этой ценой была возвращена значительная часть русской территории, вновь завоевана часть Восточной Галиции и вся Буковина. Войска Брусилова преодолевали все возраставшее сопротивление — перед ними появились даже турецкие дивизии! К участку прорыва противник перебросил 45 дивизий, не считая дававшихся разрозненно пополнений.

Юго-Западный фронт далеко не получал той помощи, которой требовали интересы дела. Говорят, что Эверт в это время сказал: «С какой стати я буду работать во славу Брусилова». Поведение командующих Западным и Северным фронтами было просто непонятно. «Будь другой верховный главнокомандующий, — гневно писал Брусилов, — за подобную нерешительность Эверт был бы немедленно смещен и соответствующим образом заменен, Куропаткин же ни в коем случае в действующей армии никакой должности не получил бы. Но при том режиме, который существовал в то время в армии, безнаказанность была полная, и оба продолжали оставаться излюбленными военачальниками ставки».

1 июля 1916 года началось наконец наступление на Западном фронте, на небольшой речке Сомме. Франко-английские войска превосходили немцев в начале боев по живой силе в 4 раза, по тяжелой артиллерии — более чем в 5 раз. В последовавшей пятимесячной битве, где впервые в истории появились танки, дрались 153 дивизии, из них 67 немецких. Общие потери в сражении — 1,3 миллиона человек с обеих сторон.

Итог — отвоевано у немцев 200 квадратных километров территории.

В результате брусиловского прорыва к осени 1916 года, когда русские были остановлены на реке Стоход, было занято 25 тысяч квадратных километров. За пятимесячное сражение «Юго-Западным фронтом, — подводил итоги Брусилов, — было взято в плен свыше 450 000 офицеров и солдат, то есть столько, сколько по всем имеющимся довольно точным у нас сведениям, находилось передо мной неприятельских войск. За это же время противник потерял свыше 1 500 000 убитыми и ранеными. Тем не менее к ноябрю перед моим фронтом стояло свыше миллиона австро-германцев и турок. Следовательно, помимо 450 000 человек, бывших вначале передо мной, против меня было перекинуто с других фронтов свыше 2 500 000 бойцов».

Отражая наступление русского Юго-Западного фронта в 1916 году, противник потерял примерно в два раза больше людей, чем в совокупности во время происходивших в том году сражений у Вердена и на Сомме. Причем была значительная разница между вооружением и оснащением войск западных союзников и русской армии. А. Зайончковский отметил: «И если мы сравним то, что одновременно происходило на западе Европы и на востоке, где русские корпуса пускались у Риги, Барановичей и на Стоходе почти без помощи тяжелой артиллерии и при недостатке снарядов на вооруженных с ног до головы германцев, то неудачи русской армии примут иной колорит, который выделит русского бойца на высшую ступень по сравнению с его западными союзниками».

Затяжка с началом операции на Сомме дорого обошлась русским. Как заметил Фалькенгайн, в «Галиции опаснейший момент русского наступления был уже пережит, когда раздался первый выстрел на Сомме», — пережит, ибо немцы успели бросить подкрепление на восток. Брусиловское наступление ограничило возможности Германии как под Верденом, так и на Сомме. Оценивая последнее сражение, Фалькенгайн настаивал: «Если оказалось невозможным положить конец натиску и превратить его при помощи контрудара в дело, выгодное немцам, то это приходится приписать исключительно ослаблению резервов на западе, а оно

явилось неизбежным из-за неожиданного разгрома австро-венгерского фронта в Галиции, когда верховное командование не успело своевременно опознать решительного перенесения центра тяжести русских из Литвы и Латвии в район Барановичей и Галицию».

Последствия брусиловского прорыва были громадными. Расчеты Германии и ее союзников на то, что Россия не сможет оправиться от поражения 1915 года, рухнули. В 1916 году на полях сражений вновь появилась победоносная русская армия, достигшая таких успехов, которых не знали державы Антанты ни в 1915, ни в 1916, ни в 1917 годах. Действия Брусилова, их внутреннее содержание — одновременное наступление на широком фронте, дававшее возможность запретить противнику свободный маневр резервами, были скопированы Фошем в 1918 году и принесли победу Антанте. Имитируя наступление русского Юго-Западного фронта, конечно, в иных условиях и располагая куда большими средствами, Фош и сумел выйти из тупика позиционной войны.

Понятны переживания учителя Брусилова, видевшего впоследствии, как в 1918 году не очень одаренный ученик Фош добился того, чего не смог сделать по не зависевшим от него причинам Брусилов в 1916 году. Напомнив в своих «Воспоминаниях» слова Людендорфа о положении германо-австрийских армий летом 1916 года на востоке: «На весь фронт, чуть ли не в 1000 километров длины, мы имели в виде резерва одну кавалерийскую бригаду», Брусилов указывал: «При дружном воздействии на противника нашими тремя фронтами являлась полная возможность — даже при тех недостаточных технических средствах, которыми мы обладали по сравнению с австро-германцами, — отбросить все их армии далеко к западу. А всякому понятно, что войска, начавшие отступать, падают духом, расстраивается их дисциплина, и трудно сказать, где и как эти войска остановятся и в каком порядке будут находиться. Были все основания полагать, что решительный перелом в кампании на всем нашем фронте совершится в нашу пользу, что мы выйдем победителями, и была вероятность, что конец нашей войны значительно ускорился с меньшими жертвами. Не новость, что на войне упущенный момент более не

возвращается, и на горьком опыте мы эту истину должны были пережить и перестрадать».

Хотя далеко идущие цели не были поставлены и не были достигнуты, стратегически брусиловский прорыв принес неоценимые выгоды Антанте, в первую голову западным союзникам. Была спасена итальянская армия: сразу после того, как Юго-Западный фронт пришел в движение, Австро-Венгрия отказалась от наступления. Из Италии ушло на русский фронт 16 австрийских дивизий. С французского театра, несмотря на Верден и Сомму, против Брусилова было переброшено 18 немецких дивизий плюс четыре вновь сформированные в Германии. С Салоникского фронта было взято более трех немецких дивизий и две лучшие турецкие дивизии. Иными словами, чтобы парировать наступление армий Брусилова, ослаблялись все без изъятия фронты, на которых воевала Германия со своими союзниками.

Ободренная наступлением Юго-Западного фронта, Румыния преодолела длительные колебания и присоединилась к державам Антанты. «Окончательный переход Румынии на сторону Антанты, — констатировал Фалькенгайн, — был вызван событием, которое не было и не могло быть предвидено, а именно: разгромом австро-венгерского фронта летом 1916 года со стороны противника, конечно, не имевшего в обстановке Восточного фронта явного перевеса в силах». Однако вступление Румынии в войну оказалось не благом, а новым значительным бременем для России. Осенью 1916 года румынская армия была быстро разбита, без боя оставлен Бухарест. России пришлось ввести в Румынию значительные силы, чтобы остановить германское продвижение. Фронт удлинился. По этим же причинам участие Румынии в войне создало дополнительные трудности для центральных держав.

Бои летом и осенью 1916 года на южном крыле Восточного фронта восстановили репутацию русской армии. Они заняли должное место в истории.

Слава брусиловских солдат не померкла. Весной 1945 года перед началом очередного тура наступления советских войск примерно в тех же местах, где проходили бои в 1915—1916 годах, в частях вспоминали

о подвигах русской армии. На митинге перед началом наступления ефрейтор С. Т. Остапец сказал: «В первую мировую войну мы дошли до высоты 710, но вернулись. Через тридцать лет мне довелось второй раз брать эту сопку. Теперь мы уже не остановимся, пока не покончим с гитлеровской Германией».

Сражения под знаменами Брусилова ветераны запомнили на всю жизнь. А. М. Василевский, командовавший в то время ротой в 409-м Новохоперском полку, получал письма от участников боев 1916 года спустя десятилетия. В 1946 году ему прислал свои стихи бывший рядовой полка А. Т. Кизиченко. Они начинались так:

Мне помнятся те дни невзгод, страданий
В ущельях вздыбленных Карпат:
Мильоны брошенных людских созданий,
Войной измученных солдат.

В 1956 году во время пребывания в Финляндии А. М. Василевский получил письмо от преподавателя в Турку (Або) А. Эйхвальда: «Осенью текущего года исполнится 40 лет со времени боев на высотах под Кирли-Бабой. Помните ли Вы еще Вашего финляндского младшего офицера первой роты славного 409-го Новохоперского полка, участвовавшего в них?»

Победы русской армии летом 1916 года не изгладились из памяти людской. Величественный эпилог военных усилий России в коалиционной войне — новая громадная жертва, главным образом на алтарь Антанты. Тяжесть ее страна ощутила осенью 1916 года, когда для пополнения понесенных потерь в России был объявлен новый призыв — около двух миллионов человек. С громадной силой вставал вопрос, которым уже задавались: зачем? Размах успеха императорской армии можно сопоставить только с роковыми последствиями для правившей династии.

* * *

Изящный и моложавый, несмотря на свои 63 года, кавалерийский генерал Алексей Алексеевич Брусилов стал национальным героем. Под его водительством армия показала, на что она способна.

Брусиловские победы подняли на ноги «обществен-

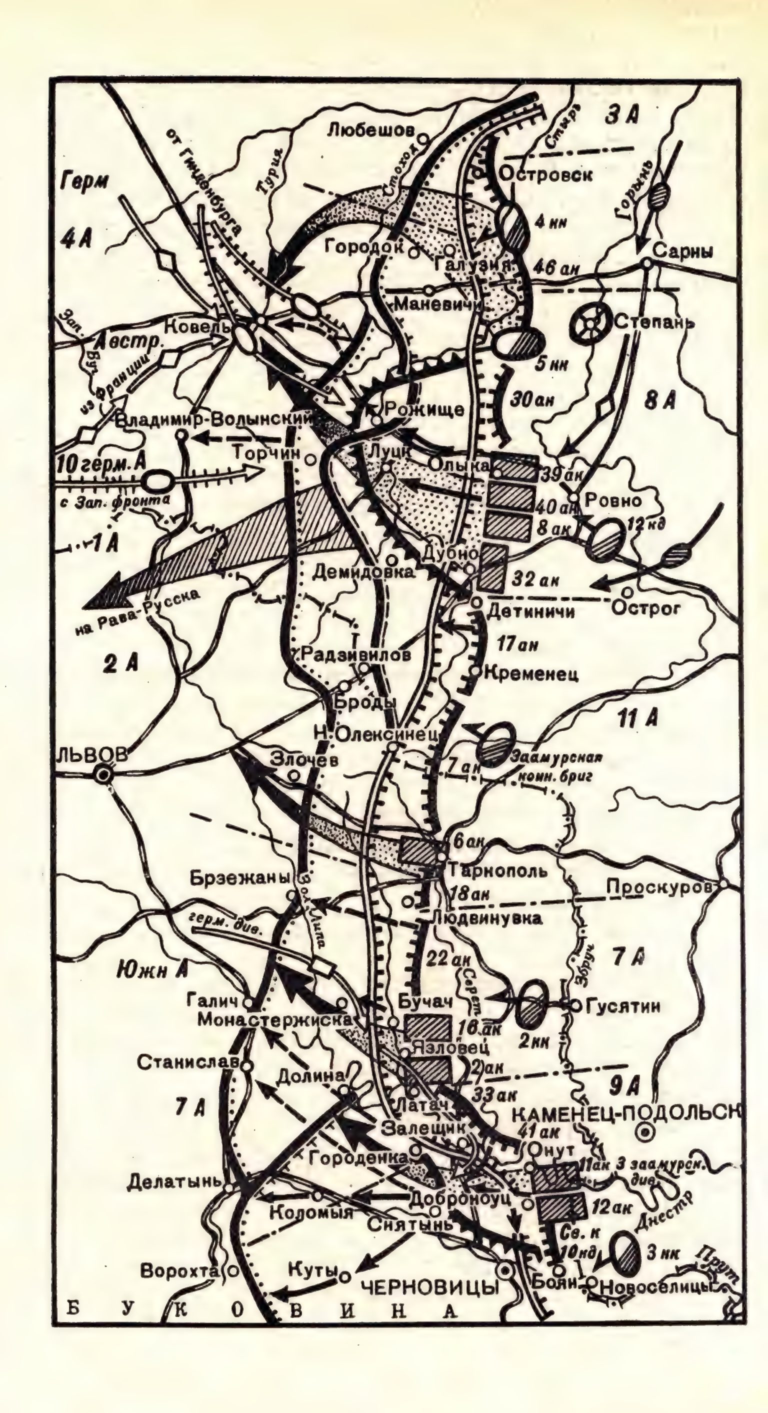
ность», обозначилась крайне тревожная для нее тенденция: скованная железной дисциплиной армия, а о ее введении хлопотал Брусилов, может привести императорскую Россию к успешному завершению войны. Тогда прощайте, надежды на власть, победителей не судят. Отсюда задача, которую с величайшей энергией стала выполнять буржуазия с осени 1916 года, — потоком инсинуаций и прямых подрывных действий окончательно скомпрометировать режим. За это дело взялись решительно все руководители буржуазии — от Родзянко до Гучкова. На этом пути они видели кратчайший путь к власти.

Разумеется, все обвинения в адрес режима предавались самой широчайшей огласке.

28 членов Думы и Государственного совета, входящие в состав «Особого совещания», подают в ставку записку, в которой требуют внушить всем начальствующим лицам, что легкое расходование людских жизней недопустимо. Принцип бережливости людской жизни, писали они, «не был в должной степени воспринят нашей армией и не был в ней достаточно осуществлен. Многие офицеры не берегли себя, не берегли их, а вместе с тем и армию — и высшие начальники...

Широкое развитие и применение различных предохранительных средств, как-то: касок, наплечников, более усовершенствованных укреплений и окопов, — вот к чему мы должны ныне прибегнуть, а в основу всех тактических мероприятий должно быть положено стремление заменить энергию, заключающуюся в человеческой крови, силою свинца, стали и взрывчатых веществ».

Завидная позиция с точки зрения абстрактного гуманизма, но чистая маниловщина применительно к вооруженной борьбе. Экскурс думцев в военную сферу вызывал недоумение у командующих фронтами, что видно, например, из ответа Брусилова, ознакомленного с этим заявлением: «Наименее понятным считаю пункт, в котором выражено пожелание бережливого расходования человеческого материала в боях, при терпеливом ожидании дальнейшего увеличения наших технических средств для нанесения врагу окончательного удара. Устроить наступление без потерь можно только на маневрах. Противник несет столь же тяже-

Любешов
Стоход
Стырь
3 А
Островск
Горынь
Герм
4 А
от Гинденбурга
Турия
4 кн
Городок
Галузия
46 ак
Сарны
Маневичи
Степань
Зап.
Ковель
Австр.
из Франции
5 кн
30 ак
8 А
Рожище
Владимир-Волынский
Торчин
Луцк
Олыка
10 герм. А
39 ак
40 ак
8 ак
Ровно
12 кд
с Зап. фронта
1 А
Дубно
Демидовка
32 ак
на Рава-Русска
Детиничи
Острог
17 ак
Радзивилов
2 А
Кременец
Броды
11 А
Н. Олексинец
Львов
Злочев
7 ак
Заамурская
конн. бриг
6 ак
Тарнополь
Брзежаны
Проскуров
18 ак
Людвинувка
Золотая Липа
герм. див.
22 ак
7 А
Южн А
Серет
Збруч
Бучач
Гусятин
Галич
Монастержиска
16 ак
2 кн
Язловец
Станислав
2 ак
Долина
33 ак
9 А
7 А
Латач
Каменец-Подольск
Залещик
41 ак
Онут
Городенка
11 ак
3 заамурск. див.
Делатынь
Доброноуц
12 ак
Днестр
Коломыя
Снятынь
Св. к
10 кд
3 кн
Прут
Ворохта
Куты
Черновицы
Боян
Новоселицы
Б У К О В И Н А

◀ Брусиловский прорыв.

Условные обозначения

Линия фронта к 4.6.

Направление прорывов армий по первоначальному плану Юго-Западного фронта.

Направление наступления по директиве Алексеева 9.6.

Граница продвижения 8-й и 9-й армий к 12.6.

Линия фронта 14.6.

Контратака первых германских подкреплений.

Направление наступления по директиве штаба Юго-Западного фронта 25.6.

Линия фронта 14.7.

Линия фронта к началу сентября.

Резервы.

Прибывающие части.

Масштаб

25 0 25 50 75 км

лые потери, как и мы... Что касается до технических средств, то мы пользуемся теми, которые у нас есть, чем их более, тем более гарантирован успех, но, чтобы разгромить врага или отбиться от него, неминуемо потери будут — притом значительные».

Родзянко, время от времени болтавшийся на фронте, внес свою лепту в пропаганду плачевного состояния военных дел. Он задался целью оценить состояние русской армии к исходу 1916 года. Излюбленные объекты нападок «общественности» — нехватка вооружения и снаряжения исчезли, армия снабжалась прилично. Родзянко избрал другой угол для атаки — непригодность всего высшего командования. Он подал

в ставку документ, в котором черным по белому было написано: «Русское высшее командование либо не имеет заранее подготовленных планов операций, либо если их имеет, то их не выполняет. Высшее командование не умеет или не может организовать крупную операцию... не имеет единообразных методов обороны и нападения и не умеет подготовлять наступление... не считается с потерями живой силы».

От критики военных верхов Родзянко перешел к общей характеристике состояния вооруженной мощи России: «В армии проявляется вялое настроение, отсутствие инициативы, паралич храбрости и доблести. Если сейчас как можно скорее будут приняты меры, во-первых, к улучшению высшего командного состава, к принятию какого-либо определенного плана, к изменению взглядов командного состава на солдата и к подъему духа армии справедливым возмездием тем, которые неумелым командованием губят плоды лучших подвигов, то время, пожалуй, не упущено. Если же обстановка сохранится до весны, когда все ожидают либо нашего наступления, либо наступления германцев, то успеха летом 1917 года, как и летом 1916 года, ожидать не приходится».

Председатель Государственной думы, считавший себя «патриотом», шельмовал русскую армию, одержавшую в 1916 году победы, не имевшие себе равных в лагере Антанты до тех пор. В документе проглядывается мысль — все будет хорошо, только при иных у власти. От документа, официально направленного в ставку, попахивало ультиматумом. Буржуазия, подстегнутая брусиловским прорывом, наглела на глазах.

Оценка армии Родзянко явно отдавала спекулятивностью. Генерал Нокс, глава британской миссии в России, даже отдаленно не испытывал теплых чувств к нашей стране. Состояние русской армии его интересовало лишь с точки зрения ее вклада в коалиционную войну и соответственного облегчения бремени, лежавшего на Англии в борьбе против Германии. Он так оценивал русскую армию к исходу 1916 года: «Перспективы были более многообещающими, чем виды на кампанию 1916 года в марте того года... Русская пехота устала, но меньше чем год назад... почти всех видов вооружения, боеприпасов и снаряжения было больше чем когда-либо — при мобилизации, весной

1915 или весной 1916 г. Качество командования улучшалось с каждым днем... Нет никакого сомнения в том, что, если бы тыл не раздирался противоречиями... русская армия увенчала бы себя новыми лаврами... и, вне сомнений, нанесла бы такой удар, который сделал бы возможным победу союзников к исходу этого года».

Дистанция между взглядами «патриота» Родзянко и откровенного британского империалиста Нокса, никак не желавшего блага России, неизмерима.

Российская буржуазия работала в рамках понятной ей альтернативы — либо способствовать поражениям Российской империи, либо употребить все усилия на войну «до победного конца», но под водительством крупного капитала. Поэтому в лихорадке политических наскоков буржуазия стала носительницей национального нигилизма, предавая поношению и русского солдата. Буржуа уверяли, что они смогут делать все по-иному и много лучше. На деле они оказались способны только на разрушительную критику. Американский профессор С. Харпер, вероятно, ведущий специалист в США по России в те годы, наблюдая за потугами «общественности» якобы помочь ведению войны, заметил: «Казалось, что они вели дело хорошо в противовес пресловутым неумелым бюрократам. Естественно, они вносили политический элемент в свою работу. Впоследствии многие были разочарованы в способности этого класса к практической работе, когда они стали полностью нести ответственность за управление Россией после февральской революции 1917 г.».

Под знаком этой неспособности развивались отношения верхушки буржуазии с командованием армии. С одной стороны, думцы и земцы на всех перекрестках кричали о бездарных генералах, с другой — силились войти в союз с ними против монархии. Ключевой фигурой, на которую рассчитывал Гучков, был генерал-адъютант Алексеев. Он вошел в какие-то сношения с гучковцами, но относился к ним в высшей степени осторожно. Вероятно, он не хотел оказаться пешкой в руках пронырливых политиканов. На информации департамента полиции о съездах Земгора в 1916 году Алексеев наложил резолюцию: «В различных организациях мы имеем не только сотрудников в ведении войны, но получающие нашими трудами и

казенными деньгами внутреннюю спайку силы, преследующие весьма вредные для жизни государства цели. С этим нужно сообразовывать и наши отношения».

Алексеев вынашивал собственные планы. 28 июня 1916 года он подал Николаю II докладную записку с предложением назначить для общеимперского управления диктатора. Царь отшатнулся перед такой перспективой, а инициативу Алексеева надолго запомнили руководители «общественности». Когда в первые дни после февральской революции встал вопрос о назначении Алексеева верховным главнокомандующим, Родзянко писал князю Львову: «Вспомните, что ген. Алексеев являлся постоянным противником мероприятий, которые ему неоднократно предлагались из тыла как неотложные; дайте себе отчет в том, что ген. Алексеев всегда считал, что армия должна командовать тылом, что армия должна командовать волей народа и что армия должна как бы возглавить собой и правительство, и все его мероприятия... Не забудьте, что ген. Алексеев настаивал определенно на немедленном введении диктатуры».

В 1916 году Гучков не оставлял попыток связать генералов своими затеями. Его репутация отнюдь не содействовала успеху дела. На заседании совета министров в это время, когда зашел разговор о Гучкове, министры сошлись на том, что при «авантюристической натуре и непомерном честолюбии» он способен во главе батальона пойти на Царское Село. Царица пылала ненавистью к Гучкову, в письмах царю она заклинала: «Гучкова не следует пускать на фронт и позволять... говорить с войсками». В другом письме: «Все знают, что Гучков работает против нашей династии». Знал, конечно, и Алексеев.

Изворотливый Гучков решил не мытьем, так катаньем изобразить Алексеева если не соучастником деяний «общественности», то, по крайней мере, симпатизирующим ей. Еще до войны он отработал технику воздействия на умы — распространение машинописных копий своей переписки с различными важными лицами. В 1915 году он начал широко рассылать тексты речей в Думе без цензурных купюр. В конце лета 1916 года по всем доступным Гучкову каналам разнеслось его громовое письмо Алексееву от 28 августа,

составленное таким образом, чтобы читающие могли сделать вывод: оно лишь одно из обширной корреспонденции:

«Ведь в тылу идет полный развал, ведь власть гибнет на корню. Ведь как ни хорошо теперь на фронте, но гниющий тыл грозит еще раз, как было год тому назад, затянуть и Ваш доблестный фронт и Вашу талантливую стратегию, да и всю страну, в то невылазное болото, из которого мы когда-то выкарабкались со смертельной опасностью... А если Вы подумаете, что вся власть возглавляется г. Штюрмером, у которого (и в армии и в народе) прочная репутация если не готового предателя, то готового предать, — что в руках этого человека ход дипломатических отношений в настоящем и исход мирных переговоров в будущем, — а следовательно, и вся наша будущность — то Вы поймете, Михаил Васильевич, какая смертельная тревога за судьбу нашей Родины охватила и общественную мысль, и народные настроения.

Мы в тылу бессильны или почти бессильны бороться с этим злом. Наши способы борьбы обоюдоостры и при повышенном настроении народных масс, особенно рабочих масс, могут послужить первой искрой пожара, размеры которого никто не может ни предвидеть, ни локализовать. Я уже не говорю, что нас ждет после войны — надвигается потоп, — и жалкая, дрянная, слякотная власть готовится встретить этот катаклизм мерами, которыми ограждают себя от проливного дождя: надевают галоши и открывают зонтик.

Можете ли Вы что-либо сделать? Не знаю. Но будьте уверены, что наша отвратительная политика (включая и нашу отвратительную дипломатию) грозит пересечь линии Вашей хорошей стратегии в настоящем и окончательно исказить ее плоды в будущем. История, и в частности наша отечественная, знает тому немало грозных примеров».

Когда во многих тысячах экземпляров письмо Гучкова разнеслось по России, это вызвало величайшую сенсацию — что-то носится в воздухе, командование армии и Военно-промышленные комитеты, видимо, едины в отрицательном отношении к правительству. Царица немедленно переслала Николаю II документ, приписав: «Сурово предупреди старика (Алексеева) в

отношении этой переписки, которая рассчитана на то, чтобы потрясти его... Очевидно, что паук Гучков и Поливанов оплетают паутиной Алексеева, нужно открыть ему глаза и освободить его. Ты можешь спасти его».

Алексеев не был столь безгрешен, как полагали в Царском Селе. Когда император спросил его о переписке с Гучковым, он ответил, что не помнит, получал ли он такие письма. Спустя некоторое время Алексеев доложил царю, что, перерыв все ящики своего стола, он не обнаружил никаких писем Гучкова. Все это выглядело в высшей степени странным — Гучков, конечно, неоднократно писал Алексееву, хотя бы в силу служебного положения. Несущественно, получил или нет Алексеев лично письмо от 28 августа, много важнее другое: Гучков не без ловкости припер его к стенке. Какие бы ни велись между ними разговоры, теперь Гучков потребовал от Алексеева определить свою позицию. Генерал-адъютанту пришлось лгать в лицо императору, отпираясь от любых связей с Гучковым. Это было слишком для 63-летнего генерала. В середине ноября Алексеев, сославшись на резкое ухудшение здоровья, уехал в длительный отпуск в Крым, где его застала февральская революция.

К осени 1916 года кадеты и «прогрессисты» сочли, что тактика «параллельных действий», как называл ее Милюков, недостаточна. До тех пор они высказывались за то, чтобы сохранять к правительству «положение спутников, посаженных в одно и то же купе, но избегающих знакомства друг с другом». Это означало, что те, кто причислял себя к Прогрессивному блоку, не требуя отставки правительства Штюрмера, стремились проводить в Думе законы, намеченные в программе блока. Последовала неизбежная внутренняя грызня, блок заскрипел, а за кулисами шли негласные переговоры, кого включить в состав будущего правительства.

Еще 6 апреля 1916 года на квартире С. Н. Прокоповича и Е. Д. Кусковой было проведено тайное совещание представителей кадетов, октябристов и «левых партий» — меньшевиков и эсеров. С изменениями (Родзянко заменен Львовым, и выведены трое «либеральных» царских министров) был воспроизведен список, опубликованный в августе 1915 года. Пла-

нировалось правительство, поголовно состоящее из кадетов и октябристов, что поддержали меньшевики и эсеры, сидевшие на сборище. «С. р. и с. д. намечали «буржуазное министерство»!» — изумлялся Милюков. Еще больше удивило его, что в правительство планировалось ввести Терещенко. На взгляд профессиональных политиков, обходительный молодой человек, театрал и меломан, никак не соответствовал намеченному для него посту министра финансов. Но «кающийся капиталист» Терещенко после февраля 1917 года стал министром...

Кабинет, определенный на совещании 6 апреля 1916 года за чаем у супругов Прокоповича и Кусковой, встал у власти после февральской революции, только пополненный от фракции трудовиков Керенским и меньшевиком Чхеидзе. Что же объединяло этих людей, принадлежавших к разным партиям? Высокомерный Милюков не разглядел и не понял, что перед ним были руководители масонской организации. Они собрали это совещание и наметили кандидатуры почти поголовно из своей среды. По этой линии шло поразившее Милюкова сотрудничество представителей меньшевиков и эсеров (принадлежавших к масонам) с буржуазными деятелями, которых они публично поносили, но втайне обнимали как «братьев».

Правительство было намечено, дело оставалось за малым — поставить его у власти. А для этого необходимо для начала свалить Штюрмера. Милюкову, не посвященному в масонские тайны, выпала роль застрельщика новой вспышки кампании против режима.

Он дал не «штормовой сигнал» к революции, как утверждали белоэмигранты в двадцатые годы, а преследовал противоположную цель — добиться смены людей у власти именно в интересах предотвращения социального взрыва. В статье 1921 года «Как пришла революция» Милюков подчеркивал: «Мы не хотели этой революции. Мы особенно не хотели, чтобы она пришла во время войны. И мы отчаянно боролись, чтобы она не случилась». Он всегда полностью оправдывал характеристику Сазонова: «Милюков — величайший буржуй и больше всего боится социальной революции».

1 ноября открывалась очередная сессия Думы. Накануне члены сеньор-конвента собрались, чтобы

выработать формулу «перехода к очередным делам», которая заключала привычные три раздела: привет союзникам, призыв к армии не ослаблять усилий и критика правительства. Когда был прочитан ее проект, Шульгин заявил: «Обращаю внимание на слово «измена». Это страшное оружие. Включением его в резолюцию Дума нанесет смертельный удар правительству... Все то, что болтают по этому поводу, в конце концов, только болтовня. Если у кого есть факты, то я попрошу их огласить. На такое обвинение идти с закрытыми глазами мы не можем».

Фактов, конечно, не было, сидели все «свои», которые и распускали эти слухи. После словесной перепалки все же смягчили резолюцию — действия правительства нелепы и привели к тому, что «роковое слово «измена» ходит из уст в уста».

1 ноября Милюков поднялся на думскую трибуну и произнес речь, в которой прямо обвинил правительство в измене, подготовке сепаратного мира с Германией. Играя голосом, став в позу и актерствуя, Милюков вещал:

«С тяжелым чувством я вхожу на эту трибуну. Вы помните обстоятельства, при которых Дума собиралась больше года тому назад 19 июля 1915 года. Все мы были под впечатлением наших военных неудач. Мы нашли причины этих неудач в недостатке военных припасов и указали, что виновато в этом поведение военного министра Сухомлинова... Был удален Сухомлинов, которого страна считала изменником. Вы помните, что была создана следственная комиссия и положено начало отдаче под суд бывшего военного министра. Общественный подъем не прошел тогда даром. Наша армия получила то, что ей было нужно. Теперь мы перед новыми трудностями, и трудности эти не менее сложны и серьезны, не менее глубоки, чем те, перед которыми мы стояли весной прошлого года. Но теперь есть разница в положении. Мы потеряли веру в то, что эта власть может привести к победе... Господа, год тому назад был отдан под следствие Сухомлинов. Теперь он освобожден».

Оратор процитировал по-немецки газету «Нойе фрайе цайтунг», где упоминалась императрица, и продолжал по-русски бичевать окружавшую ее камарилью — Распутина, Питирима, Штюрмера. Милюков

выразил твердую уверенность в том, что курс на сепаратный мир взят. «Когда мы обвиняли Сухомлинова, мы ведь тоже не имели тех данных, которые следствие открыло. Мы имели то, что имеем теперь: инстинктивный голос всей страны и ее субъективную уверенность». В общем, закончил Милюков, «кабинет, не заслуживающий доверия Государственной думы, должен уйти!».

Слово «измена» с молниеносной быстротой разнеслось по стране. В Петрограде за прочтение речи платили 3 рубля, ее моментально размножили, продавая по рублю, переписчики часто вставляли кое-что от себя, чтобы было «горячее». «Впечатление получилось, — писал впоследствии Милюков, — как будто прорван был наполненный гноем пузырь и выставлено напоказ коренное зло, известное всем, но ожидавшее публичного обличения». В предисловии к отдельному изданию речи при Временном правительстве (конечно, не без ведома оратора) объяснялось: «С высоты думской трибуны было названо впервые имя царицы и предъявлено царскому правительству тяжкое обвинение в национальной измене. Испытанный вождь оппозиции П. Н. Милюков тщательно подготовил материал для всенародного разоблачения закулисной работы партии царицы Александры и Штюрмера и перед лицом всего мира разорвал завесу, скрывавшую немецкую лабораторию сепаратного мира».

В обоснованность обвинений верили — связи Милюкова с иностранными посольствами были хорошо известны, он недавно вернулся из поездки с думской делегацией по союзным и нейтральным странам Европы. Естественно, полагали, что там Милюков почерпнул свою информацию, тем более что в речи он заметил: «Из уст британского посла сэра Джорджа Бьюкенена я выслушал тяжеловесное обвинение против известного круга лиц в желании подготовить путь к сепаратному миру». Милюков действительно набрался соответствующих сведений за рубежом. В Швейцарии, по его же словам, он встретился «со старой русской эмиграцией. В этой среде все были уверены, что русское правительство сносится с Германией через своих специальных агентов. На меня посыпался целый букет фактов — достоверных, сомнительных и неправдоподобных: рассортировать их было нелегко... Во всем

этом, в связи с данными, собранными мною в России, было, повторяю, нелегко разобраться. Часть материала из Швейцарии я все же использовал для своей речи 1 ноября».

Милюков связал слухи о сепаратном мире с А. Д. Протопоповым, назначенным в сентябре управляющим министерства внутренних дел. Дума в это время сосредоточила огонь, помимо Штюрмера, и на Протопопове, разъяренная, что он, выйдя из ее среды (октябрист Протопопов был товарищем председателя Думы, председателем Совета съездов металлообрабатывающей промышленности), «предал», перекинулся к распутинцам. Так оно и было. Вероятно, психически неуравновешенный Протопопов, помогавший Распутину, уверовал в свою счастливую звезду и возомнил себя «спасителем» самодержавия.

Думцы в конце октября пригласили Протопопова, чтобы разъяснить, что нехорошо предавать. Он явился к сюртукам и фракам, облаченный в жандармский мундир. Милюков и иные протирали глаза — ужели это тот Протопопов, который совсем недавно поносил кабинет Штюрмера? Попытались допросить Протопопова — зачем он взялся ревностно служить трону, он отрезал:

— Ты граф, ты богат, у тебя деньги куры не клюют, тебе нечего искать и не к чему стремиться, а я в юности давал уроки по полтиннику за час, и для меня пост министра внутренних дел — то положение, в котором ты не нуждаешься.

Разговора не получилось, Протопопов гордо ушел, преисполненный решимости защищать мундир и царя, а Милюков в своей речи до отказа использовал случайную встречу Протопопова с германским банкиром Варбургом в Стокгольме во время той же поездки думской делегации в Европу.

Помимо нападок в Думе — за речью Милюкова последовали не менее ожесточенные выступления Шульгина и других, члены императорского дома высказали решительное недовольство царю сложившимся положением. 9 ноября премьером стал министр путей сообщения А. Ф. Трепов. Он попытался укрепить положение правительства, сделав уступки правому крылу оппозиции. Но в Думе требовали, как минимум, от-

ставки Протопопова. Маневр не удался — императрица горой встала за Протопопова, креатуру Распутина.

Она пишет царю: «Помни, что дело не в Протоп. Это вопрос о монархии и твоем престиже, которые не должны быть поколеблены во время сессии Думы. Не думай, что на этом одном кончится: они по одному удалят всех тех, кто тебе предан, а затем и нас самих... Снова повторяю, что тут дело не в Протоп., а в том, чтоб ты был тверд и не уступал — царь правит, а не Дума». Источник своего вдохновения царица не скрыла. Она вразумляет супруга: «Ах милый, я так горячо молю бога, чтобы он просветил тебя, что в Нем наше спасение: не будь Его здесь, не знаю, что бы было с нами. Он спасает нас своими молитвами, мудрыми советами. Он — наша опора и помощь». Тот, о котором упоминали с большой буквы, Распутин, телеграфирует в ставку: «Ваш корабль, и никто не имеет власти на его сести» и т. д. Протопопов был утвержден министром внутренних дел.

Описанные мотивы, конечно, не могли быть широко известны. В продолжавшемся возвышении Протопопова усматривали одно — Россия на пороге сепаратного мира. Версия, сфабрикованная Милюковым, получила, казалось, новое подтверждение. Буржуазия положительно упивалась своими успехами в борьбе против «темных сил».

В. И. Ленин внимательно следил за происходившим на русской сцене. Он отметил слухи, появившиеся в швейцарской печати, о тайных переговорах, якобы идущих между Штюрмером и Бюловом. В статье «О сепаратном мире», увидевшей свет в ноябре 1916 года в газете «Социал-демократ», Ленин указал, что эти слухи «по существу проверить невозможно», и что «одинаково возможен обман и со стороны России, которая не может признаться в ведении переговоров о сепаратном мире, и со стороны Германии, которая не может не попытаться рассорить Россию с Англией независимо от того, ведутся ли переговоры и насколько успешно» [1].

Касаясь вопроса о сепаратном мире, В. И. Ленин тщательно взвешивает факты, строит свои размышления на глубоком анализе реальной действительности.

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 184.

В январе 1917 года выходит ленинская работа «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический». Отмечая несомненно сильное истощение обеих империалистических коалиций, Ленин указывал, что наступил или наступает поворот от империалистической войны к империалистическому миру. Ленин не исключал, что между Германией и Россией могли вестись какие-то переговоры, но «смена Штюрмера Треповым, публичное заявление царизма, что «право» России на Константинополь признано всеми союзниками, создание Германией особого государства польского — эти признаки указывают как будто на то, что переговоры о сепаратном мире кончились неудачей»[1]. 31 января 1917 года В. И. Ленин публикует статью «Поворот в мировой политике», в которой еще и еще оговаривает, что о существе дел «знать нельзя», но есть объективный фактор, который препятствует царизму подписать такой мир — царь может рассудить: «революция растет, и я не ручаюсь за армию, с генералами которой переписывается Гучков, а офицеры которой теперь больше из вчерашних гимназистов»[2].

В. И. Ленин, говоря о повороте к империалистическому миру, исходил из общих тенденций, проявившихся в войне, отнюдь не выводя его из не поддающихся проверке слухов о сепаратном мире между Германией и Россией. Как отмечал советский исследователь В. С. Дякин в 1967 году, «нам представляется, что, если в научный оборот не будут введены новые достоверные факты, нет оснований утверждать, будто царское правительство или придворная камарилья помимо правительства принимали реальные шаги для заключения сепаратного мира... Практически царизм, насколько мы можем судить на основании имеющихся фактов, не встал на путь сепаратного выхода из войны».

Кампания, начатая буржуазией о сепаратном мире, как и другие надуманные утверждения, имела в виду не заботу о судьбах России, а диктовалась своекорыстными интересами капитала свалить соперников, одновременно предотвратив революционный подъем масс.

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 242.
[2] Там же, стр. 341.

* * *

В те самые дни, когда правительство забрасывалось обвинениями с думской трибуны, а в стране все еще чествовали брусиловских героев, решительный и дерзкий демарш в отношении верховной власти предприняло Главное артиллерийское управление. Был ли он согласован с действиями руководителей «общественности», сказать наверняка нельзя, но дата многозначительна — 2 ноября 1916 года. Именно в этот день на стол военного министра лег доклад начальника ГАУ № 165392, посвященный на первый взгляд специальному вопросу — программе заводского строительства. На деле то было ультимативное требование немедленной перестройки всей экономической жизни России.

В докладе категорически высказалась та часть командования армии, которая считала, что, хотя впереди тяжелые бои, кризис миновал. На фронт идет могучий поток вооружения и боеприпасов, повторение года 1915-го невозможно. Текущие задачи боевого обеспечения действующей армии не волновали составителей, исходивших из того, что они в общем достигнуты. ГАУ заглянуло в будущее, настаивая на коренной перестройке народного хозяйства, о которой могли мечтать разве что технократы.

Конечно, «программа» была «привязана», хотя условно, к нуждам бушевавшей войны. В документе говорилось: «Неизвестно — когда кончится война. Все делавшиеся на этот счет предсказания до сих пор не оправдались. Враг еще не сломлен и не проявляет никаких признаков своего желания заключить мир на приемлемых для союзников условиях. Поэтому разговоры о том, что война скоро кончится, не могут иметь резонного значения. Она кончится лишь тогда, когда у нас окажется несомненный перевес в боевом снабжении, именно — артиллерийском, так как только артиллерия решает ныне участь сражений, а это возможно лишь при наличии заводов, указанных в «Программе».

Последнее указание не что иное, как словесное украшение документа, чтобы отвести упреки в том, что составители его — беспочвенные фантазеры. Больше того, в докладе указывалось, что ГАУ знает о возра-

жении министерства финансов и государственного контроля против заводского строительства, потому что они «неизменно всякий раз при испрошении кредитов Главным артиллерийским управлением на постройку каждого нового завода выступали с категорическими протестами и исключительно во имя «государственной экономии», выставляя главнейшим аргументом единственное соображение, что данный завод для настоящей войны не поспеет... так как при самом ускоренном темпе стройки, они, в условиях переживаемого времени, не поспеют ранее как через 2—3 года. Следовательно, пользы ожидать от этих сооружений для текущей войны нельзя, а вред обороне, в ее настоящем положении, будет нанесен несомненный», ибо отвлекутся ресурсы людские и материальные, необходимые для нынешних военных усилий.

Эти соображения в докладе признавались неосновательными: «Постройку всех больших заводов, требующих солидных сооружений и такового же оборудования, предположено завершить действительно в течение 2—3 лет. Конечно, этот срок можно и должно сократить по меньшей мере вдвое, если поставить это дело, как и подобает, на более коммерческую ногу и избавить строительные комиссии от многих бюрократических пут, пока этого нет — волей-неволей приходится тянуть постройки 2—3 года. Но, когда обстановка повелительно потребует — эти путы, конечно, будут разорваны».

Утверждение не голословное — в докладе давались детальные расчеты количества материалов, необходимых для постройки заводов, и убедительно доказывалось, что Россия в состоянии выделить их, не нанося ущерба обеспечению фронта. С одним условием — установлением жесткого контроля над распределением металла, который в сыром виде и в изделиях служит на рынке предметом самой бессовестной и открыто происходящей спекуляции. А как с транспортными возможностями, не сорвут ли поставки для новых заводов, воинских перевозок? ГАУ, ссылаясь на данные министра путей сообщения, указывало: «Провозная способность отечественных железных дорог остается фактически и в значительной степени неиспользованной, причем процент неиспользованности для различных районов империи колеблется от 5 до 70%».

Наконец, о людских ресурсах. Нужны «самые заурядные строительные рабочие: каменщики и бетонщики, плотники, столяры и просто чернорабочие. Эти категории рабочих сколько-нибудь значительного участия в работах на предметы собственно обороны не принимают и теперь. Затем, число их, даже для очень больших построек, требуется ограниченное, и они легко могут быть пополнены из команд нижних чинов и из кадров военнопленных, которые на наши заводы и фабрики, работающие на оборону, допускаются ныне лишь в очень незначительном количестве».

Деловые расчеты специалистов ГАУ в строго секретном документе для обоснования конкретной программы развенчивают миф о том, что на третьем году войны Россия исчерпала свои ресурсы. Их было более чем достаточно, вопрос шел о рациональном использовании имевшихся и возможностях стремительного развития потенциальных. Следовательно, дело упиралось в управление.

В этом отношении ГАУ всегда стояло за самые жесткие методы. На протяжении войны оно неоднократно входило в совет министров, требуя перевести казенные заводы на положение мобилизованных. Работа на них должна приравниваться к отбыванию воинской повинности. Правительство отклонило эти предложения, сославшись на то, что претворение их в жизнь дает «повод к нежелательным толкам и волнениям». Даже царские сановники оробели перед решимостью технократов ГАУ. Конечно, это только часть объяснения. Другая, и, быть может, более существенная, — ГАУ требовало ввести в определенные рамки и промышленников, которые не желали терпеть никаких стеснений. Как бы то ни было, не надо обладать большой долей воображения, чтобы представить себе, как собирались «дисциплинировать» рабочих при выполнении новой «Программы».

Через весь доклад красной нитью проходит мысль — медлить нельзя: «Здесь, более чем где-либо, полезно помнить, что утрата времени — смерти подобна. Хотя осуществление программы потребует несомненных жертв финансовыми средствами, но эти жертвы не только будут в полном соответствии с высокой целью, ради которой они приносятся, но скоро и окупятся сторицей».

В чем же эта «высокая цель»?

«Совершенно неизвестно, какова будет политическая конъюнктура по окончании войны, т. е. во время выработки условий мирного договора и в следующий затем период. В конечном результате каждый будет предоставлен своим собственным силам, и горе тому, у кого к тому времени не будут подготовлены боевые средства. Вот когда сослужат великую службу наши новые заводы, даже если к тому времени они не будут вполне закончены. Образование новых запасов военного времени при колоссальности сказавшегося уже масштаба настоящей войны и при безусловной необходимости значительного сокращения мобилизационного периода армии также потребует громадной мощности заводов, именно в ближайшее время после войны, к каковому эти заводы и должны быть готовы...

По окончании войны у нас появятся опаснейшие конкуренты за границей, успевшие уже за войну развить у себя до крайности военную промышленность. Не подлежит никакому сомнению, что тотчас же по окончании войны начнется общая экономическая борьба и эта борьба будет беспощадна. Если мы не будем готовы к ней, то могучая техника и наших друзей, и наших врагов раздавит нашу все еще слабую технику. И к новой войне Россия окажется отставшей от своих будущих противников еще в большей степени, чем теперь, т. к. эти противники уже успели так развить свою промышленность, что от них не потребуется впредь ни особых усилий, ни особых жертв.

Неизбежным выводом из всего приведенного выше является убеждение, что к выполнению намеченной Главным артиллерийским управлением программы военно-заводского строительства следует приступить немедленно, не теряя ни одной минуты».

Целью «Программы» было достижение Россией автаркии в сфере военного производства. ГАУ, накопившее внушительный отрицательный опыт ведения дел с иностранными фирмами, настаивало: «Ныне перед нами встает задача важности необыкновенной: хоть теперь встать на правильный путь, т. е. во что бы то ни стало избавиться по части боевого снабжения от иноземной зависимости и добиться того, чтобы наша армия все необходимое для себя получала бы у себя дома — внутри России... Без полной самостоятельно-

сти в этом отношении трудно остаться Великой Державой, несмотря ни на какие условия территории и внутренних богатств страны... Не надо терять ни одной минуты, и все, что можно сделать сегодня, — мы не имеем права откладывать на завтра. Только при полном напряжении всех сил в этом направлении возможно вывести Россию на новый путь — полной независимости по части боевого снабжения нашей армии от заграничных рынков».

Поддержание и расширение контактов с другими странами, с оттенком византийской хитрости указывалось в докладе, важно не столько для нужд бушевавшей войны, а в предвидении послевоенного периода. «Теперь, во время войны, наши союзники дают нам и деньги (займы), и принимают наши заказы... Это им приходится делать, так как иначе мы воевать не можем. Но, по отношению к будущему, нельзя предаваться опасным иллюзиям и считать, что все так сохранится и после войны. Напротив, более чем вероятно, что тогда заграничные займы для нас будут если не невозможны, то крайне обременительны». Итак, не упускать военной конъюнктуры, тем более что «многие заграничные заводы кончают наши заказы и пока охотно по дешевой цене уступят нам свое оборудование, чему уже есть примеры (если мы не дадим новых заказов), получив его, мы скоро можем пустить в ход свои новые заводы. Если же мы захотим проделать это после войны, то уже такой дешевки может и не быть».

Вопрос вопросов «Программы» упирался во взаимоотношения государства и частной промышленности. В этом отношении ГАУ требовало поломать сложившийся порядок зависимости от произвола предпринимателей. Обязательным условием осуществления «Программы» считалось решительное укрепление того, что марксисты называют государственно-монополистическим капитализмом. ГАУ властно требовало положить конец лихоимству заводчиков, беспощадному грабежу казны, ограничения аппетитов алчной буржуазии в интересах государства в целом. Всю войну Маниковский бился за то, чтобы пресечь рост прибылей, не основывавшихся ни на чем, кроме страсти к наживе. Невероятный разгул спекуляции последовал, когда в снабжение армии начиная с 1915 года включились

поднимавшиеся как грибы «общественные организации». Дело неоднократно доводилось до царя и без всяких последствий. В очередной прием начальника ГАУ Николаем II между ними состоялся примечательный диалог:

«Николай II: На вас жалуются, что вы стесняете самодеятельность общества при снабжении армии.

Маниковский: Ваше величество, они и без того наживаются на поставке на 300%, а бывали случаи, что получали даже более 1000% барыша.

Николай II: Ну и пусть наживают, лишь бы не воровали.

Маниковский: Ваше величество, но это хуже воровства, это открытый грабеж.

Николай II: Все-таки не нужно раздражать общественное мнение».

Маниковский, конечно, не видел, что это было проявление рассчитанной тактики царизма — откупаться от буржуазии в экономическом отношении, чтобы ослабить ее политическое давление. Он смотрел с точки зрения ущерба для концентрации усилий на ведение войны.

Теперь в докладе военному министру Маниковский во всеоружии опыта привел убийственные факты грабежа казны предпринимателями. В подробных таблицах показывалось, сколько переплачивалось частной промышленности по сравнению с казенными заводами. Только по артиллерийским выстрелам переплата составила к исходу 1916 года 1094 миллиона рублей. И было от чего — если на казенном заводе 122-миллиметровая гаубичная шрапнель обходилась в 15 рублей за снаряд, то частный завод получал 35 рублей, 76-миллиметровая — соответственно 10 и 15 рублей, 152-миллиметровый фугасный снаряд — 42 и 70 рублей и т. д. «Наша частная промышленность, особенно металлообрабатывающая, — говорилось в докладе, — взвинтила цены на все предметы боевого снабжения до степени ни с чем несообразной... Хотя при сравнении заготовочных цен наших союзников с ценами нашей частной промышленности и выясняется, насколько дешевле им обходятся предметы боевого снабжения в сравнении с нами, но все же следует отметить, что в общем гг. промышленники — и наши, и в союзных странах — проявили непомерные аппетиты к наживе».

Где выход? На время войны выборочное огосударствление предприятий — «как пример можно привести Путиловский завод, который до перехода в казенное управление почти не делал 6-дюймовых снарядов, с переходом же он стал подавать почти половину всего изготовленного в России количества этих снарядов». Мощные казенные заводы должны быть эталоном цен на военную продукцию частной промышленности. «Все равно без частной промышленности военному ведомству не обойтись, и действительность показала, что эта промышленность удовлетворяет потребности армии в гораздо большей степени, чем казенные заводы».

По мнению ГАУ, частная промышленность должна после войны заняться своим прямым делом — «работать на великий русский рынок, который до войны заполнялся в значительной степени заграничными фабриками... Вот поистине благородная задача для нашей частной промышленности — завоевать свой собственный рынок... Если же отечественная частная промышленность будет рассчитывать только на казенные заказы, правда чрезмерно обогатившие гг. банкиров и промышленников в самую черную годину России, то она не исполнит своего долга перед родиной. А чтобы в нужное время частные заводы смогли быстро «мобилизоваться», т. е. чтобы в них не вытравилось налаженное дело, то для этого они должны сохранить под контролем Главного артиллерийского управления ячейки тех «военных производств», на оборудование коих эти заводы получили от казны колоссальные суммы. На поддержание же работы этих ячеек казенных заказов хватит и в мирное время».

Стройный и строгий документ, охватывавший проблемы, далеко выходившие за непосредственную компетенцию ГАУ. Составители не ждали окончательного утверждения предложенного, а смело заявляли, что в пределах их сил «Программа» уже выполняется. Нужно было быть большими смельчаками, уверенными в успехе каких-то предприятий, чтобы вписать в доклад военному министру: «Эти меры ясны сами по себе, они частью уже принимаются и ныне, — необходимо только *не затормозить их дальнейшего развития*, — а именно: надо в самом спешном порядке развивать свою отечественную промышленность, и притом в расчете

не только на потребности текущей войны, *но и в предвидении будущей»* (курсив в тексте документа. — *Н. Я.*).

Остается добавить немногое — имя генерала А. А. Маниковского всегда открывало список военных, входивших в масонскую организацию. Изложенное, надо полагать, в той или иной мере отразило взгляды российского масонства на экономическое развитие страны. О них Маниковский счел необходимым оповестить тех, кто доживал последние месяцы у власти. На смену им, как видно из доклада, шли люди решительные, конечно, не чета дряблой массе русской буржуазии. Но они не оценили той массы, которою двигал примитивный инстинкт обогащения. Последний оказался сильнее, чем сложные планы, имевшие в виду конечное благо буржуазии и во имя его требовавшие немедленных жертв.

В своей книге «Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 годов», вышедшей в 1920 году, Маниковский написал о дальнейшей судьбе «Программы»: усилия ГАУ «находили лишь слабый отклик в правительственных кругах, а, напротив, гг. промышленники пользовались там особым покровительством и всегда умели находить верный путь к осуществлению своих планов... Лучшей иллюстрацией к этому может служить то обстоятельство, что тотчас же после февральского переворота гг. промышленники настояли на образовании особой комиссии с преобладанием их для уничтожения казенного строительства, что и было ими успешно выполнено».

Оно и понятно. Экономическая программа Маниковского никак не была по вкусу буржуа, который не мог заглянуть дальше текущего счета в бухгалтерской книге.

* * *

Выступать в ноябре 1916 года с теми предложениями, которые были выдвинуты в докладе ГАУ, было равносильно произнесению речей в вату. Военному министру Д. С. Шуваеву было не до них — он прослышал, что и его честят изменником. Старый служака обиделся, надулся и ходил, повторяя как помешанный:

— Я, может быть, дурак, но я не изменник!

Действительно, в той обстановке, которая сложилась в верхах России к исходу 1916 года, было не мудрено потерять не только ощущение реальности, но просто рассудок. Сосредоточенные усилия буржуазии сделали свое дело — над страной довлело представление о происходившем на фронте, не соответствовавшее реальности, а созданное кадетами и их единомышленниками. Силы врага невероятно, фантастически преувеличивались, кайзеровские генералы наделялись сверхъестественными качествами. Рука об руку с этим шло поношение всего русского, возводилась в абсолют «отсталость» России. Господа, засевшие в редакторских кабинетах и не нюхавшие пороха, имели смелость рассуждать о боевых качествах русского солдата, всячески принижая его. Стремясь занять место царизма у руля правления Россией, руководители буржуазии не нашли более уместного способа расчистить для себя место, как со все возраставшей силой клеветать на великий русский народ. Они не видели, что эта кампания делает ее зачинщиков чуждыми для соотечественников в той же мере, в какой царизм был врагом народа.

И все же, каково было военно-экономическое положение России на рубеже 1916—1917 годов? Не был же беспочвенным фантазером Маниковский! Ведь твердили об «измене», «отсталости» и прочем, а он только работал и считал — по масштабам как Западного, так и Восточного фронтов. Верденская битва, пожалуй, поставила рекорд по интенсивности артиллерийского огня. Маниковский вычислял: «Если взять расчет по той норме, сколько в течение пяти месяцев верденские орудия выпускали снарядов в сутки, и начать наступление по всему фронту, то есть от Балтийского моря до Персии, то мы могли на всем этом протяжении поддерживать из всех наших орудий верденский огонь в течение месяца. На складах у нас тогда имелось 30 миллионов полевых...»

Он, обладая избытком смелости и хитрости, умел предстать простаком перед сановниками: «Трудно, очень трудно, но на то война, чтобы преодолевать трудности. Ваше дело приказывать — мое исполнять». Исполнял, конечно, не столько по букве приказа, сколько по собственному разумению. «Таков был генерал, — любовался Шульгин, — заготовивший вер-

денский огонь по всему фронту для спасения империи накануне революции. Но для спасения ее этого было уже мало. Не было власти...»

А какие были ресурсы? В ходе войны Россия потеряла Польшу, часть Прибалтики. Общие потери промышленности достигли 20 процентов от довоенной, а в некоторых отраслях выше — по текстилю 25 процентов, химической промышленности 23 процента. Эвакуация промышленности из зоны военных действий была проведена бессистемно, всего было вывезено свыше тысячи крупных предприятий. Владельцы, получив ссуды от правительства, не торопились налаживать производство на новом месте и были заняты главным образом выколачиванием новых, миллионных авансов. Эвакуация на восток не имела существенного значения для усиления обороноспособности России.

В 1916 году было добыто 2096 миллионов пудов каменного угля против 2199 миллионов пудов в 1913 году. Таким образом, не была полностью компенсирована утрата Домбровского каменноугольного бассейна, давшего в 1913 году 426 миллионов пудов, хотя в Донбассе добыча значительно возросла. Выплавка чугуна с 257 миллионов пудов в 1913 году уменьшилась до 232 миллионов пудов в 1916 году, примерно такое же падение было и по выплавке стали.

По степени мобилизации промышленности — из 3,3 миллиона рабочих в 1916 году 1,9 миллиона рабочих, или 58 процентов, заняты в военном производстве — Россия находилась на уровне Германии и Франции, оставив позади Англию, где на войну работало 46 процентов занятых. Основная группа обследованных предприятий (общее количество 2300) в России дала увеличение производства вооружения (1913 — 100) в 1916 году до 230 процентов, предметов снаряжения 121 процент. Производительность труда на одного рабочего на заводах вооружения возросла за эти годы до 176 процентов.

В 1916 году армия получила 32 миллиона снарядов, из них около 10 миллионов по зарубежным заказам. Потребность в выстрелах для 76-миллиметровых орудий, по поводу чего били в набат в 1915 году, была с лихвой удовлетворена. Заводчики «разогнали» их выпуск настолько, что пришлось приложить нечеловеческие усилия, чтобы заставить их взяться за снаряды

для тяжелой артиллерии, производство которых было сложнее. О величине приложенных в этой связи усилий говорит тот факт, что если пересчитать все изготовленные русской промышленностью в 1916 году снаряды в снарядных единицах (считая за одну 76-миллиметровый снаряд), то общий объем производства равен 50 миллионам условных единиц.

В непрекращавшихся боях лета 1916 года русская полевая артиллерия расходовала 2 миллиона снарядов в месяц, именно такой ежемесячной производительности достигла отечественная промышленность к концу 1916 года. Другими словами, если в начале войны Россия, имевшая только два завода (Златоустовский и Ижевский), подготовленных для их производства, получала по 50 тысяч снарядов ежемесячно, то к концу 1916 года общее производство в стране увеличилось в 40 раз. В начале войны русская полевая артиллерия была обеспечена по тысяче снарядов на орудие, к 1917 году запас на орудие составлял 4 тысячи снарядов — и это при ежедневной боевой работе.

Резко увеличили свое производство артиллерийские заводы. Если в 1914 году было выпущено 285 76-миллиметровых пушек, то в 1916 году фронт получил их 7238 плюс 220 по заграничным заказам. В войну было поставлено производство, которого не было до 1914 года. В 1916 году в армию было передано 12 443 бомбомета и миномета.

Ахиллесовой пятой России по-прежнему оставалась тяжелая артиллерия, по которой противник продолжал превосходить нашу армию. На 1000 штыков в русской армии приходилось к началу 1917 года 1,1 тяжелого орудия, в Германии 3,9, Англии 2,7, Франции 3,5. Однако за этими средними цифрами кроется большой рост в абсолютных цифрах. Если общее количество орудий в строю русской армии перевалило за войну за 10 тысяч, то есть увеличилось на 45 процентов, тяжелая артиллерия возросла в 7 раз. В начале 1917 года на русском фронте было более 1400 таких орудий.

Несмотря на все усилия, нехватку винтовок преодолеть не удалось. Оружейная промышленность достигла пика в январе 1917 года — было изготовлено 130 тысяч винтовок, при расчетной производительности русских оружейных заводов в 1914 году в 44 ты-

сячи винтовок ежемесячно. Относительно хорошо обстояло дело с пулеметами, их производство увеличилось с 1200 в 1914 году до 11 тысяч в 1916 году. Обеспечение патронами, которых было подано на фронт в 1916 году 1,5 миллиарда, было в общем достигнуто.

По простейшим видам военно-технического снабжения фронт был удовлетворен. Так, при месячной потребности в колючей проволоке в 1,5 миллиона пудов все тыловые склады были завалены ею, и ставка просила прекратить дальнейшую доставку. К концу 1916 года на складах скопилось более 6 миллионов пудов колючей проволоки. В 1916 году в армию поступило 1,8 миллиона ручных ножниц для резки колючей проволоки, миллионы единиц шанцевого инструмента и прочего.

Однако размах и сложность войны выдвинули такие потребности, которые на русском фронте далеко не удовлетворялись. Так, на 1 января 1916 года в армии было 240 радиостанций и 4 тысячи телефонных аппаратов, за год поступило еще 802 радиостанции и 105 тысяч телефонных аппаратов. Этого все же было мало, не говоря уже о том, что они были преимущественно иностранного происхождения.

Русская армия вступила в войну слабо обеспеченная автомобильным транспортом, было всего 679 автомобилей. К началу 1916 года в армии уже было 5,3 тысячи автомобилей, за год прибыло еще 6,8 тысячи. Абсолютные цифры внушительны, но для сопоставления можно указать, что вдвое меньшая по численности французская армия имела к концу войны 90 тысяч автомашин.

В 1914 году Россия, имевшая около 300 самолетов, вероятно, занимала первое место среди воюющих держав. В 1916 году в русской авиации было свыше 700 самолетов. Но этого было ничтожно мало. В Германии, Франции, Англии самолеты выпускались тысячами, союзники отправляли в Россию только устаревшие образцы. Авиапромышленность России была слабой — к 1916 году она дала 1,1 тысячи самолетов против 4,6 тысячи в Германии. Развитие военной авиации, как и расширение автопарка, Россия могла связывать главным образом с закупками за рубежом. Особое совещание в 1916 году приняло решение о доведении русской военной авиации почти до 2 тысяч самолетов,

выполнение его зависело в основном от заграничных поставок. В начале 1917 года Россия просила союзников доставить в ближайшие 18 месяцев 5,2 тысячи самолетов.

За годы войны в России было мобилизовано в армию 15—16 миллионов человек, что примерно составляло 9 процентов населения. По степени использования людских ресурсов другие воюющие страны далеко ушли вперед — в Германии было мобилизовано свыше 20 процентов, во Франции около 20 процентов и даже в Англии почти 13 процентов от населения.

В крестьянской стране, какой была Россия, мобилизация больно ударила по деревне. При преобладании живой рабочей силы уход миллионов здоровых мужчин в армию привел к сокращению посевных площадей в 1915 году приблизительно на 20 процентов. В результате упали валовые сборы всех хлебов и картофеля, исчислявшиеся в 1909—1913 годах в среднем в 7 миллиардов пудов, до 5,1 миллиарда пудов в 1916 году. Если принять индекс валовой продукции 1913 года за 100, то в 1917 году она составила 88 (81 по земледелию и 100 по животноводству).

До войны 680 миллионов пудов, или 15 процентов валового сбора, шло на экспорт. В войну вывоз зерновых почти прекратился, и поэтому сокращение производства продовольственных зерновых хлебов с 1913 года по 1917 год с 2,8 до 2,2 миллиарда пудов и кормовых зерновых с 2,1 до 1,1 миллиарда пудов, казалось, не грозило серьезными последствиями. Армия в 1916 году забрала всего 212 миллионов пудов муки и 295 миллионов пудов овса и ячменя. Тем не менее на рубеже 1916/17 года страна встала перед продовольственной катастрофой. Почему?

Обнажилась прежде всего фальшь утверждений о том, что Россия необычайно богата хлебом. Довоенный экспорт диктовался не наличием излишков. Отнималось самое необходимое — расхожим лозунгом было «не доедим, а вывезем». Теперь производство продовольственных хлебов стало меньше, чем отбирал довоенный хлебный экспорт, и сложилось напряженное положение.

Перевод промышленности на военные рельсы резко сократил поступление на рынок потребительских товаров, сельскохозяйственного инвентаря и удобрений.

Наращивание военной экономики разрушило всю ткань хозяйственной жизни страны. При свирепствовавшей инфляции деревня переставала продавать свои продукты за деньги, стоимость которых постоянно падала. Товаров не было. Отсюда нараставший кризис в снабжении продовольствием. Деревня, в первую голову кулаки, имевшие товарный хлеб, попросту стала придерживать его или продавать по бешеным ценам.

Анализируя причины голода в 1918 году, В. И. Ленин подчеркивал, что это результат отношения кулака к городу, сложившийся в годы первой мировой войны. «Тут говорим мы себе: — указывал Ленин в июле 1918 года, — как быть с хлебом, по-старому ли, по-капиталистически, когда крестьяне, пользуясь случаем, наживают тысячи рублей на хлебе, называя при этом себя трудовыми крестьянами... Они рассуждают так: если народ голодает, значит, цены на хлеб повышаются, если голод в городах, значит, у меня туга мошна, а если будут голодать еще больше, значит, я наживу еще лишние тысячи. ...Я прекрасно знаю, что не вина отдельных лиц в этом рассуждении. Все старое гнусное наследие помещичьего и капиталистического общества научило людей так мыслить, так думать и жить, а переделать жизнь десятков миллионов людей страшно трудно» [1].

Нарушение товарообмена между городом и деревней положило начало тому, что позднее получило название кулацкого саботажа. Царское правительство пыталось найти выход из положения тем, что «установило твердые цены и эти цены на хлеб повысило» [2]. Повышение цен было «нелепой мерой», указывал В. И. Ленин, ибо ход мысли кулака очевиден — «нам повышают цены, проголодались, подождем, еще повысят. Это — дорога торная, дорога угождения кулакам и спекулянтам, на нее легко стать» [3].

По этой дороге самодержавие без большой задержки докатилось до продовольственного кризиса. В декабре 1916 года было разрешено приступить к принудительной хлебной разверстке, от которой ожидалось получить 722 миллиона пудов. Заметных результатов не последовало.

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 504—505.
[2] Там же, стр. 401.
[3] Там же, стр. 411.

Разруха на транспорте довершала картину. В 1916 году паровозный парк уменьшился на 16 процентов, а парк товарных вагонов — на 14 процентов. Бессистемно использовавшиеся дороги не справлялись с перевозками, в то время как протяженность путей возросла. За войну было построено 3,3 тысячи километров новых железнодорожных линий и 2,8 тысячи находились в постройке. Для обслуживания непосредственно фронтов было сооружено 2,2 тысячи километров полевых железных дорог облегченного типа и еще 600 километров строилось. Не доставлялись в срок не только военные грузы, но и продовольствие.

Один только пример — снабжение мясом армии и населения. С началом войны суточная дача мяса солдату была удвоена и доведена до фунта в день, а «действующая армия» увеличилась к концу 1916 года до 7 миллионов человек. Для перевозки мяса не хватало вагонов-ледников, соорудить на местах холодильники не удавалось из-за отсутствия оборудования, для консервных заводов не было нужного количества жести.

Родзянко так описывал положение в середине 1916 года: «Беспорядки в тылу приняли угрожающий характер. В Петрограде уже чувствовался недостаток мясных продуктов. Между тем, проезжая по городу, можно было встретить вереницы подвод, нагруженных испорченными мясными тушами, которые везли на мыловаренный завод. Подводы попадались прохожим среди белого дня и приводили жителей столицы в негодование: на рынке нет мяса, а на глазах у всех везут чуть ли не на свалку испорченные туши... По обыкновению, министерства не могли с собой сговориться: интендантство заказывало, железные дороги привозили, а сохранять было негде, на рынок же выпускать не разрешалось. Это было так же нелепо, как и многое другое: точно сговорились все делать во вред России».

Тут, вероятно, Родзянко подошел к истине — одним головотяпством чиновников объяснить происходившее было невозможно. Буржуазия и ее агенты не дремали — словесные нападки на режим они подкрепляли делом, способствовали созданию к началу 1917 года серьезного продовольственного кризиса. До ноября 1916 года фронты имели запас продовольствия на два месяца, к февралю 1917 года — на не-

сколько дней. Как могло это случиться? Разве не прослеживается синхронность — с начала ноября резкие нападки в Думе и тут же крах продовольственного снабжения! На совещании в ставке командующий Северным фронтом генерал Рузский недоумевал: «Северный фронт не получает даже битого мяса. Общее мнение таково, что у нас все есть, только нельзя получить. В Петрограде, например, бедный стонет, а богатый все может иметь. У нас нет внутренней организации».

Помощник главного интенданта генерал Богатко констатировал: «Вследствие нарушения правильного транспорта нельзя было подать топливо, сырье, вывезти заготовленные предметы снабжения и т. д. Все это вызывало недостаток предметов первой необходимости в стране, дороговизну... Вследствие этого нельзя было перебросить находившиеся в изобилии в Сибири запасы мяса, зерна и т. д. Богатые источники средств России не были исчерпаны до конца войны, но использовать их мы не умели». То, что царскому генералу представлялось как нераспорядительность, на деле было саботажем буржуазии, логическим продолжением ее тактики «чем хуже, тем лучше». Трудно сказать, скорбя или втайне торжествуя, подводил итоги проделанной в этом направлении работы первый министр земледелия Временного правительства кадет Шингарев, заявивший, что к началу марта 1917 года «были минуты, когда оставалось хлеба на несколько дней в Петрограде и Москве, и были участки фронта с сотнями тысяч солдат, где запасов хлеба оставалось на полдня».

Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства с особым пристрастием допрашивала А. Д. Протопопова, пытаясь нажить политический капитал. Порядком струсивший бывший министр внутренних дел, однако, ввел комиссию в заметное смущение, когда зашел разговор о причинах нехватки продовольствия в канун февральской революции. Учитывая свое положение, он воздержался от резких обвинений, поделив ответственность за это между правительством и буржуазией: «Кто должен был этим продовольствием ведать? — вопрошал Протопопов. — Должно было ведать правительство, а так как правительство само по себе уничтожалось, то, конечно, на его место стали общественные силы. Министерство

оставалось ни при чем, и его можно было уничтожить, и это было бы, может быть, рационально, а то получилось то, что Риттих (министр, ведавший сельским хозяйством. — *Н. Я.*) назвал «бисерной забастовкой», потому что для революционных действий, идущих против старого строя, нет более удобных путей, как экономическая борьба, т. е. путь, чтобы еще более расстроить кровообращение страны, вселяя недовольство и доводя его до сильнейшего состояния, пока не произойдет взрыв. Это ужас. Правительственная система отвратительная, общественные организации не добились, и в итоге продовольствием в России никто не занимался».

Тайные зачинатели этого образа действий, преследовавшие узкую цель воцарения у власти, не видели, что сеяли бурю. Они поднимали самые широкие массы народа, измученного войной, не только против царизма, но и буржуазии. Безошибочный классовый инстинкт народа указывал — в бедствиях, через которые проходит страна, виноват весь правящий класс.

* * *

Шло концентрированное наступление буржуазии, а паралич власти прогрессировал. «Ведь только «видимость правительства» заседает у нас в Мариинском дворце», — пишет Маниковский осенью 1916 года. В январе 1917 года у него вырывается вопль отчаяния: «Условия работы боевых припасов все ухудшаются: заводы не получают металла, руды, угля, нефти; рабочие — продовольствия и одежды... Общее настроение здесь — задавленное, гнусное. А сильной власти — все нет как нет!»

«Власти нет», — пишет князь Львов. «Правительства нет», — соглашается Протопопов. «И оба признавали, — замечает Милюков, — с противоположных сторон: общественные организации хотят занять место власти».

Российские правые экстремисты попытались подставить плечи под рушившийся, опостылевший стране трон. Спектр совершенных ими деяний на закате самодержавия широк — от комических до трагических, объединенных, однако, одним — полным бессилием остановить назревшие события. Не сумели не только

они, революция была неизбежна, и перед ней оказались бессильны ухищрения всех тех, кто думал сохранить в России эксплуататорский строй.

Не кто иной, как А. Ф. Керенский, в статье «Короткая память» еще в 1920 году признал: «Да, цензовая Россия опоздала своевременным переворотом сверху (о котором так много говорили и к которому так много готовились), — опоздала предотвратить стихийный взрыв государства, не царизма только, а именно всего государственного механизма. И нам всем вместе — демократии и буржуазии — пришлось наспех, среди дьявольского урагана войны и анархии налаживать кой-какой самый первобытный аппарат власти».

Попытки правых удержать уже утраченные позиции были подобны взмахам метлы перед грозным половодьем народного гнева. Они замахивались без разбора, в ослеплении не видя, что бьют по своим соратникам по классу. В начале декабря 1916 года петроградские газеты занялись загадочной историей С. Прохожего (С. Н. Гуцулло), члена Союза русского народа. Он явился в редакцию газеты «Русское слово» и рассказал, что Дубровин поручил ему убить Милюкова, вручив аванс 300 рублей. По словам Прохожего, он должен был поразить лидера кадетов выстрелом из чайной, что была напротив дома Милюкова. «Дубровин мне заявил, — рассказывал Прохожий, — надо кому-нибудь убить Милюкова, и это должен сделать именно ты, как мобилизованный и призванный отбывать воинскую повинность. Это убийство, — продолжал Дубровин, — должно быть ответом русской армии на последнюю речь, произнесенную Милюковым в Думе. Военный министр пожал Милюкову руку, а ты, представитель армии, накажешь изменника и крамольника».

Прохожий заверял газетчиков, что убивать он не намерен, ибо «это дело нужно только одному г. Дубровину. Союзу выступать с таким делом было бы нельзя по чисто тактическим соображениям. Да и существование самого Союза — это, пожалуй, голая ложь г. Дубровина, ибо он не может даже сотню собрать вокруг себя русского народа» («Речь», 1916, 4 декабря). В редакции «Журнала журналов» несостоявшийся убийца добавил: «Ведь не время теперь. И мы, союзники, стали понимать. Вот посмотрите — Пуришкевич. Ведь какой карьерист, а все же понял, где теперь сила». Проворные

журналисты бросились к Милюкову выяснить, как он относится к планам злоумышлявших на его жизнь. Он заявил, что все это его не удивляет, ибо в последнее время, «где я ни появлюсь, меня сопровождают какие-то подозрительные личности». Но, стоически напомнил Милюков, «в этом отношении у меня выработался даже известный опыт. Когда в третьей Думе я произнес речь, в которой разоблачил Союз русского народа, на улице меня обступило несколько подозрительных личностей, набросились на меня, сломали пенсне и выбили зуб».

Милюков приобретал славу мученика, и Союз русского народа не мог сдержаться. В передовице органа союза «Русского знамени» 8 декабря 1916 года сообщили: цель всей кампании «поднять упавший престиж» сего «видного» пораженца. «Кому и для чего, собственно, понадобилось организовывать» на Милюкова какое-то «покушение»? — вопрошала достойная газета. — Бить его, как известно, действительно многие били: били по физиономии рукой, облаченной в плотную перчатку, били хлыстом по другому месту, без перчаток, били, кажется, палкой по спине, били... Да мало ли чем и по чему его били? Все это лишь доказывает, что если так доступны для битья физиономия и «другие места», принадлежащие Милюкову, то и весь он был столь же доступен битью... Отхлестали — и ступай с богом, да не греши больше, а будешь грешить — опять вздуют».

Все это носило анекдотический характер — потуги правых не только на страницах газет, но и на общественном «форуме» в Думе. Страсти накалились до предела.

Недавние соратники Дубровина В. М. Пуришкевич и Н. Е. Марков 2-й, уже рассорившиеся с ним, чуть не передрались в Думе друг с другом. Пуришкевич в декабрьскую сессию Думы выступил с обличительными речами против Распутина. «Ночи последние не могу спать, даю вам честное слово, — клялся он с трибуны, — лежу с открытыми глазами, и мне представляется целый ряд телеграмм, сведений, записок, которые пишет этот безграмотный мужик то одному, то другому министру, чаще всех, говорят, Александру Дмитриевичу Протопопову, и просит исполнить. И были примеры, мы знаем, что исполнение этих требований влекло к тому, что эти господа, сильные и властные, слетели...

Председатель: Член Государственной думы Пуришкевич, прошу вас не идти слишком далеко в этой области.

Пуришкевич: Да не будут вершителями исторических судеб России люди, выпестованные на немецкие деньги, предающие Россию...

Председатель: Прошу вас, член Государственной думы Пуришкевич, помнить о предмете, о котором вы говорите...

Пуришкевич: В былые годы, в былые столетия Гришка Отрепьев колебал основы русской державы. Гришка Отрепьев воскрес в Гришке Распутине, но этот Гришка, живущий при других условиях, опаснее Гришки Отрепьева... Да не будет Гришка Распутин руководителем русской внутренней, общественной жизни!»

Марков 2-й наливался яростью, слушая вчерашнего единомышленника. Он ринулся на трибуну защищать трон, крича, что Пуришкевич «очень пристрастно» нападает на правительство. Марков 2-й понес несуразицу, прерываемый с мест: «А Распутин?» Но этого сюжета он боялся как огня, в нараставшей сумятице оратор утратил самообладание и окрысился на председательствовавшего Родзянко, заорав:

— А вы не кричите!

Родзянко пробасил:

— Потрудитесь сойти!

Марков подскочил к кафедре Родзянко, замахнулся на него кулаком и взвизгнул:

— Болван! Мерзавец!

Родзянко впоследствии так описал свои переживания: «Очевидно, ему был дан известный план. Он рассчитывал, что я не сумею сдержаться, пущу в него графином и по поводу этого скандала можно будет сказать, что Государственную думу держать нельзя и надо ее распустить... У меня было побуждение, — графин такой славный был, полный воды, но я сдержался». В обстановке неописуемого хаоса Дума постановила исключить на пятнадцать заседаний хулигана, лидера правой фракции Маркова.

Обиженный Родзянко на время сошел с трибуны. Его место занял Н. В. Некрасов, бросавший брезгливые взгляды на бесновавшихся депутатов. Выходка Маркова 2-го практически привела к распаду правой фракции в Думе. Защитники престола поредели и здесь.

16 декабря 1916 года Дума собралась на заключительное заседание сессии. Милюков снова на трибуне: «Господа, в этой картине закулисных влияний, которую я рисовал здесь 1 ноября, ничего не изменилось ни на йоту. Мало того, от оборонительного положения, в которое темные силы стали было после 1 ноября, они снова перешли в наступление.

Синдикат Распутин и К^0 ныне восстановил свои пострадавшие части и выступает с такой откровенностью и наглостью, как никогда не выступал прежде».

Когда произносились эти слова, Распутин доживал последние часы своей бесславной жизни.

Участь его, по всеобщему мнению, была предрешена, об этом говорили не стесняясь. В самом конце ноября 1916 года профессор-протоиерей Т. И. Буткевич выступил в Государственном совете, где он был членом, с филиппикой против Распутина, перед которой бледнели обличительные речи в Думе. Представитель православной церкви в подобающих терминах выразил надежду: «Бог спасет Россию, хотя бы то и таким средством, каким Георгий Победоносец спас свою страну от сатаны, действовавшей в виде страшного чудовища».

А к древку копья, прославленному оружию того христианнейшего Георгия, уже примерялись тридцатилетний князь Ф. Юсупов, Пуришкевич и великий князь Дмитрий Павлович, составившие заговор убить Распутина. Они обсуждали детали и не делали большого секрета из своих намерений.

Пуришкевич, ходивший гоголем после своих речей в Думе, поймал за пуговицу Шульгина и попросил запомнить день 16 декабря.

— Зачем? — пожал плечами Шульгин.

— Я вам скажу, вам можно, мы его убьем.

— Кого?

— Гришку.

— Не делайте.

— Вы белоручка, Шульгин.

— Может быть, но, может быть, и другое. Я не верю во влияние Распутина.

— Как?

— Да так. Все это вздор. Он просто молится за наследника. На назначение министров не влияет. Он хитрый мужик. Убив его, вы ничему не поможете. Будет все по-старому. Та же «чехарда министров». А другая

сторона — это то, чем Распутин убивает: этого вы не можете убить, убив его. Поздно!

— Подождите. Я знаю, вы скажете, что это все неправда, про царицу и Распутина. Но не все ли равно? Мы идем к концу. Хуже не будет. Убью его как собаку. Прощайте.

«Что толку убивать змею, когда она уже ужалила?» — размышлял Шульгин, глядя вслед Пуришкевичу.

Эта точка зрения была не личным достоянием Шульгина, а отражала установившийся взгляд на роль Распутина даже в тех кругах, которые традиционно считались опорой трона. Спустя каких-нибудь полгода то, о чем говорилось вполголоса, выплеснулось на страницы печати. В передовой статье «Церковного вестника» в апрельско-майском номере 1917 года, первом после свержения самодержавия, подчеркивалось: «Теперь режим самодержавия пал и пал, конечно, навсегда и безвозвратно. Сожалеть о нем православная церковь не имеет оснований». Журнал задним числом предъявлял царю претензии, которые шли, разумеется, по линии Распутина.

В декабре 1916 года Юсупов с единомышленниками мог быть заранее уверен, что уж церковь, во всяком случае, отпустит им грех.

В ночь с 16 на 17 декабря Юсупов зазвал Распутина к себе во дворец, где убийцы оборудовали в подвальном этаже гостиную. 44-летний «старец» явился к Юсупову, обуреваемый привычными чувствами, — он страсть как хотел поближе познакомиться с красавицей княгиней Ириной, женой Юсупова.

В комнате, куда Юсупов привел Распутина, был создан намеренный беспорядок, как будто из-за стола только что встали дамы, — раскупоренные бутылки, надкусанные пирожные. В пирожные был заложен цианистый калий в кристаллах, а в рюмку, приготовленную для Распутина, налит цианистый калий в растворе. Пуришкевич, Дмитрий Павлович и еще двое соучастников притаились в комнате наверху, сжимая револьверы, кастеты и прочую снасть, припасенную для убийства.

Ожидалось, что Распутин, отведав вина и пирожных, падет мертвым. Тогда в узел его и под лед в реку, где заговорщики еще днем присмотрели подходящую прорубь. Гость все спрашивал, где же дамы, порывался пойти к ним. Юсупову с большим трудом удалось удер-

жать его, уговорить Распутина отведать отравленных пирожных и вина. Через несколько минут князь поднялся к соучастникам, бледный как полотно, — яд не действовал! Пошептались, и Юсупов бросился вниз с пистолетом. Грохнул выстрел. Заговорщики кубарем скатились с лестницы. На ковре лежал Распутин.

Они замерли над ним. Пуришкевич, по его словам, испытал «чувство глубочайшего изумления перед тем, как мог такой, на вид совершенно заурядный, мужик влиять на судьбы России... Он не был еще мертв: он дышал, он агонизировал. Правой рукой своею прикрывал он оба глаза и до половины свой длинный ноздреватый нос... Он был шикарно, но по-мужицки одет: в прекрасных сапогах, в бархатных навыпуск брюках, в шелковой, богато расшитой шелками рубахе, подпоясанной малиновым с кистями толстым шелковым шнурком. Длинная черная борода его была тщательно расчесана и как будто блестела».

Убийцы поздравили друг друга с успешным завершением дела и заторопились — готовить автомобиль, заметать следы. Вдруг из гостиной раздался нечеловеческий вопль Юсупова: «Пуришкевич, стреляйте, стреляйте, он жив! Он убегает!» Распутин, которого только что видели мертвым, набросился на Юсупова, поборол его, выскочил во двор и, переваливаясь с боку на бок, бежал к воротам. Пуришкевич несколькими выстрелами вслед покончил с ним. Распутина втащили во дворец, Юсупов набросился на него, с остервенением нанося удары гирей в висок...

Труп Распутина погрузили в автомобиль, вывезли и спустили под лед.

Конечно, кто, где и как убил, стало широко известно. Великого князя посадили под домашний арест, Пуришкевич отправился на фронт со своим санитарным поездом. Юсупов ходил гордый, на светском рауте его чествовали как исполнителя цыганских романсов — засыпали цветами и качали.

Полиция выудила труп Распутина из реки. 21 декабря Николай II со всей семьей хоронил убиенного «старца» в Царском Селе. По привычке в конце дня он записал в дневнике: «Гроб с телом незабвенного Григория, убитого в ночь на 17 декабря извергами в доме Ф. Юсупова, стоял уже опущенным в могилу. Отец Александр Васильев отслужил литию, после чего мы вернулись

домой. Погода была серая при 12° мороза. Погулял до докладов...»

В бюваре императрицы после февральской революции нашли скверные вирши, написанные кем-то на смерть Распутина, где были такие строки:

Гонимый пошлою и дикою толпой
И жадной сворой, ползающей у трона,
Поник навек седеющей главой
От рук орудия невидимого масона.

* * *

Убийство Распутина, с отвращением писал Милюков, было попыткой устранить опасность «по-византийски, а не по-европейски». В том же духе, настаивала царица, и должен действовать Николай II. Она всячески внушает супругу — необходимо обезглавить противников.

В одном письме — «Гучкову — место на высоком дереве». В середине декабря она объясняет царю: «Я бы спокойно, с чистой совестью перед всей Россией отправила бы Львова в Сибирь... Милюкова, Гучкова и Поливанова также — в Сибирь. Идет война, и в такое время внутренняя война есть государственная измена. Почему ты так на это не смотришь, я, право, не могу понять. Я только женщина, но моя душа и мой ум говорят мне, что это было бы спасением». Она буквально заклинает: «Мы Богом возведены на престол, и мы должны твердо охранять его и передать его неприкосновенным нашему сыну. Если ты будешь держать это в памяти, то не забудешь быть государем... Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом... Раздави их всех под собой!»

На кровожадные советы супруги, дичавшей в Царском Селе, Николай II отвечает бессодержательными посланиями, подписываясь «бедный старый муженек — без воли». В великосветских кругах столицы вакуум, образовавшийся с убийством Распутина, пытаются заполнить — снова бормочет безумный «Вася-босоножка». Косноязычный старец Коляба («Митя из Козельска»), оттесненный было Распутиным, спешно выписывается из Калужской губернии. Протопопов ради душевного ободрения скорбящей императрицы хлопочет о приглашении из-за рубежа собственного ясновидца Шарля

Перрена. Все как обычно, только температура страны ползет вверх.

Правящая верхушка занята своими делами, погрязла в интригах, склоках и мелочных расчетах. Обитатели петроградских дворцов и особняков не чувствуют, что доживают в них последние месяцы, не понимают, что они — инородцы в собственной стране.

А царь, что он, почему не следует советам императрицы, да не ее одной? Частично, вероятно, потому, что не ставил высоко «революционеров» типа Милюкова и ожидал того момента, когда схватка с лидерами буржуазии произойдет в иных, более благоприятных условиях для царизма. Николай II открылся перед доверенными людьми — бывшим губернатором Могилева (где была ставка) Пильцем и Щегловитовым: нужно повременить до начала весеннего наступления русской армии. Новые победы на фронтах немедленно изменят соотношение сил внутри страны, и оппозицию можно будет сокрушить без труда.

С чисто военной точки зрения надежды царя не были необоснованными. То, что вынесла кайзеровская Германия от русской армии, германский генералитет запомнил крепко. Много позже генерал Г. Гудериан, звезда и надежда вермахта в 1939—1945 годах, писал по завершении второй мировой войны: «Даже в первую мировую войну победоносные немецкие армии и союзные с ними австрийцы и венгры вели войну в России с предельной осторожностью, в результате чего они и избежали катастрофы». Другой немецкий генерал, Г. Блюментрит, припоминал после 1945 года: «Во время первой мировой войны наши потери на Восточном фронте были значительно больше потерь, понесенных нами на Западном фронте с 1914 по 1918 год... Русская армия отличалась замечательной стойкостью...»

Русская армия не имела себе равных, брусиловский прорыв мог рассматриваться как пролог к победоносному 1917 году. Не были в неведении о способности русского солдата сражаться и лидеры буржуазии. Но как царь, так и оппозиция делали раскладку карт без хозяина — русского народа. Поглощенные изучением сильных и слабых сторон друг друга, они упускали из виду, что партия большевиков открывала перед страной и армией третий путь — революционного выхода из войны. Им и в голову не приходило, что великолепный

боевой инструмент — армия может направить свою энергию на свержение всех и всяческих эксплуататоров.

Но чтобы понять это, нужно было обладать политической прозорливостью, которой и в помине не было у российских буржуа. Буржуазные оппозиционеры всех мастей и оттенков и помыслить не могли, что побед на фронтах империалистической войны больше не будет.

В те месяцы русские окопы буквально затопляла ненависть к империализму и в солдатской массе зрело убеждение, что пора повернуть штыки против тех, кто бросил народ в бессмысленную бойню. Русский солдат в огне войны быстро мужал в политическом отношении, росло его классовое сознание. В то же время официальная пропаганда прилагала много усилий, чтобы поднять боевой дух армии. Поучительный пример дает брошюра подполковника Старосельского, изданная штабом армии в самом конце 1916 года и предназначенная для распространения в войсках.

Пытаясь противодействовать антивоенным настроениям, брошюра уже заголовком своим кричала: «Не время еще для мирных переговоров!» И далее разъясняла: «Весь 1916 год доказал героизм русского солдата и офицера, который в соединении с английской, французской и развившейся, слава богу, русской техникой одолевает немецкое искусство и их когда-то недосягаемую для нас технику». Героизм русского солдата сомнений не вызывал, но очень сомнительными выглядели цели, за которые предлагалось продолжать проливать кровь, если не иметь в виду, что автор призывал бороться не только с внешним, но и с внутренним врагом, подразумевая под этим царский двор и зачастую отождествляя его с «германизмом».

«Нынешняя война, — поучал Старосельский, — должна окончиться не только победой над внешним, но и над внутренним врагом. За много лет германизм въелся в плоть и кровь российского государства... Война открыла нам глаза, и мы впервые ясно осознали весь тот гнет, который душит и губит русскую жизнь во всех ее проявлениях... Одна из непременнейших лежащих перед Россией задач ко времени возникновения нормальных условий мирного времени — это твердо и решительно стать на путь самобытности и самосознания».

На рубеже 1916—1917 годов противники царизма составляют множество прожектов положить конец цар-

ствованию Николая II. Князь Львов вынашивает идею арестовать и выслать царицу в Крым и заставить царя пойти на министерство «доверия» во главе с тем же Львовым. Вероятно, в какой-то мере в этом плане был замешан генерал Алексеев. Смещение Николая II в той или иной форме обсуждалось в придворных кругах, в том числе среди великих князей.

В начале декабря 1916 года на тайном совещании на московской квартире Львова было решено обратиться к Николаю Николаевичу, находившемуся на Кавказе, «воцариться» вместо Николая II, разумеется, с Львовым в качестве премьера. К Николаю Николаевичу с соответствующим поручением был отправлен тифлисский городской голова Хатисов. Львов поручил ему доверительно сообщить великому князю, что генерал Маниковский заверил: армия поддержит переворот, ссылку царя и заточение царицы в монастырь. Такое будущее готовил августейшей чете «славный», по выражению царицы, Маниковский, умевший в ставке и Царском Селе предстать слугой престола.

Напрасно заговорщики ожидали из Тифлиса условной телеграммы от Хатисова: «Госпиталь открыт, приезжайте», после которой в дело пригласят Гучкова с его связями в армии. Николай Николаевич отклонил лестное предложение.

Гучков утверждал, что о затеях Львова он узнал после февральской революции. В последние месяцы царствования он был по уши занят, строя собственный заговор. Он работал с военными, но хотел, естественно, иметь дело «не со всей армией, а с очень небольшой ее частью». По словам Гучкова, «дело оказалось бы чрезвычайно легким», если бы вопрос шел о том, чтобы «поднять военное восстание, будь то на северном или румынском фронте», но «мы не желали касаться солдатских масс». Он, по всей видимости, помимо Алексеева, договорился о чем-то с генералами Рузским, Крымовым и даже Брусиловым. Последний будто бы сказал: «Если придется выбирать между царем и Россией — я пойду с Россией».

На бесконечных, очень тайных и крайне бессодержательных совещаниях штатских заговорщиков, в подавляющем большинстве кадетов, Гучков значительно молчал. Он разомкнул уста на сборище в ноябре 1916 года у М. М. Федорова, заметив: кто совершит пе-

реворот, тот и будет иметь силу. Гучков бросил эти слова в подобающей обстановке — кадетские государствоведы притащили на совещание толстые тома свода законов Российской империи и, справляясь в них, рассуждали, как составить регентский совет после отстранения Николая II. Думцы стояли за передачу власти наследнику Алексею при регенте до его совершеннолетия — великом князе Михаиле Александровиче. «Мягкий характер великого князя и малолетство наследника казались лучшей гарантией перехода к конституционному строю», — поясняет Милюков.

Гучков помалкивал о форме будущей власти, занимаясь текущими делами. Он как будто надеялся вместе с группой заговорщиков перехватить царский поезд на глухой станции в Новгородской губернии и заставить царя отречься от престола. Были и другие варианты — совершить дворцовый переворот при помощи кавалергардов. Или «морской план» — силами гвардейского экипажа, охранявшего ставку, принудить Николая II отказаться от власти, а царицу заманить на военный корабль и вывезти из России. Был выдвинут и такой проект — усадить царя в самолет, увезти в лес, и там пусть он подпишет отречение. Или, по словам Керенского, разбомбить с воздуха царский автомобиль при проезде его по дороге на фронт.

В общем, наговорено было много вздора. Дело упиралось в исполнителя. Челноков в беседе с Милюковым довольно метко охарактеризовал практическую сторону заговоров: «Никто об этом серьезно не думал, а шла болтовня о том, что хорошо бы, если бы кто-нибудь это устроил». Но все же склонялись к мысли о том, что единственный серьезный человек Гучков.

Хотя многое точно установить невозможно, главное ясно — в последние недели самодержавия на него сделали ставку масоны. По их линии, несомненно, были объединены оба заговора — гучковский и львовский. Было отдано предпочтение первому. Образовались конспиративные комитеты. Когда в эмиграции в двадцатые годы Милюков узнал об этом, он написал: это сообщение «является для меня, к моему стыду как историка революции, совершенно неожиданным. Впредь до более авторитетного подтверждения я остерегусь вносить этот факт в текст моей истории».

Сам Гучков впоследствии признавал, что он подыскивал нужную для переворота воинскую часть, работая в составе «комитета трех» с Некрасовым и Терещенко. Они предложили ему как создать этот комитет, так и войти в него. Параллельно с этим комитетом существовали другие, о которых стало известно от лиц, отказавшихся войти в них. Так, Н. И. Астров рассказывал, что Некрасов упорно, но безуспешно вербовал его дополнить «пятерку», в которой уже состояли Керенский, Терещенко, Коновалов и сам Некрасов.

Шульгин в двадцатые годы рассказал, как в январе 1917 года некто Н. начал его вербовать в некую организацию. Шульгин не назвал тогда имени вербовавшего, но из описания ясно, о ком шла речь: «У него на моложавом лице всегда были большие розовые пятна — не знаю, от чахотки или от здоровья». То был, конечно, Н. В. Некрасов. «Он начал издалека, — вспоминал Шульгин, — и, так сказать, экивоками. Но я его понял. Он зондировал меня насчет того, о чем воробьи чирикали за кофе в каждой гостиной, т. е. о дворцовом перевороте... Н. говорил о том, что государственный корабль в опасности... и поэтому требуются особые, исключительные меры для спасения экипажа и драгоценного груза». Шульгин, развивая аналогию, сказал, что принадлежит не к «шлюпочникам», а к «суденщикам». Первые при кораблекрушении зовут в шлюпки, вторые предлагают остаться на корабле, указывая, что в девяти случаях из десяти шлюпки гибнут, остается один шанс, такой же, как на гибнущем корабле. Шульгин подчеркнул, что он «суденщик», и собеседники решили о разговоре забыть.

Те, кто входил в масонскую организацию, горой стали за дворцовый переворот. Они двигали заговор только в этом направлении. Меньшевики Н. С. Чхеидзе, А. И. Чхенкели, М. И. Скобелев, а также А. Ф. Керенский, все масоны, одобрили этот образ действия и ради его успеха делали все зависевшее от них, чтобы парализовать развитие массового движения в стране. Хатисов перед поездкой на Кавказ к Николаю Николаевичу получил наказ еще от Чхеидзе — передать Жордания и другим грузинским меньшевикам: всеми силами удерживать рабочих от выступлений. Вероятно, в этом разгадка испуга Чхеидзе, подмеченного Милюковым перед «солдатским бунтом» в первые дни февральской революции.

Для Чхеидзе, сжившегося с мыслью, что все решит дворцовый переворот, приход революции был крушением сокровенных надежд.

Методы, которые масоны хотели применить при управлении страной, произвели впечатление на В. Б. Станкевича (впоследствии комиссар Временного правительства при ставке): «В конце января месяца, — говорил он, — мне пришлось в очень интимном кружке встретиться с Керенским. Речь шла о возможностях дворцового переворота. К возможностям народного выступления все относились определенно отрицательно, боясь, что раз вызванное, народное массовое движение может попасть в крайне левое русло, и это создаст чрезвычайные трудности в ведении войны. Даже вопрос о переходе к конституционному режиму вызывал серьезные опасения и убеждение, что новой власти нельзя будет обойтись без суровых мер для поддержания порядка и недопущения пораженческой пропаганды».

О суровых мерах стало подумывать и царское правительство. В последние месяцы царствования Николая II ясно обозначился курс вправо. Дело оставалось за малым — подыскать человека, который выполнил бы предначертания монарха, обуздав нараставшее возмущение в стране. Царю представлялось, что дело в людях. Только что назначенный премьер уже не устраивал его. В середине декабря 1916 года Николай II пишет: «Противно иметь дело с человеком, которого не любишь и не доверяешь, как Треп(ову). Но раньше всего надо найти ему преемника, а потом вытолкать его, — после того как он сделает грязную работу. Я подразумеваю — дать ему отставку, когда он закроет Думу. Пусть вся ответственность и все затруднения падут на его плечи, а не на плечи того, который займет его место».

И тут же монарх перечеркнул собственный августейший план, назначив на рубеже 1916—1917 гг. премьером князя Н. Д. Голицына. Князь, вызванный на аудиенцию к императору, опешил — он не знал за собой тяги к высокой государственной деятельности. Голицын молил Николая II только об отставке, ибо полагал, что уже надорвался на поприще служения престолу — с 1915 года он ведал Комитетом помощи русским военнопленным. Но царь не слушал, он легкомысленно верил, что, прикрываясь импозантной фигурой старого

вельможи, шустрый Протопопов справится с «революционерами», то есть думцами.

Протопопов действительно развил бурную деятельность, частично организационную, частично карательную. Он добился выведения Петроградского округа из подчинения Северному фронту. Протопопов не доверял командующему фронтом Рузскому и считал, что в случае революционных выступлений в столице их легче подавить, если округ будет независим от фронта. Министерство внутренних дел потребовало от властей на местах пресекать постановку политических вопросов на земских собраниях и в городских думах. Полиция стала арестовывать членов рабочих групп военно-промышленных комитетов.

Но правительство не могло никак выработать четкого курса в отношении оппозиции в правящих кругах. Николай II распорядился заготовить «на всякий случай» манифест о роспуске Думы, а тем временем государственный механизм разлаживался на глазах. В самом министерстве внутренних дел ушли в отставку два товарища министра, не желавшие больше работать с Протопоповым. 5 января 1917 года «Русские ведомости», внешне скорбно, но внутренне торжествуя, сообщили: «Бюрократия теряет то единственное, чем она гордилась и чем старалась найти искупление своим грехам, — внешний порядок и формальную работоспособность».

Растерянность овладевала и широкой буржуазной оппозицией. В стране определенно нарастали грозные события, а кто охранит власть имущих? Шульгин попал на совещание, где «были все» — видные деятели Думы, земцы. Мелькали лица Гучкова, Некрасова, князя Львова, но было множество других, собрание никак не носило узкого характера.

«Сначала разговаривали «так», потом сели за стол. Чувствовалось что-то необычайное, что-то таинственное и важное... Я не понял в точности. Но можно было догадываться. Может быть, инициаторы хотели говорить о перевороте сверху, чтобы не было переворота снизу. А может быть, совсем другое. Во всяком случае, не решились. И, поговорив, разъехались. У меня было смутное ощущение, что грозное близко. А эти попытки отбить это огромное были жалки. Бессилие людей, меня окружавших, и свое собственное в первый раз заглянуло мне в глаза. И был этот взгляд презрителен и

страшен... Мы способны были, в крайнем случае, безболезненно пересесть с депутатских скамей в министерские кресла, при условии, чтобы императорский караул охранял нас...

Но перед возможным падением власти, перед бездонной пропастью этого обвала, у нас кружилась голова и немело сердце».

Вероятно, так представлялось дело непосвященным, но бок о бок с ними были те, кто знал, — российские масоны. Они отделывались общими фразами на многолюдных сборищах и неукоснительно хранили тайну своих планов. Нет сомнения, что только они в правящей верхушке России выступали сплоченной ячейкой, имея достаточно четко проработанный замысел.

Масоны вели дело к «упорядоченному» в их понимании переходу власти в руки буржуазии, в форме только военной диктатуры, или, если угодно, хунты, естественно, не связанной никакими законами. Кого же планировали масоны поставить во главе хунты? «Вспомним, — писал Мельгунов, — что Хатисов должен был указать на сочувствие заговору ген. Маниковского. И со стороны именно Некрасова, несколько неожиданно для «левого» кадета, в частном заседании Гос. думы, в полуциркульном зале, 27 февраля, было сделано, по свидетельству Шидловского, предложение о военной диктатуре и вручении власти популярному генералу, имя которого и назвал Некрасов. Это был генерал Маниковский».

Хунте не было суждено утвердиться у власти, а товарищ военного министра А. А. Маниковский не сел в кресло «военного диктатора», уготованное ему той частью правящих деятелей, которые именовали себя масонами. Революционный взрыв обогнал график их тайной работы. В тот день, 27 февраля, когда Петроград был в руках восставших масс, предложение Некрасова о введении военной диктатуры, по словам Милюкова, было «неудобным». В переводе с думского жаргона это означало — новое обострение революционной борьбы, острие которой неизбежно обратится против буржуазии, прокрадывавшейся к власти.

В дни, когда героический рабочий класс штурмовал цитадели царизма, Гучков мрачно вещал: «Революция, к сожалению, произошла слишком рано». Дворцовый переворот, который должен был опередить весеннее

наступление русской армии, был спланирован гучковцами на середину марта. В эмиграции, в вихре обвинений и контробвинений экс-политиков, Гучков утверждал: «Сделано было много для того, чтобы быть повешенным, но мало для реального осуществления, ибо никого из крупных военных к заговору привлечь не удалось». Это, конечно, неверно. А Маниковский? В. И. Ленин указывал, что непосредственными участниками заговора была часть «генералитета и офицерского состава армии и петербургского гарнизона» [1].

Размышляя на склоне лет о причинах провала планов контрреволюции в 1917 году, Милюков писал о положении царизма и буржуазии в канун февральской революции: «Обе стороны, вступившие в открытую борьбу, к чему-то готовились. Но это «что-то» оставалось где-то за спущенной завесой истории, и ни одна сторона не проявила достаточно организованности и воли, чтобы первой поднять завесу. В результате случилось что-то третье, чего — именно в этой определенной форме — не ожидал никто, что... получило немедленно название начала великой русской революции».

В то время, когда буржуазия обсуждала способы и методы взятия власти, в стране стремительно нарастал кризис, порожденный войной, все тяготы которой правящие классы свалили на народ. Невиданными темпами развивалось стачечное движение боевого российского рабочего класса. Если в 1915 году в забастовках приняла участие 571 тысяча рабочих, то в 1916 году вышло на улицу 1172 тысячи рабочих. Начало 1917 года ознаменовалось мощными забастовками, в первую очередь рабочих Петрограда. Они шли под лозунгами большевистской партии, требовавшей положить конец самодержавию, бессмысленному избиению миллионов людей в империалистической войне. Война, по выражению В. И. Ленина, в огромных размерах ускорила ход истории и на одном из ее крутых поворотов «телега залитой кровью и грязью романовской монархии могла опрокинуться *сразу*» [2].

Исследуя причины скорой победы февральской революции, В. И. Ленин подчеркнул, что «в силу чрез-

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 16.
[2] Там же, стр. 13.

вычайно оригинальной исторической ситуации *слились* вместе, и замечательно «дружно» слились, *совершенно различные потоки, совершенно разнородные* классовые интересы, *совершенно противоположные* политические и социальные стремления»[1].

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 16.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

РАЗВЯЗЫВАЮТСЯ НЕКОТОРЫЕ УЗЛЫ

Наступали великие исторические времена. Грянул год 1917-й, год революций. К исходу его те, кто совсем недавно намеревались стать хозяевами земли русской, оказались у разбитого корыта. Могучее половодье силы и воли народной, как карточные домики, снесло хитроумные планы буржуазии, а в ожесточенном огне гражданской войны родилась новая страна.

Под руководством В. И. Ленина партия большевиков вывела Россию из войны. Наша страна заплатила страшную цену за антинародную политику царизма и Временного правительства — 1,8 миллиона убитых на фронтах и умерших от ран соотечественников. По абсолютным потерям Россия не имела равных в лагере Антанты. Но если бы наша страна продолжала воевать, этот кровавый счет неизбежно катастрофически бы возрос.

Западные союзники взвалили на Россию в 1914—1916 годах главную тяжесть вооруженной борьбы. Партия большевиков провела титаническую работу, чтобы покончить с империалистической войной. Зов партии был услышан и понят в России, громадное большинство населения страны пошло за большевиками к миру. На Западе же призывы большевиков, отвечавшие коренным интересам всего человечества, были объявлены «предательством» дела Антанты. За безумие правителей пришлось дорого заплатить солдатам Западного фронта, многие из которых продолжали верить империалистической пропаганде. Некоторые из них прозрели, лишь пройдя кровопролитные кампании 1917—1918 годов.

Мудрость ленинского руководства избавила русский народ от этих испытаний, сохранила жизнь миллионам людей.

Партия большевиков победила в революции и в войне. То был триумф, неслыханный во все времена и у всех народов, оказавшийся по плечу только обновлен-

ной великой России. Опозоренная царизмом, оплеванная отечественной буржуазией, восстав как Феникс из пепла, держава расправила исполинские крылья.

Сегодня, спустя более полстолетия после исторического Октября, все отчетливее видна та страшная опасность, которую представляли для судеб Отчизны замыслы буржуазии. Всемирно-историческое значение Октября, помимо всего прочего, в его величайшей своевременности — меч революции поразил гадину в тот самый момент, когда она только-только становилась на ноги. Этим мы обязаны гениальной прозорливости стратега революции, основателя нашего государства Владимира Ильича Ленина.

Ныне носителей чудовищных планов, пожалуй, почти не осталось в живых. Иные погибли с оружием в руках, сражаясь против народа, другие бесславно угасли в эмиграции, унеся в могилу неосуществленные тайные замыслы. Задним числом наши идеологические враги стараются изобразить их некими рыцарями, бескорыстными «борцами за демократию». Антикоммунисты нагромоздили горы книг о славных надеждах февраля 1917 года, будто бы увядших в Октябре.

Наемные служители империалистической реакции изощренно спекулируют вокруг внешней стороны событий, полагают, что пружины действий буржуазии надежно скрыты. Это, конечно, не так. Советская историческая наука давно показала, как в действительности происходило дело. И если есть необходимость вернуться к этой, в общем, решенной проблеме, то только по одной причине — пролить свет на значение русского масонства и те изощренные методы, которыми эта сверхорганизация попыталась замаскировать свои следы.

...Он был умным и даже талантливым человеком, Николай Виссарионович Некрасов, только отдал свои незаурядные способности служению злу. В десятилетие, предшествовавшее 1917 году (а на него и падает вся политическая деятельность Некрасова), незримая рука высоко вознесла его по причинам, которых не понимали даже те, чье дело он отстаивал. 28-летний профессор кафедры статики мостов и сооружений Томского политехнического института, Некрасов в 1908 году прошел депутатом в Государственную думу от кадетов. Он встретил февраль 1917 года товарищем председателя Думы, был последовательно министром путей сообще-

ния, министром финансов, заместителем премьера Керенского во Временном правительстве, разошелся с ним во время корниловского мятежа и отправлен в почетную ссылку генерал-губернатором Финляндии, где его застала Октябрьская революция.

Милюков даже в глубокой старости не мог без содрогания слышать имя ближайшего коллеги по кадетской партии Некрасова. В дни Временного правительства, писал Милюков в «Воспоминаниях», «я тогда уже имел основание считать Н. В. Некрасова попросту предателем, хотя формального разрыва у нас еще не было. Я не мог бы выразиться так сильно, если бы речь шла только о политических разногласиях... Хуже было то, что Некрасов, видя быстрый рост влияния Керенского, переметнулся к нему явно из личных расчетов. Он был, конечно, умнее Керенского и, так сказать, обрабатывал его в свою пользу. По впечатлению Набокова, мало его знавшего вначале, «его внешние приемы подкупали своим видимым добродушием», «он умел казаться искренним и простодушным», но «оставлял впечатление двуличности — маски, скрывающей подлинное лицо». Вопреки Набокову, «первой роли играть» он не мог и даже, не желая рисковать, к ней и не стремился. Он более способен был играть роль наушника, тайного советчика, какой-нибудь éminence grise (серое преосвященство. — *Н. Я.)*. Он слишком долго цеплялся за колесницу временного победителя и сам свел на нет свою политическую карьеру, когда пришлось прятаться от достигнутого успеха».

Милюков, почитавший себя проницательным человеком, ушел из жизни, так и не поняв, кто стоял рядом с ним. Некрасов обладал поразительным даром мимикрии и необъяснимым желанием держаться в тени. На эту сторону характера министра Временного правительства обратил внимание В. И. Ленин в то время, когда казалось, что дела Керенского и К^0 круто шли в гору. В статье «Бесстыдная ложь капиталистов» В. И. Ленин писал 24 апреля 1917 года об одном из выступлений Некрасова, что он «бессовестно лжет, обманывает народ, помогает погромщикам, прячась за спину их... Господин министр предпочитает темные намеки... Он хочет ложью, клеветой, травлей, угрозами погромов *помешать* спокойному разъяснению истины.

Не удастся, гг. Некрасовы, не удастся!»[1] Здесь с исчерпывающей полнотой охарактеризован политический почерк Некрасова, выделявший его даже среди кадетов, которые на крутых поворотах истории, по словам Ленина, вообще «предпочитают действовать *за кулисами*»[2].

Неоспоримый ум Некрасова проявился в том, что он увидел необоримость Октябрьской революции, перевернувшей страну. Он видел, что в движение пришли громадные массы народа, стремившегося к лучшей жизни. И если тысячи и тысячи контрреволюционеров сбегались под знамена пропащего дела, то Некрасов затаился в ожидании других времен. В начале 1918 года он сменил фамилию, став Голгофским, отправился в Уфу, освобожденную Красной Армией, и затесался в ряды советских кооператоров. В провинциальной Уфе, а затем в Казани толковый и знающий работник быстро обратил на себя внимание. Он на виду — вошел в правление Татсоюза. Завидная деловитость оказала ему дурную услугу, звонкая слава привела к разоблачению — в Голгофском опознали министра Временного правительства Н. В. Некрасова. И он немало интересного рассказал тогда о событиях, предшествовавших февралю.

«С первых дней войны я оказался в разногласии с большинством партии, руководимой Милюковым, по вопросу о гражданском мире с царским правительством, я настаивал на продолжении оппозиционной тактики, а Милюков на примирении с властью. ...В Думе мои разногласия с соглашательской политикой Милюкова увеличились настолько, что я вышел из президиума фракции, вообще отошел от работы в Думе и отдался работе в Земгоре. Это продолжалось больше года. Только в конце 1916 года, когда отношения Думы с правительством Николая II обострились, моя кандидатура как резко оппозиционная была выдвинута на место товарища председателя Думы. В этой роли меня и застала февральская революция.

Рост революционного движения в стране заставил к концу 1916 года призадуматься даже таких защитников «гражданского мира», как Милюков, и других вождей думского блока. Под давлением земских и го-

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 207—208.
[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 32, стр. 416.

родских организаций произошел сдвиг влево. Еще недавно мои требования в ЦК к. д. партии «ориентироваться на революцию» встречались ироническим смехом — теперь дело дошло до прямых переговоров земско-городской группы и лидеров думского блока о возможном составе власти «на всякий случай». Впрочем, представления об этом «случае» не шли дальше дворцового переворота, которым в связи с Распутиным открыто грозили некоторые великие князья и связанные с ними круги. В этом расчете предполагалось, что царем будет провозглашен Алексей, регентом Михаил, министром-председателем — князь Львов, а министром иностранных дел Милюков.

Единодушно все сходились на том, чтобы устранить Родзянко от всякой активной роли.

Рядом с этими верхами буржуазного общества шла оживленная работа и в кругах, веривших и жаждавших настоящей революции. В Москве и Петрограде встречи деятелей с. д. и с. р. партий с представителями левых к. д. и прогрессистов стали за последние перед революцией годы постоянным правилом. Здесь основным лозунгом была республика; а важнейшим практическим лозунгом — «не повторять ошибок 1905 года», когда разбитая на отдельные группы революция была по частям разбита царским правительством. Большинство участников этих встреч (о них есть упоминания в книге Суханова) оказались важнейшими деятелями февральской революции, а их предварительный сговор сыграл, по моему глубокому убеждению, видную роль в успехе февральской революции».

Рассказы Некрасова полностью укладывались в известную схему предыстории событий, приведших к революции. В сущности, то, о чем тогда говорил Некрасов, являлось перефразом самых популярных книг о России тех лет. Причем, он правильно расставлял акценты, поносил Милюкова и не уставал подчеркивать, что сам, во всяком случае, имеет революционные заслуги — боролся с монархией. Образно говоря, он описал верхушку айсберга политической деятельности своих единомышленников, остальное пока оставалось скрытым.

Шло время. В тридцатые годы он дополнил предысторию уже тогда давних лет колоритным рассказом о масонах, причем утверждал, что никого из оставшихся

в живых масонов он не помнит. Едва ли он был искренен — вспомним тревоги престарелых Керенского и Кусковой после выхода мемуаров Милюкова спустя почти двадцать лет.

В рассуждениях Некрасова в тридцатые годы привычная картина верхов накануне и во время февральской революции претерпела метаморфозу. То, что представлялось сцеплением случайностей, приобрело форму заговора, хотя, быть может, он переоценивал роль масонов вообще.

«Я был принят в масонство, — писал Некрасов, — в 1908 г. ложей под председательством графа А. А. Орлова-Давыдова на квартире профессора М. М. Ковалевского. Ложа эта принадлежала к политической ветви масонства и была первоначально французской ложей «Grand brient de France», но уже с 1910 г. русское масонство отделилось и прервало связи с заграницей, образовав свою организацию «Масонство народов России». В 1909 г. для очистки новой организации от опасных по связям с царским правительством и просто нечистоплотных морально людей организация была объявлена распущенной и возобновила свою работу уже без этих элементов (князь Бебутов, М. С. Маргулиес — впоследствии глава белого «северо-западного правительства»). Новая организация была строго конспиративна, она строилась по ложам (10—12 человек), и во главе стоял верховный совет, выбиравшийся на съезде тайным голосованием, состав которого был известен лишь трем особо доверенным счетчикам. Председателям лож был известен только секретарь верховного совета, таким секретарем был я в течение 1910—1916 гг.

Масонство имело устав, даже печатный, но он был зашифрован в особой книжке «Итальянские угольщики 18 столетия» (изд. Семенова). «Масонство народов России» сразу поставило себе боевую политическую задачу: «Бороться за освобождение родины и за закрепление этого освобождения». Имелось в виду не допустить при революции повторения ошибок 1905 года, когда прогрессивные силы раскололись и царское правительство легко их по частям разбило. За численностью организации не гнались, но подбирали людей морально и политически чистых, а кроме и больше того, пользующихся политическим влиянием и властью. По моим подсчетам ко времени февральской револю-

ции масонство имело всего 300—350 членов, но среди них было много влиятельных людей. Показательно, что в составе первого временного правительства оказались 3 масона — Керенский, Некрасов и Коновалов, и вообще на формирование правительства масоны оказали большое влияние, так как масоны оказались во всех организациях, участвовавших в формировании правительства. Масонство было надпартийным, т. е. в него входили представители разнообразных политических партий, но они давали обязательство ставить директивы масонства выше партийных. Народнические группы были представлены Керенским, Демьяновым, Переверзевым, Сидамом-Эристовым (исключен в 1912 г. ввиду подозрений в связи с азефщиной). Меньшевики и близкие к ним группы имели Чхеидзе, Гогечкори, Чхенкелия, Прокоповича, Кускову. Среди к. д. были Некрасов, Колюбякин, Степанов В. А., Волков Н. К. и много других. Среди прогрессистов отмечу Ефремова И. Н., Коновалова А. И., Орлова-Давыдова А. А. Особенно сильной была организация на Украине, где ее возглавляли бар. Ф. Р. Штейнгель, Григорович-Борский, Василенко Н. П., Писаржевский Л. В. и ряд других видных имен до Грушевского включительно.

Переходя к роли масонства в февральской революции, скажу сразу, что надежды на него оказались крайне преждевременными, в дело вступили столь мощные массовые силы, особенно мобилизованные большевиками, что кучка интеллигентов не могла сыграть большой роли и сама рассыпалась под влиянием столкновения классов. Но все же некоторую роль масонство сыграло и в период подготовки февральской революции, когда оно было своеобразным конспиративным центром «народного фронта» и в первые дни февральской революции, когда оно помогло объединению прогрессивных сил под знаменем революции.

Незадолго до февральской революции начались и поиски связей с военными кругами. Была нащупана группа оппозиционных царскому правительству генералов и офицеров, сплотившихся вокруг их и Гучкова (Крымов, Маниковский и ряд других), и с ними завязана организационная связь. Готовилась группа в с. Медыха, где были большие запасные воинские части, в полках Петрограда. (слово неясно в документе. — *Н. Я.*) и другие. В момент начала февральской революции всем

масонам был дан приказ немедленно встать в ряды защитников нового правительства, сперва Временного комитета Государственной думы, а затем Временного правительства. Во всех переговорах об организации власти масоны играли закулисную, но видную роль. Позже, как я уже указывал выше, начались политические и социальные разногласия, и организация распалась. (Допускаю, однако, что взявшее в ней верх правое крыло продолжало работу, но очистилось от левых элементов, в том числе от меня, объявив нам о прекращении работы, т. к. к этому приему мы и раньше прибегали)». Некрасов еще и еще раз подчеркивал сверхконспиративный характер организации. Он указал, что многие попытки проникнуть в нее пресекались с порога. Так, Некрасов рассказал о стремлении польских масонов связаться с русскими и заключил: «Но мы на это не пошли, так как он (представитель польских масонов. — *Н. Я.)* был связан с французскими масонами, среди которых было много агентов охранки». Неожиданные познания, не из департамента ли полиции, центра зарубежной агентуры?

С другой стороны, наводит на определенные размышления и названная Некрасовым цифра масонов — 300—350 человек. Известна резолюция последнего царского министра внутренних дел Протопопова на полях обзора печати об очередном выступлении против «темных сил»: «Вся эта оппозиция выросла на ниве расстройства продовольственной части и тягот военных. Число ее вожаков невелико. Выразители ее — Дума, частица Государственного совета и группа дворян (далеко не все, не купечество, не капитал, не деревня)». Число этих вожаков Протопопов определял именно в 300 человек. Весьма вероятно, что царское министерство внутренних дел имело кое-какое представление об этой организации.

Масоны всех степеней и градусов, рвавшиеся к установлению в России автократии, были последовательными противниками большевиков. Антибольшевистская, антикоммунистическая платформа объединяла все российские масонские ложи независимо от того, входили они в организацию, возглавлявшуюся Некрасовым и другими, или нет (заметим, что антибольшевизм сплотил в единое целое все буржуазные политические партии, несмотря на различие во взглядах и целях).

Коль скоро партия большевиков стояла за революционный выход из войны, российские масоны были естественными союзниками тех, кто выступал за продолжение кровавой бойни в интересах зарубежного и отечественного капитала, объективно они являлись орудием в руках правящих кругов Антанты, стремящихся выплыть к победе на потоках русской крови. Один из членов масонской ложи много лет спустя припоминал: «Большинство существовавших в России, по крайней мере в Петербурге, масонских организаций, в сущности, представляли собой филиальные отделения французских орденов и в той или иной степени ориентировались на национальную французскую ложу «Великий восток», организационно тесно связанную с правительственными и деловыми кругами Франции».

Мы находим масонов в чудовищном клубке антибольшевистских заговоров до Октября 1917 года, они — активнейшие участники антисоветских организаций после Великой Октябрьской социалистической революции. То, что масоны были лютыми врагами большевиков, очевидно, как не менее ясно и то, что они неизменно пытались сыграть роль объединителей руководства буржуазных партий в России в 1917 году. Вероятно, в этом отношении, как показывает хотя бы персональный состав Временного правительства, они в известной степени преуспели. Но эти потуги не дали руководителям буржуазии ожидавшихся ими успехов в условиях страны, шедшей к социалистической революции.

Но кто может пролить свет на все это из живущих? Значит, снова нужно обратиться к «живой истории» — В. В. Шульгину.

Июнь 1974 года. Автор в чистенькой квартире Шульгина во Владимире. 96-летний Шульгин бодр, тверд в памяти.

— Василий Витальевич, понимаю, надоел. Один только вопрос, последний — что вы знаете о масонах?

— Знаю, хотя не очень много. А почему вы заинтересовались?

— Книжку написал. Мне кажется, что Некрасов верховодил у них.

— Николай Виссарионович? Не думаю, чтобы он был главным. Вы бы занялись Маклаковым, не Николаем Алексеевичем, а братом его, Василием Алексеевичем. Он был масоном высоких степеней. Гостил я у не-

го в эмиграции в двадцатые годы... Он мне рассказывал, что организация была серьезная, очень серьезная. Не в зарубежье, конечно, а на родине.

— Чего же они добивались?

— Не был посвящен, но припоминаю удивительные слова Василия Алексеевича. Дело было в третьей Думе. Заседание, знаете, Пуришкевич скандалит, кричит. Вышел я в кулуары, прохаживаюсь. Выскакивает Маклаков и ко мне: «Кабак!» — сказал громко, а потом, понизив голос, добавил: «Вот что нам нужно: война с Германией и твердая власть». Вы и делайте выводы...

— Стоит ли дальше заниматься масонами?

— Очень стоит, только трудно. Они таились. А организация была весьма серьезная...

— Скажите, прав ли я, когда считаю, что в правившем лагере за кулисами четко обнаружилась тенденция к правой автократии?

Подумал, пожевал бескровными губами, погладил крепкой рукой седую до желтизны бороду и сказал:

— Наверное. Пожалуй, так и обстояло дело — разговоры о многопартийности оставались разговорами. Власть, профессор, она одна, и ее, матушку, делить с кем-либо негоже. Слишком драгоценный дар, нельзя было ее распределить по партиям. Люди, о которых вы изволили говорить, были кремень и, раз схватив власть, ее бы не уронили. А многопартийность... да мало ли о чем болтают на перегонах между политическими станциями? Пустые разговоры для простодушных.

И задумался, погасив веками острый взгляд из-под кустистых бровей.

Член IV Думы во времена Временного правительства, комиссар Одессы Л. А. Велихов также указывал: «В 4-й Государственной думе я вступил в так называемое «масонское объединение», куда входили представители от левых прогрессистов (Ефремов), левых кадетов (Некрасов, Волков, Степанов), трудовиков (Керенский), с. д. меньшевиков (Чхеидзе, Скобелев) и которое ставило своей целью блок всех оппозиционных партий Думы для свержения самодержавия». Иными словами, успех лидеры этих партий во времена царизма видели только в сплочении своих сил. Едва ли после февральского рубежа они стали смотреть на это дело по-иному.

Какая отсюда следует мораль? Установление того, что верхушка всех без исключения российских буржуазных партий была объединена в рамках некой сверхорганизации — масонов, позволяет по-иному взглянуть на подоплеку событий тех лет. В главном и решающем — вопросе о власти — лидеры класса эксплуататоров попытались осуществить концентрированную волю. В широком смысле эксплуататорский класс стремился создать единую сверхпартию. Она по необходимости могла пока охватывать только его верхушку, ибо раскрытие замысла объединения всех сил буржуазии в рамках одной организации неизбежно подорвало бы цели, поставленные инициаторами этого образа действий.

Страна бурлила, стояла на пороге революции. Бесчисленные миллионы поднимались на борьбу против царского самодержавия. Объявить в этих условиях, что буржуазия стоит за новую автократию, означало бы немедленно совершить политическое самоубийство. Поэтому случилось так, что руководители российской буржуазии были вынуждены с величайшей тщательностью скрывать выковавшееся среди них единство за спиной народа и против народа. Отсюда политический плюрализм, заполнивший российскую сцену в 1917 году.

Верхушка буржуазии считала сложившееся положение временным, преходящим. «Мозговой трест» кадетов приступил к объяснению этого буквально с первых дней после февральской революции, разумеется, прибегая к самой «революционной» фразеологии. Уже в конце марта 1917 года в брошюре Н. Голуба «Радикальный блок» бросается призыв к объединению всех «социалистических» партий, ибо в России, «словно в первый день творения, — величайший хаос и величайшие возможности». Названия брошюры достаточно, чтобы понять, о каких «социалистах» в ней шла речь.

«Пока у демократии, — подчеркивал автор, — нет организованных врагов, — есть только хаотическая масса, из которой в будущем, может быть, в ближайшем будущем, эти враги могут выкристаллизоваться в виде, может быть, небольших, но, вероятно, очень твердых кристаллов. В этом отношении нам могут позавидовать все демократии мира. Россия представляет-

ся совершенно ровной, целинной степью, без терновника и без оврагов, которую нужно и можно вспахать глубоко, разумно и быстро, чтобы получить изумительную жатву». О каких «врагах» шла речь в брошюре, на которой отчетливо видна фабричная марка «Сделано кадетами»? Царизм был сметен, речь шла об объединении сил против народа, против большевистской партии.

Летом 1917 года В. К. Никольский в брошюре «Наши политические партии о будущем России» разобрал программы эсеров, меньшевиков и кадетов. «Сглаживая трения, — настаивал он, — все три партии могут идти по одному пути, если кадеты решительно сдвинутся влево и пойдут навстречу зову жизни. Проф. Лосский на 7-м кадетском съезде (март 1917 года. — *Н. Я.*) открыто заявил, что кадеты тоже социалисты, только не революционные, а эволюционные». Великолепное открытие, подводящее к основной мысли брошюры: «Если мы воспроизведем в своей памяти основные пункты программ трех наших партий, то не найдем непримиримых противоречий».

Новоявленные «социалисты» — кадеты вкупе с меньшевиками и эсерами должны были единым фронтом выступить против большевиков, ибо, разъяснял автор, таких «социалистов больше всего страшит «диктатура пролетариата». А что взамен этого лозунга, сплачивавшего вокруг большевиков трудящиеся массы? «Угнетенным русским, без различия партий и классов как воздух необходимо прежде всего осуществление «прав человека и гражданина». Битая, знакомая демагогия, бесстыдная спекуляция на революционности народа.

Так начали ставить вопрос идеологи буржуазии в пропагандистских материалах, печатавшихся громадными тиражами. Пока говорили люди второго эшелона, подлинные хозяева помалкивали, дожидаясь своего «звездного» часа.

После февраля, в условиях широкой легальности («Россия, — писал В. И. Ленин, — сейчас самая свободная страна в мире из всех воюющих стран»), когда в политическую жизнь были втянуты огромные массы, наступил бурный расцвет многопартийности. Факт объективный. Но то, что эта многопартийность, сложившаяся по большей части стихийно, служила

удобным прикрытием для интриг российского крупного капитала, рвавшегося к безраздельной власти, сомнения не вызывает. В обстановке всеобщего хаоса и замешательства господа Некрасовы, Керенские, Коноваловы, Терещенко и другие, твердо знавшие, чего они добиваются, настойчиво проводили свой курс, соединенные единством цели и методов. Отсюда уже начавшаяся пропаганда в пользу сглаживания разногласий между буржуазными партиями. Но лидеры буржуазии не успели, не смогли справиться с народной стихией, энергия которой была направлена в русло социалистической революции волей и гением Владимира Ильича Ленина, партии большевиков. Октябрь в корне пресек обозначавшуюся тенденцию к диктатуре крупного капитала. Наши враги успели создать единение буржуазных верхов, но у них не хватило времени консолидировать его, ибо они не могли найти массовой опоры в революционной стране. С точки зрения исторических судеб России во всем величии предстает великая своевременность Октября.

Спасение поистине пришло в последний час. Для реакционеров то было крушением всех надежд. Как заметил У. Черчилль, «ни к одной из наций рок не был так беспощаден, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была уже на виду, она претерпела бурю, когда наступила гибель...». Только о какой России сожалел величайший ненавистник коммунизма У. Черчилль?

Коротко говоря, то, что в современной терминологии именуется «превентивной революцией», задуманное в масонской ложе, не удалось. В России развернулась подлинная народная революция, очистившая авгиевы конюшни эксплуататорского строя. Излюбленный тезис современных антикоммунистов состоит в том, что победа в Октябре 1917 года пресекла-де некий процесс расцвета многопартийности в России. По поводу этого на Западе написаны библиотеки книг, дотошно разработаны бесконечные программные заявления всех без исключения буржуазных партий, проведен анализ различия между ними. В тени оставляется только одно обстоятельство — все эти партии защищали интересы горстки эксплуататоров. Правда заключается в том, что партии большевиков по всем коренным проблемам общественного развития противостоял единый

отлаженный механизм, одно руководство, объединявшее вожаков всех буржуазных партий. На смену царизму шла диктатура крупного капитала в ее наиболее жесткой форме — то, что по нынешней терминологии именуется тоталитаризмом, а тогда называлось просто военной диктатурой. Только на путях тоталитаризма российская буржуазия надеялась обуздать великий народ. Пресечь, а затем сломать ясно обозначившуюся тенденцию могла только социалистическая революция, давшая власть народу.

Так, и не иначе, был поставлен вопрос историей.

Современнику было трудно, а порой невозможно проникнуть в суть происходившего. А. А. Блок, воззвавший в начале книги «Россия и интеллигенция» (1907 г.): «Только о великом стоит думать, только большие задания должен ставить себе писатель», размотав нить повествования, воскликнул:

«В полете на воссоединение с целым, в музыке мирового оркестра, в звоне струн и бубенцов, в свисте ветра, в визге скрипок — родилось дитя Гоголя. Этого ребенка назвал он Россией.

Она глядит на нас из синей бездны будущего и зовет туда. Во что она вырастет, — не знаем; как назовем ее — не знаем».

Знала только партия большевиков, сделавшая и назвавшая нашу страну Советской Россией!

СОДЕРЖАНИЕ

Яковлев Н. Н.

Я47 1 августа 1914. 2-е изд. М., «Молодая гвардия», 1974.
240 с.

Много лет прошло с августа 1914 года, но по-прежнему велик интерес к событиям первой мировой войны. Известный советский историк Н. Яковлев, раскрывая причины, характер и ход войны, рисует широкое историческое полотно, используя много новых, не публиковавшихся ранее материалов.

9(М)32+9(С)176

Я $\frac{11202-310}{078(02)-74}$ 16—74

Яковлев Николай Николаевич
1 АВГУСТА 1914

Редактор С. Глушко
Художественный редактор А. Косаргин
Технический редактор Ю. Шабынина

Подписано к печати с матриц 12/XI 1974 г. А01516. Формат 84×108[1]/[32]. Бумага № 2. Печ. л. 7,5 (усл. 12,6). Уч.-изд. л. 12,8. Тираж 100 000 экз. Цена 53 коп. Т. П. 1974 г., № 16. Заказ 2402.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

53 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Н. Яковлев
1 августа 1914